This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Keussler, F. von

ОКОНЧАНІЕ

ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО РУССКАГО ВЛАДЫЧЕСТВА

ВЪ ПРИБАЛТІЙСКОМЪ КРАѢ

ВЪ XIII СТОЛѢТІИ.

СОЧИНЕНІЕ,

УДОСТОЕННОЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІЕЙ НАУКЪ ПРЕМІИ ГРАФА УВАРОВА,

Фридриха фонъ Кейсслеръ.

Motto: Carissima veritas.

(Доложено въ засѣданіи Историко-филологическаго отдѣленія 19 мая 1899 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1900. ST.-PÉTERSBOURG.

Продается у коммиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова, М. Эггерса и Комп. и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ.
Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ.
Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.
М. В. Клюкина въ Москвѣ.
Е. П. Распопова въ Одессѣ.
Н. Киммеля въ Ригѣ.
Фоссъ (Г. Гэссель) въ Лейпцигѣ.

Commissionaires de l'Académie Impériale des Sciences:
MM. **J. Glasounof, Eggers & Cie.** et **C. Ricker** à St.-Pétersbourg.
M. **N. Karbasnikof** à S.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna.
M. **N. Ogloblinе** à S.-Pétersbourg et Kief.
M. **M. Kluckine** à Moscou.
M. **E. Raspopoff** à Odessa.
M. **N. Kymmel** à Riga.
Voss' Sortiment (G. Haessel) à Leipsic.

Цѣна: 1 руб. 60 коп. — Prix: 4 Mrk.

Ke

HOOVER LIBRARY

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

1K511
33.1.117
f

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.

MANIBUS

ERNESTI KUNIKI

SACRUM.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе VII

Введеніе. Источники. Размѣры и способы «владычества». 1

I. Отношенія двинскихъ ливовъ и латышей къ князьямъ Полоцка, Куконоса и Герцике въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія. 4

II. О дани, платимой Пскову землею Толова 39

III. Русско-эстонскія отношенія въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣмцами 56

Приложеніе I. — Нѣкоторые спорные вопросы географіи старинной Лифляндіи . 75

Приложеніе II. — Отвѣтъ на критику г. А. Сапунова въ «Отчетѣ о тридцатьвосьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова», стр. 79—132. С.-Петербургъ, 1898 года 85

Дополненіе 132

Карта.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее сочиненіе 25-го сентября 1896 года было удостоено Императорской Академіей наукъ преміи графа Уварова. Оно составилось въ значительной мѣрѣ изъ работъ, которыя были мною напечатаны нѣсколько времени тому назадъ въ изданіяхъ: „Mittheilungen aus der livländischen Geschichte“[1]) и „Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands“[2]). Въ изданіи „Mittheilungen“ помѣщены: „Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Plescauer“ (Bd. XIV, Heft, 1, 1886); „Das livische und lettische Dünagebiet und die Fürsten von Polozk, Gerzike und Kokenhusen am Ausgang des XII. und zu Beginn des XIII. Jahrhunderts“ (Bd. XV, H. 1, 1891); „Zur Geschichte des Fürstenthums Gercike“ (Bd. XV, H. 2, 1892); „Zur Geographie Alt-Livlands“ (Bd. XVI, H. 1, 1893); въ изданіи „Sitzungsberichte“ за 1891 г.: „Zur Frage der Beziehungen der russischen Fürsten zu den Eingeborenen der gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XII. und XIII. Jahrhundert“; за 1895 г.: „Widerlegung der Hypothese Dr. A. Bielensteins über die Lage der Lettenburg Autine“. — Всѣ эти работы, для того чтобы войти въ настоящее сочиненіе, подверглись переработкѣ не только со стороны изложенія, но частію

1) Riga, N. Kymmels Buchhandlung. Вышеприведенное заглавіе носятъ отдѣльные выпуски; томы же озаглавлены: «Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands».

2) Riga, W. F. Häcker.

и по существу, причемъ кое что должно было быть отброшено, какъ не относящееся прямо къ обозначенной заглавіемъ этого сочиненія темѣ. Прибавлено — исключая самое указаніе на отказъ русскихъ отъ эстонскаго края въ 1224 г. — обозрѣніе русско-эстонскихъ отношеній въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣмцами. Долженъ замѣтить, что въ этомъ именно отдѣлѣ я сошелся съ выводами покойнаго E. Bonnell'я и проф. Dr. R. Hausmann'a.

Что касается приводимой мною литературы — преимущественно хронологическаго или географическаго содержанія — то она принадлежитъ главнымъ образомъ перу балтійскихъ изслѣдователей. Посвященнымъ тому же предмету русскимъ монографіямъ: А. Сапунова, „Рѣка Западная Двина, историко-географическій обзоръ" (Витебскъ 1893) и Г. Трусмана, „Введеніе христіанства въ Лифляндіи" (С.-Петербургъ 1884) — я ничѣмъ не обязанъ.

Приложенная карта имѣетъ цѣлью сколько нибудь помочь менѣе посвященному читателю оріентироваться среди приводимыхъ въ текстѣ географическихъ названій.

Появленіе моего сочиненія въ печати замедлилось вслѣдствіе того, что я ожидалъ, пока будетъ напечатана рецензія на нее г. А. Сапунова, предпринятая имъ по порученію Академіи. Мой подробный отвѣтъ на нее помѣщенъ въ Приложеніи II-омъ.

С.-Петербургъ, 1895 и 1898 года.

Авторъ.

1 # ВВЕДЕНІЕ.

Источники. Размѣры и способы „владычества".

Извѣстно, что значительная часть теперешняго прибалтійскаго края, прежде чѣмъ подпасть подъ нѣмецкое господство, находилась въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ русскихъ князей. Когда и при какихъ обстоятельствахъ утвердилось здѣсь русское владычество, какимъ перемѣнамъ было оно подвержено до прихода нѣмецкихъ миссіонеровъ — вотъ вопросы, разрѣшеніе которыхъ представляется чрезвычайно труднымъ, если не совсѣмъ невозможнымъ, въ виду крайней недостаточности источниковъ[1]),
2 состоящихъ почти исключительно изъ отдѣльныхъ случайныхъ извѣстій въ совершенно разнородныхъ русскихъ лѣтописяхъ и изъ немногихъ скудныхъ замѣчаній въ скандинавскихъ сагахъ.

Съ переходомъ въ XIII-ое столѣтіе изслѣдователь стоитъ на болѣе твердой почвѣ: начинаются повѣствованія ливонскихъ историческихъ источниковъ съ хроникою Генриха Летляндскаго во главѣ[2]). Русскіе источники дополняютъ ихъ, но дополняютъ въ одной только части: въ то время какъ событія новгородскія и псковскія историкъ имѣетъ возможность устанавливать, сопоставляя показанія нѣмецкихъ хроникъ съ лѣтописями Новгорода и Пскова, отсутствіе
3 части полоцкой лѣтописи[3]), къ сожалѣнію, лишаетъ его этой возможности во многихъ вопросахъ, касающихся спеціально двинскаго края.

---

1) Матеріалъ собранъ довольно полно въ обширномъ сочиненіи Боннеля: Ernst Bonnell, Russisch-Liwländische Chronographie von der Mitte des neunten Jahrhunderts bis zum Jahre 1410. St. Petersburg, 1862.

2) Henrici chronicon Lyvoniae ex recensione Willhelmi Arndt in usum scholarum ex monumentis Germaniae historicis recudi fecit Georgius Heinricus Pertz. Hannoverae, 1874.

3) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своей Русской исторіи, часть I, стр. 181, прим. 18 признаетъ подложнымъ отрывокъ полоцкой лѣтописи, приводимый Татищевымъ (книга III, стр. 403—409), ссылаясь на статью Н. Лыжина: Два памфлета временъ Анны Іоанновны въ Извѣстіяхъ Имп. Академіи Наукъ по Отд. русск. яз. и слов., т. VII, стр. 49—64; С.-Петербургъ 1858 г. Для оцѣнки мнѣнія Лыжина см. еще стр. 19 прим. 38 этого изслѣдованія.

Слѣдующія данныя помогутъ составить понятіе о сферѣ распространенія русскаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ къ концу XII-го и началу XIII-го столѣтія:

I. По Западной Двинѣ простирается область господства княжества полоцкаго и второстепенныхъ (удѣльныхъ) княжествъ Куконоса и Герцике, причемъ вверхъ до Ашерадена жили ливы, а дальше вверхъ по теченію, на правомъ берегу — латыши. Противъ этихъ послѣднихъ на лѣвомъ берегу рѣки обитали зелоны (въ теперешней верхней Курляндіи), къ западу отъ нихъ семигаллы (въ средней части теперешней Курляндіи). Двѣ послѣднія народности въ обозначенный періодъ времени не находились въ зависимости отъ князей полоцкихъ.

II. Область господства Пскова, которая обнимала землю Толова, заселенную латышами (по верхнему и среднему теченію лифляндской Аа до 4
озера Буртнѣкъ и на востокъ до русской границы).

III. Великій Новгородъ имѣетъ притязаніе на господство надъ эстонскимъ краемъ или, по крайней мѣрѣ, надъ восточной его частью[4]).

Степень зависимости означенныхъ ливонскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ русскихъ была настолько слаба, что напрашивается самъ собою вопросъ: можно ли вообще говорить о первоначальномъ русскомъ владычествѣ? По поводу такого взгляда позволю себѣ возразить слѣдующее.

Понятіе «владычества» вообще весьма относительно и видоизмѣняетъ свой смыслъ въ зависимости отъ времени и обстоятельствъ. Непремѣнный его признакъ — выполненіе нѣкоторыхъ постоянныхъ обязательствъ въ видѣ дани, платимой подчиненной народностью властителю, хотя бы и не 5
сосѣднему съ нею непосредственно своими владѣніями; такая народность не можетъ считаться свободной ни номинально, ни фактически, тѣмъ болѣе что уплата дани бываетъ связана обыкновенно съ другими знаками покорности властителю, на примѣръ съ войсковой повинностью.

Генрихъ Летляндскій, называя въ различныхъ мѣстахъ своей хроники латышей земли Толова и двинскихъ ливовъ данниками (tributarii) русскихъ, т. е. князей полоцкихъ и псковскихъ, каждый разъ даетъ понять, что зависимость эта имѣла характеръ *постоянства*: такъ по поводу дани латышей онъ прибавляетъ слово «*semper*», а дань двинскихъ ливовъ называетъ «*debitum* tributum». Мы видимъ также, что, нѣсколько времени спустя, епископъ Мейнгардъ передъ началомъ своей миссіонерской дѣятельности среди ливовъ испрашиваетъ на то позволеніе у князя Владиміра полоцкаго; видимъ также, какъ этотъ послѣдній во время переговоровъ съ епископомъ 6

---

4) Не мѣшаетъ замѣтить, что князьямъ Новгорода и Полоцка придавался въ то время титулъ *великихъ*.

Альбертомъ передъ укрѣпленіемъ Герцике въ 1212 году заявляетъ, что *въ его власти крестить своихъ холоповъ-ливовъ* или оставить некрещеными (in sua esse potestate servos suos Lyvones vel baptizare vel non baptizatos relinquere). Взиманіе дани съ латышей земли Толова, являясь такимъ образомъ верховнымъ правомъ, признается со стороны нѣмцевъ, и притомъ въ силу договора — и тогда, когда эти послѣдніе уже утвердились въ Ливоніи; такимъ образомъ втеченіе нѣкоторого времени какъ Толова, такъ и земли ливовъ по Двинѣ находятся въ общемъ владѣніи нѣмцевъ и русскихъ. — Изъ только что изложеннаго вытекаетъ, что князьямъ псковскимъ и полоцкимъ принадлежало надъ той и другой областью только *владычество въ болѣе широкомъ смыслѣ.*

7 Каковы были въ эпоху ливонскаго хрониста отношенія эстовъ къ ихъ восточнымъ сосѣдямъ, и какъ далеко шли притязанія этихъ послѣднихъ на эстонскій край, — будетъ показано ниже.

Иныя отношенія существовали тамъ, гдѣ русскіе князья *имѣли свое жительство.* На кратковременномъ властвованіи князя Вячко, или Вячеслава, въ Дерптѣ, древнемъ Юрьевѣ, и его окрестности въ 1223 и 1224 гг. останавливаться не стоитъ, такъ какъ о немъ не имѣется подробныхъ свѣдѣній; притомъ это былъ моментъ, когда общая борьба противъ нѣмцевъ связала на время тѣснѣе русскихъ и эстовъ. Относительно же князей Куконоса и Герцике можно сказать утвердительно, что уже благодаря самому мѣстонахожденію ихъ, права ихъ надъ подвластными народностями шли дальше, чѣмъ права болѣе, чѣмъ они, удаленныхъ князей Полоцка и Пскова. Надо различать также области, гдѣ правили сами князья или, можетъ быть,
8 ихъ чиновники, отъ такихъ земель, гдѣ были латышскіе старшины (seniores). Одинъ изъ такихъ старшинъ даже названъ: Варидотъ изъ укрѣпленія Аутине, которое по договору 1209 г. вмѣстѣ съ другими укрѣпленіями было уступлено княземъ Герцике Всеволодомъ епископу Альберту.

I. 9

Отношенія двинскихъ ливовъ и латышей къ князьямъ Полоцка, Куконоса и Герцике въ концѣ XII-аго и началѣ XIII-аго столѣтія.

Изо всего ливонскаго племени только ливы, жившіе по Двинѣ, платили дань князьямъ полоцкимъ; такъ думаетъ и Пабстъ, не приводя однако основаній своего мнѣнія[5]). Нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы платили дань ихъ единоплеменники, жившіе по нижнему теченію рѣки Аа (въ области Thoreyda) и сѣвернѣе въ мѣстностяхъ Идумея и Метсеполе, о чемъ будетъ рѣчь еще разъ.

Выше по теченію Двины лежали въ землѣ латышей русскія княжества 10
Куконосъ[6]) и Герцике[7]). Первое находилось на правомъ берегу Двины, второе
также, но не по близости имѣнія Штокмансгофъ, какъ полагали раньше,
а къ юговостоку отъ него въ теперешней такъ называемой польской Лиф- 11
ляндіи, вблизи имѣнья Царьградъ[8]). Область княжества Герцике простиралась въ сѣверозападномъ направленіи до земли Толова; тянулась ли она,

---

5) Eduard Pabst, Heinrichs von Lettland Livländische Chronik. Uebersetzt und erläutert. Reval, 1867, стр. 4, прим. 2 — къ I, 3. — Русскій переводъ этой книги помѣщенъ въ Сборникѣ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Т. I. Рига, 1876.

6) Kukonoyse, Kukenoys и др., по латышски Kohkneses, по русски Куконосъ, современное нѣмецкое названіе Kokenhusen. См. мою работу: «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oertlichkeiten», помѣщенную въ Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands за 1887 г. (Riga, 1888, стр. 24—28 и 36—37. О томъ же см. Dr. A. Bielenstein, «Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert», St. Petersburg 1892, стр. 96 и др. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самое слово *латышскаго* происхожденія и обозначаетъ *лѣсистую мѣстность*.

7) «Gerzeke» и др. по Пабсту, стр. 39, примѣчаніе I къ VII, 8, слово *русскаго* происхожденія и означаетъ *городище*; см. также Bielenstein, стр. 99 и др., особенно на стр. 472 и слѣд. соображенія академика Куника. По его мнѣнію «Gerzeke» (или «Gerceke») — древнѣйшая форма; болѣе новая — «Gerzike» (или «Gercike»); однако вторая употребляется чаще. Существуютъ и еще варіанты. Дополнительныя свѣдѣнія даетъ акад. Куникъ въ «Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft» Bd. XIX, Stück 3 (Mitau 1894), S. 87 f.

8) J. Döring, «Ueber das vermeintliche Gercike bei Stockmannshof». Baltische Monatsschrift, Bd. XXIII, (1874), стр. 422—442; дополненія на стр. 579—580. См. также: Bielenstein, Die Grenzen etc. стр. 99 и др.

какъ готовы думать, къ юговостоку дѣйствительно до теперешней Druja (приблизительно въ 8 миляхъ отъ Динабурга вверхъ по рѣкѣ), остается подъ сомнѣніемъ[9]). Граница между княжествами Герцике и Куконосъ не поддается точному опредѣленію; одно можно заключить изъ имѣющихся извѣстій, что второе, хотя и заключало въ себѣ еще часть зелонскаго племени, было несравненно меньше перваго. Этимъ объясняется то обстоятельство, что Генрихъ Летляндскій называетъ князя Герцике всегда «rex», тогда какъ князя Куконоса однажды (XI, 9) «regulus». Въ томъ же мѣстѣ также
12 какъ и XX, 3 и XXV, 2, великій князь полоцкій, котораго онъ обыкновенно называетъ «rex», названъ «rex magnus», подобно великимъ князьямъ Новгорода (XIV, 2 и др.), Кіева (XXVI, 1) и Суздаля (XXVIII, 6)[10]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что князья Куконоса и Герцике *находились въ зависимости* отъ князей полоцкихъ. Въ пользу такого мнѣнія говоритъ прежде всего то, что ливы, обитавшіе по Двинѣ къ западу, платили дань свою Полоцку. Естественнымъ путемъ сообщенія являлась р. Двина, и представляется совершенно непонятнымъ, какъ возможны бы были сноше-
13 нія ливовъ съ Полоцкомъ, если бы Куконосъ и Герцике, лежавшіе по серединѣ и владѣвшіе на большомъ протяженіи рѣкою, не зависѣли сами отъ князей полоцкихъ. Менѣе убѣдительны соображенія, которыя приводитъ Пабстъ въ пользу той же зависимости (см. стр. 39, прим. 1, къ VII, 8, гдѣ указывается на XVI, 2, и стр. 53, прим. 1 къ IX, 10). — О возникновеніи обоихъ княжествъ не имѣется, повидимому, свѣдѣній; однако, по всей вѣроятности, справедливо мнѣніе Соловьева, который видитъ въ нихъ удѣльныя княжества Полоцка[11]). Боннель подъ 980 г. замѣчаетъ, что ливы и летты «вѣроятно» были уже подвластны князю Рогволду полоцкому, тестю Владиміра Святого, и что «къ тому времени могли уже существовать по Двинѣ укрѣпленія Герцике, Куконосъ и Ашераденъ[12]). Во

---

9) Такое предположеніе высказываетъ Дёрингъ, стр. 438 и сл.; ср. стр. 436. Въ связи съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ Генриха Л. см. Pabst, стр. 342, пр. 11; не слѣдуетъ ли принять въ разсчетъ медленность плаванія противъ теченія? Ср. VII, 8. О размѣрахъ княжества Герцике будетъ рѣчь ниже.

10) Wilh. Arndt, стр. 51 хроники Генриха Летляндскаго, подразумѣваетъ подъ «rex magnus Woldemarus» князя Владиміра псковского, что представляется невѣроятнымъ какъ изъ связи событій, такъ и изъ того обстоятельства, что послѣдній нигдѣ не называется «rex magnus»; даже однажды (XV, 2) названъ «regulus».

11) С. Соловьевъ, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 5-ое. т. II, стр. 354.

12) Chronographie, S. 2 и Commentar, S. 16. — Въ дополненіе къ этому замѣчу, что по А. Веселовскому: «Мелкія замѣтки къ былинамъ». (Журналъ Мин. Нар. Пр., 1896, августъ, стр. 235 и слѣд.) — часто упоминаемый въ эпосѣ *сынъ Владиміра Св., Илья* — долженъ былъ быть *княземъ Герцике*. Относящееся сюда мѣсто въ «Saga Didriks konungs af Bern», изд. C. R. Unger (Christiania, 1853), стр. 271, гласитъ такъ: «... at moti þeim kemr iarl einn af Greka Valldemars konungs». Такъ читается по кодексу A, гдѣ есть искаженіе текста; въ кодексѣ B вмѣсто «Greka» стоитъ «Gerseka borg frændi». A. Raszmann, «Die

избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ здѣсь замѣтить, что въ эпоху Генриха 14
Летляндскаго укрѣпленіе Ашераденъ было исключительно пограничнымъ мѣстомъ[13]) страны ливовъ, и что вообще нѣтъ извѣстій о какихъ либо русскихъ укрѣпленіяхъ въ землѣ ливовъ, обложенныхъ русскою данью.

Сюда то, какъ извѣстно, наѣзжали часто съ моря нѣмецкіе купцы съ торговыми цѣлями. Вмѣстѣ съ ними прибылъ престарѣлый августинскій монахъ Мейнгардъ единственно для дѣла Христова и ради проповѣди (simpliciter pro Christo et predicandi tantum causa — Генр. Летл. I, 2). Разсказъ объ его миссіонерской дѣятельности хронистъ начинаетъ такъ: Послѣ того какъ вышеназванный священникъ получилъ позволеніе отъ короля Владиміра[14]) Полоцкаго, которому ливы, въ то время язычники, платили дань, и принялъ также отъ него подарки, принялся онъ мужественно за 15
дѣло Божье, проповѣдовалъ ливамъ и построилъ церковь въ деревнѣ Икскуль[15]). Построеніе этой первой церкви произошло въ 1184 г.; соглашеніе же съ княземъ Владиміромъ и начало проповѣди могутъ относиться и къ болѣе раннему времени, на что обращаетъ вниманіе Пабстъ, стр. 4, прим.

Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ Генрихъ Летляндскій, согласно съ современными ему русскими источниками, сообщаетъ слѣдующее: Есть обычай у королей русскихъ, когда покорятъ они какой народъ, не подчинять его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежемъ дани и денегъ[16]).
Бестужевъ-Рюминъ видитъ причину такого отношенія къ вѣрѣ поко- 16
ренныхъ въ «исконной вѣротерпимости» русскихъ православныхъ князей (стр. 300). Насколько удовлетворительно такое объясненіе, здѣсь не мѣсто разсматривать. Заслуживаетъ, конечно, признанія та терпимость, съ которою князь Владиміръ разрѣшилъ проповѣдывать чужеземному римскокатолическому монаху среди своихъ данниковъ-ливовъ и даже одарилъ его. Чужой священникъ, начавшій созидать «царство Божіе» на Двинѣ «исклю-

---

deutsche Heldensage» (2. Band, Hannover, 1858, S. 315) переводитъ такъ: «Da trug es sich zu, dass ihnen entgegenkam ein Jarl König Waldemars von Greka»; по кодексу же B (K. W.) онъ прибавляетъ: «von Gerseka Burg, ein Blutsfreund».

13) Dr. A. Bielenstein, Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands (Mitau 1884), стр. 17.

14) См. Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 181, 300 и т. д.

15) Accepta itaque licencia prefatus sacerdos a rege Voldemaro de Ploceke, cui Lyvones adhuc pagani tributa solvebant, simul et ab eo et muneribus receptis, audacter divinum opus aggreditur, Lyvonibus predicando et ecclesiam in villa Ykescola construendo — I, 3.

16) Est enim consuetudo regum Ruthenorum, ut quamcunque gentem expugnaverint, non fidei christiane subicere sed ad solvendum sibi tributum et pecuniam subjugare — XVI, 2. По поводу того же см. XX, 2.... mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Cristi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur. См. также главы II и III настоящаго изслѣдованія.

чительно для дѣла Христова и ради проповѣди», не казался опаснымъ его интересамъ. Но вскорѣ отношенія должны были измѣниться.

Оказалось, что новообращенные не могутъ быть удержаны въ новой
17 религіи безъ внѣшняго принужденія. Огорченный отпаденіемъ многихъ ливовъ въ язычество, Мейнгардъ сходитъ въ могилу; преемникъ его, епископъ Бертольдъ во главѣ крестоноснаго ополченія идетъ противъ отпавшихъ и, одержавъ побѣду, гибнетъ во время преслѣдованія. Всѣ эти событія приводятъ третьяго ливонскаго епископа, Альберта, къ мысли создать прежде всего *христіанскій церковногосударственный строй*, который защищалъ бы миссію и препятствовалъ бы отпаденію обращенныхъ. Войдя въ сношенія съ властнымъ Иннокентіемъ III, германскимъ королемъ Филиппомъ, Канутомъ, королемъ датскимъ и другими свѣтскими и духовными владѣтелями Германіи и Скандинавіи, и получивъ отъ нихъ или пожертвованія, или другого рода поддержку, онъ высадился въ 1200 г. съ сильнымъ крестоноснымъ ополченіемъ въ далекой языческой странѣ. Испуганные ливы покорились, были снова крещены, и тридцать мальчиковъ, сыно-
18 вей знатнѣйшихъ семействъ (на этотъ разъ и изъ земли Thoreyda), были даны въ заложники. Тѣмъ же лѣтомъ было намѣчено мѣсто для города — Риги; въ 1201 г. началась постройка, а въ 1202 прибыли первые жители изъ Германіи. На второй же годъ по своемъ прибытіи епископъ Альбертъ надѣлилъ своихъ нѣмецкихъ вассаловъ на ленныхъ основаніяхъ ливонскими укрѣпленіями (Икскуль и Ленневарденъ на Двинѣ). Послѣдовало учрежденіе особаго, Ливонскаго ордена и другихъ установленій съ цѣлью укрѣпленія и дальнѣйшаго распространенія христіанско-европейской культуры на восточномъ берегу Балтійскаго моря и въ только что возникшей германской колоніи [17]).

19 Князь Владиміръ полоцкій, конечно, не могъ смотрѣть равнодушно на безостановочную, поразительно успѣшную дѣятельность предпріимчиваго пришельца, могущество котораго притомъ ежегодно подкрѣплялось вновь прибывающими отрядами крестоносцевъ. Епископъ выхлопоталъ сверхъ того у папы Иннокентія III запрещеніе, подъ угрозой проклятія, посѣщать съ торговыми цѣлями такъ наз. Семигальскую гавань, т. е. устье курляндской Аа; очевидно, что эта мѣра была выгодна для только что основаннаго города и была встрѣчена купцами, торговавшими въ Ригѣ, съ большой радостью. Ими было принято рѣшеніе, усиливавшее еще строгость запрещенія угрозой лишенія жизни и имущества. Когда же несмотря на то, въ

---

17) Для хронологіи этихъ событій см. мои изслѣдованія: «Die Gründung des Cistercienserklosters zu Dünamünde in Livland» (Einladungsprogramm des livl. Landesgymnasiums zu Fellin, 1884; также отдѣльный оттискъ — Fellin, 1884) и «Die Genealogie des Cistercienserklosters zu Dünamünde» (Mittheilungen, Bd. XIV, Heft 1, стр. 111—128).

1203 г., одинъ корабль, спускаясь по Двинѣ, присталъ вопреки угрозамъ
купцовъ къ Семигальской гавани, они захватили его и принудили возвра-
титься, а лоцмана и шкипера корабля (ductor navis) дѣйствительно предали 20
жестокой казни (IV, 7). По примѣру Боннеля (Chronographie, стр. 20,
Comm., стр. 45), Пабстъ предполагаетъ, что это были русскіе, которые
не считали для себя обязательнымъ распоряженіе чужеземцевъ (стр. 26,
прим. 1), и которыхъ еще менѣе должно было устрашать проклятіе рим-
скаго первосвященника. «Но почему же» — спрашиваетъ основательно
Пабстъ — «объ этомъ ничего не сказано»? — Какъ бы то ни было, но
лѣтомъ того же года (разсказанное происшествіе случилось, по предполо-
женію Боннеля и Пабста весною) князь Владиміръ вторгся неожиданно
(ex improviso) со своимъ войскомъ въ Лифляндію и напалъ на укрѣпленіе
Икскуль. Плохо вооруженные ливы не осмѣлились сопротивляться и предло-
жили денегъ (pecuniam); князь взялъ деньги и прекратилъ осаду; когда же
вслѣдъ за тѣмъ онъ попытался овладѣть укрѣпленіемъ Гольмъ (Holm)[18]), 21
куда епископъ успѣлъ послать отрядъ застрѣльщиковъ, послѣдніе перера-
нили — какъ сказано дальше — множество лошадей у русскихъ и обратили
ихъ въ бѣгство, такъ какъ боязнь стрѣлъ помѣшала имъ переправиться
черезъ Двину (VII, 7). И тотчасъ же вслѣдъ за этимъ разсказывается слѣ-
дующее: Князь же Герцике (имя Всеволодъ не упомянуто) вмѣстѣ съ ли-
товцами приступилъ къ Ригѣ, захватилъ принадлежащій горожанамъ
скотъ на пастьбѣ, а двухъ священниковъ, названныхъ по имени, взялъ въ
плѣнъ въ то время, какъ они вмѣстѣ съ пилигримами рубили лѣсъ (можетъ
быть, «устраивая засѣку отъ непріятеля» — Pabst, стр. 39, прим. 5), и
умертвилъ преслѣдовавшаго его вмѣстѣ съ горожанами Теодориха Брудегаме (VII, 8).

Спрашивается, что было поводомъ къ наступательному образу дѣйствій
полоцкаго князя? Хотѣлъ ли онъ уничтожить въ самомъ началѣ могущество 22
нѣмцевъ, которое было для него во всякомъ случаѣ стѣснительно? Въ
такомъ случаѣ было большой ошибкой съ его стороны, что онъ не вошелъ
въ соглашеніе съ ливами, и не только не склонилъ ихъ на свою сторону, но
еще обложилъ ихъ контрибуціей. Боннель предполагаетъ (l. c.), что по-
ходъ былъ предпринятъ Владиміромъ потому, что «русскій купецъ и его
рулевой были убиты рижанами, и что полоцкіе князья негодовали на стѣс-
неніе ихъ торговли по Двинѣ и съ Готландомъ», или, можетъ быть, «купецъ
заранѣе зналъ, что князь въ этомъ году идетъ на землю ливовъ». Соловь-
евъ замѣчаетъ на это, что русскіе князья обыкновенно выступали съ вой-
скомъ противъ обложенныхъ данью народностей въ теперешнемъ прибал-

18) Оно находилось на одномъ изъ острововъ Двины пониже Икскуля; см. Генр. Л. II, 5.

тійскомъ краѣ (по выраженію Соловьева: противъ «чуди» = эстовъ, къ
23 которымъ онъ причисляетъ въ этомъ случаѣ и ливовъ) и вымогали дань силою, коль скоро послѣднія не платили ее добровольно; такъ же точно, по его мнѣнію, хотѣли они поступить теперь съ нѣмцами (т. II, стр. 354). Мнѣніе Соловьева сложилось, повидимому, по аналогіи съ такимъ же образомъ дѣйствій русскихъ князей относительно *другихъ* платившихъ имъ дань народностей. Въ примѣненіи же къ событію 1203 г. оно противорѣчитъ буквальному смыслу одного мѣста въ славянской хроникѣ Арнольда Любекскаго, которое осталось неизвѣстнымъ русскому историку. Тамъ говорится: Король русскій изъ Полоцка имѣлъ обыкновеніе отъ времени до времени собирать дань съ ливовъ, въ которой ему епископъ (Альбертъ) отказалъ. Оттого дѣлалъ онъ часто жестокія нападенія на поименованный городъ (Ригу). Но всещедрый Богъ всякій разъ помогалъ своимъ въ надле-
24 жащее время[19]). Правда, Арнольдъ не можетъ считаться особенно достовѣрнымъ источникомъ для исторіи Лифляндіи; однако слѣдуетъ постараться опредѣлить, насколько его показанія подтверждаютъ или дополняютъ все то, что только можно найти въ другихъ источникахъ объ излагаемыхъ нами событіяхъ.

25 Прежде всего, хотя двинскіе ливы стали подданными рижскаго епископа, однако право полоцкихъ князей на получаемую съ нихъ дань черезъ это вовсе не прекратилось: обязательство ливовъ не утратило своей силы, но въ то же время ясно, что оно простиралось только на нихъ, а не на епископа. Позднѣе состоялось соглашеніе, въ силу котораго епископъ дѣйствительно взялъ на себя извѣстное ручательство относительно русской дани, которую платили новообращенные; но этотъ фактъ не могъ повліять на разсказъ Арнольда, потому что это соглашеніе явилось позже составленія хроники, относящагося къ 1209 г. На самомъ дѣлѣ, должно быть, именно неуплата дани и побудила князя Владиміра къ описанному Генрихомъ походу, такъ какъ, принудивъ ливовъ подъ укрѣпленіемъ Икс-

---

19) Siquidem rex Rucie de Plosceke de ipsis Livonibus quandoque tributum colligere consueverat, quod ei episcopus *negabat*. Unde sepius graves insultas ipsi terre et civitati sepe dicte faciebat. Sed Deus adjutor in opportunitatibus suos semper protegebat. Arnoldi abbatis Lubecensis chronica Sclavorum, 4, 30. De conversione Livonie. Edidit J. M. Lappenberg (въ G. H. Pertz: Mon. Germ. hist. tom. XXI, стр. 212). Не совсѣмъ точное повтореніе того же выраженія встрѣчаемъ нѣсколькими строками ниже: Orta tamen fuit inter dominum episcopum et fratres supra dictos, qui Dei milites dicuntur, quedam intestina simultas et mirabilis quedam altercatio. Dicebant sane fratres, ipsorum juris esse tertiam partem totius gentilitatis, quam dominus episcopus vel verbo predicationis vel violentia expeditionis obtinere potuisset. Quod cum episcopus omnino eis *negaret*, facta est inter eos gravis discordia. — Также и болѣе обстоятельная работа д-ра Rud. Danus (Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Alterthumskunde, Bd. III, Heft 2 (1873), стр, 196—253) не даетъ ничего положительнаго относительно разсказа Арнольда о Лифляндіи.

куль къ уплатѣ денегъ, онъ удовольствовался этимъ и пошелъ дальше; подтвержденіе тому, что рѣчь шла о недоимкѣ, можно видѣть въ вышеприве- 26
денномъ мѣстѣ изъ хроники Арнольда. Но какъ смотрѣть на его заявленіе, что епископъ *отказалъ* князю въ дани? Указанная не разъ ненадежность свѣдѣній Арнольда о событіяхъ, касающихся Лифляндіи, а также нѣкоторыя другія соображенія заставляютъ считать *болѣе вѣроятнымъ*, что *ливы не уплатили дани безъ воздѣйствія епископа*.

Рѣшающее значеніе получаютъ соображенія общаго характера.

Право миссіонерской дѣятельности западной церкви въ двинскомъ краѣ основывалось на позволеніи, данномъ княземъ Владиміромъ полоцкимъ монаху, впослѣдствіи епископу, Мейнгарду. Епископъ Альбертъ правда не довольствовался мирной дѣятельностью миссіонера и сталъ преслѣдовать болѣе обширные планы. Однако въ его интересахъ было уважать, хотя бы лишь до поры до времени, право чужеземнаго князя, а не возставать про- 27
тивъ него сразу насильственнымъ образомъ. Вызывать самому враждебныя столкновенія съ Владиміромъ полоцкимъ значило колебать свое собственное положеніе среди обращенныхъ, на которыхъ онъ не могъ полагаться и которые повиновались ему только противъ воли. Можно сказать съ увѣренностью, что послѣдніе охотнѣе сносили не слишкомъ для нихъ тяжелую русскую дань, нежели нѣмецкое владычество, которое прочнѣе засѣло въ ихъ землѣ, шло дальше въ своихъ требованіяхъ и понуждало ихъ къ новой вѣрѣ; немудрено, что они могли соединиться съ его противникомъ, лишь бы выгнать изъ родной земли ненавистныхъ нѣмцевъ: немного спустя, такая попытка и была дѣйствительно предпринята. Итакъ благоразуміе совѣтовало осторожность и умѣренность. Епископъ Альбертъ и держался постоянно *политики умѣренности*, въ особенности съ русскими князьями 28
во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ; даровитымъ государственнымъ человѣкомъ выказывалъ онъ себя тѣмъ самымъ, что въ сношеніяхъ съ русскими князьями довольствовался достижимымъ и отсрочивалъ дальнѣйшіе успѣхи до другого, болѣе благопріятнаго времени. Нетрудно показать (что и сдѣлано мною отчасти въ другомъ мѣстѣ сочиненія), съ какой *предупредительностью* онъ отнесся въ другомъ случаѣ къ русскимъ требованіямъ насчетъ дани, которымъ давность придавала характеръ *права:* въ 1210 г. по отношенію къ Полоцку, въ 1224 г. и ранѣе — къ Пскову [20]). Странное, такимъ образомъ, утвержденіе Арнольда не находитъ себѣ, кромѣ того, никакого подкрѣпленія въ хроникѣ Генриха Летляндскаго, источникѣ, славящемся полнотой и, особенно для внѣшнихъ сношеній, своей достовѣр- 29
ностью; не находимъ его и въ очень скудныхъ русскихъ лѣтописныхъ

---

20) Иное отношеніе было къ Новгороду. См. главы II и III настоящаго изслѣдованія.

30 источникахъ[21]). Скорѣе даже прямое опроверженіе того, что утверждаетъ Арнольдъ, можно найти у лифляндскаго хрониста въ одномъ позднѣйшемъ отрывкѣ, о значеніи котораго, впрочемъ чисто относительномъ, будетъ рѣчь въ другомъ мѣстѣ. Тамъ сказано: Но онъ [епископъ] не препятствовалъ тому, чтобы платилась дань королю [т. е. князю полоцкому] согласно сказанному Господомъ въ евангеліи: «Воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божіе Богови»[22]).

Во всякомъ случаѣ на основаніи вышеизложеннаго мы имѣемъ право заподозрить достовѣрность той подробности, которую сообщаетъ намъ Арнольдъ Любекскій. Что касается утвержденія Соловьева, что Владиміръ хотѣлъ на этотъ разъ взять дань также и съ нѣмцевъ, слѣдуетъ замѣтить, что, какъ бы правдоподобнымъ оно ни казалось, изъ имѣющихся источниковъ оно не подтверждается: одна *возможность* такого намѣренія у рус-
31 скаго князя еще не *основаніе*. Что подобнаго рода требованіе дошло до епископа Альберта, представляется потому маловѣроятнымъ, что для Генриха Летляндскаго не было вовсе повода умолчать объ этомъ фактѣ; даже были внутреннія побужденія, дѣлавшія сообщеніе его желательнымъ.

Останавливаясь еще разъ на походѣ полоцкаго князя въ 1203 г., слѣдуетъ думать, что князь Герцике, соединившійся въ свою очередь съ литовцами, равно какъ и князь Куконоса, послѣдовали за нимъ, очевидно, въ силу своей зависимости, какъ князья удѣльные. Пораженіе Владиміра понудило перваго къ отступленію.

Весьма вѣроятное участіе *князя куконосскаго Вячко, или Вячеслава*[23]) въ походѣ полоцкаго князя должно было заставить его опасаться мести

---

21) Для оцѣнки Генриха Л. см. Dr. Herm. Hildebrand, Die Chronik Heinrichs von Lettland. Ein Beitrag zu Livlands Historiographie und Geschichte. Berlin 1865 — а именно стр. 51 и 52. Правда, слѣдуетъ возразить противъ сказаннаго на стр. 53, что Генрихъ «kein politischer Kopf war», и что «es mangelte ihm Interesse und Verständniss für die Acta des Staats- und Verfassungslebens». Хотя этотъ недостатокъ, который, кстати, какъ непосредственно вслѣдъ за этимъ явствуетъ, имѣлъ и свою хорошую сторону, указывается авторомъ по поводу разсказа Генриха объ отношеніяхъ епископа къ ордену, но онъ не менѣе ясно обнаруживается и въ другихъ вопросахъ, напр. тѣхъ, которые затрогиваются въ этомъ изслѣдованіи. Нѣтъ основанія видѣть въ этомъ недостаткѣ политическаго интереса причину, по которой Генрихъ умолчалъ объ отказѣ епископомъ въ дани, какъ это передаетъ Арнольдъ,— прежде всего въ виду изложеннаго выше, *если даже признать политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою*. Противъ участія епископа въ фактѣ неуплаты ливами дани можетъ говорить, пожалуй, и то еще обстоятельство, что нападеніе Владиміра совершилось «ex improviso», если только это не слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, что его *временно* не ждали; послѣднее подтверждается нѣкоторыми частностями разсказа.

22) Sed neque regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in ewangelio suo iterum ait: Reddite que sunt cesaris cesari, et que sunt Dei Deo — XIV, 2.

23) См. Соловьевъ, т. II, стр. 356; также стр. 54 прим. 38 этого изслѣдованія.

со стороны епископа Альберта. Лѣтомъ 1205 г. епископъ возвратился изъ 32
Германіи, послѣ длившагося болѣе чѣмъ годъ отсутствія, съ чрезвычайно сильнымъ ополченіемъ изъ крестоносцевъ[24]). Укрѣпленіе Ашераденъ было предано пламени, а тамошніе ливы также изъявили согласіе креститься и дали заложниковъ (IX, 9). Получивъ извѣстіе, что латинскіе пилигримы пришли въ такомъ грозномъ множествѣ и находятся всего въ трехъ миляхъ разстоянія, кн. Вячко испросилъ у епископа охранную грамоту, пріѣхалъ къ нему по Двинѣ и заключилъ съ нѣмцами *прочный миръ* (firmam pacem), о которомъ тутъ же замѣчено, что онъ просуществовалъ очень короткое время (IX, 10).

Слѣдующей же весной 1206 г. епископъ Альбертъ послалъ посольство съ аббатомъ Дюнамюндскомъ Теодорихомъ во главѣ, чтобы отвезти боевого коня *князю Владиміру* въ подарокъ; этимъ онъ желалъ обезпечить себѣ то же дружественное расположеніе, какимъ пользовался его предшествен- 33
никъ Мейнгардъ (.....amicicia et familiaritatem.... quam antecessori suo Meynardo exhibuerat episcopo). Потерпѣвъ по дорогѣ неудачу — ихъ ограбили литовцы (въ чемъ врядъ ли не принималъ нѣкотораго участія дружившій съ литовцами князь Всеволодъ изъ Герцике, черезъ землю котораго они проходили), епископскіе послы прибыли однако въ Полоцкъ. Здѣсь, вѣроятно, къ своему удивленію они нашли нѣсколькихъ ливовъ, тайно посланныхъ своими старшинами, чтобы *побудить князя изгнать сообща нѣмцевъ:* епископъ, объясняли они, вмѣстѣ со своими людьми имъ невыносимъ, и нестерпимо тяжело иго новой вѣры. Просьба ихъ имѣла успѣхъ; Владиміръ разослалъ уже *всѣмъ*, кто находился въ его царствѣ — въ томъ числѣ также князьямъ Куконоса и Герцике — повелѣніе быть немедленно готовыми къ общему походу, чтобы, пользуясь быстротою теченія [вслѣдствіе 34
весенняго розлива Двины], быстро и удобно спуститься къ Ригѣ. Все это было еще неизвѣстно епископскимъ посламъ, когда они были позваны къ князю и въ присутствіи ливовъ предложили ему миръ и дружбу своего господина[25]). На это воскликнули ливы, что нѣмцы не хотятъ и не держатъ мира, и возбуждали во Владимірѣ воинственный духъ суровыми словами. (X, 1). Чтобы тайные его умыслы не вышли на свѣтъ, князь велѣлъ нѣмцамъ удалиться и жить пока въ частномъ домѣ. Однако аббату Теодориху удалось подкупить одного изъ княжескихъ совѣтниковъ и узнать положеніе вещей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нанялъ за ничтожную плату (полъ-марки серебра) одного бѣдняка изъ укрѣпленія Гольмъ, который находился случайно въ городѣ, и послалъ его съ подробнымъ письмомъ къ епископу Аль-

---

24) Въ объясненіе того, почему крестоносное войско 1205 г. было столь значительно, см. мою работу: «Die Gründung des Cistercienserklosters zu Dünamünde», стр. 5 и 9.

25) Pabst, стр. 57, прим. 10, полагаетъ, что рѣчь шла спеціально о союзѣ противъ Литвы.

берту. Послѣдній какъ разъ собирался отплыть съ крестоносцами въ Гер-
35 манію. При извѣстіи о серьезной опасности, вновь угрожавшей лифляндской церкви, часть пилигримовъ возобновила свой обѣтъ, а вмѣстѣ съ ними и епископъ возвратился въ Ригу (X, 2). — Поступокъ Теодориха дошелъ до князя; на вопросъ послѣдняго онъ смѣло признался въ сдѣланномъ. Теперь, когда задуманное сначала внезапное нападеніе болѣе не могло удаться, Владиміръ замыслилъ *хитрость* (dolum). Аббата — сказано буквально — отсылаютъ обратно, а вмѣстѣ съ нимъ отправлены русскіе послы съ той хитростью, чтобы они, выслушавъ обѣ стороны — ливовъ и епископа, — постановили, что будетъ справедливо, и объявили, какъ окончательное рѣшеніе (ut auditis hinc inde partibus inter Lyvones et episcopum quod justum esset decernerent et hoc ratum haberent).

Такимъ образомъ князь полоцкій выступалъ въ роли господина не только ливовъ, *но и нѣмцевъ*. Но такое притязаніе, конечно (такъ по край-
36 ней мѣрѣ смотритъ Генрихъ Летляндскій), не могло быть серьезнымъ.

Прибывъ въ Куконосъ, послы Владиміра пригласили епископа Альберта черезъ какого то діакона Стефана — однако не того, что былъ первомученикомъ, замѣчаетъ иронически хронистъ, — къ себѣ для переговоровъ, которые должны были состояться 30-го мая на рѣкѣ Вогенэ, нынѣшнемъ Огерѣ[26]); сами же рыскали по всей странѣ и призывали ливовъ и леттовъ къ оружію. Первые явились, послѣдніе же — должно быть, «свободные» летты, которые не были подданными или данниками русскихъ, даже предлагаемыми подарками не были склонены къ войнѣ съ нѣмцами (X, 3). Епископъ же на посланный ему зовъ отвѣтилъ: Есть, какъ извѣстно, у всѣхъ народовъ обычай, чтобы послы, отправленные своимъ господиномъ, сами приходили и разыскивали того, къ кому посланы, и никогда не бываетъ,
37 чтобы государь, какъ-бы скроменъ или добродушенъ онъ ни былъ, самъ выходилъ изъ своихъ укрѣпленій на встрѣчу посламъ. Слѣдуетъ, чтобы послы или люди, ими посланные, явились къ нему въ городъ, гдѣ онъ со своими можетъ почетнѣе ихъ принять и лучше угостить. Пусть придутъ они, ничего не опасаясь, и будутъ почетно приняты (X, 4). — Отвѣтъ былъ хорошо обдуманъ и предложенъ епископомъ на обсужденіе его приближеннымъ (de consilio suorum). Особенно старался онъ подчеркнуть свое положеніе, какъ государя; отсюда и заботливость о внѣшнемъ этикетѣ. Но «главная задача» — говоритъ Пабстъ, стр. 60, прим. 2 — «заключалась въ томъ, чтобы не допустить русскихъ до роли верховнаго судьи и вмѣстѣ не подвергнуть себя опасности». При такихъ обстоятельствахъ планъ Влади-

---

26) Pabst, стр. 59, прим. 9; ср. также G. Vierhuf въ «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Gesch.» и пр. 1876 г. (Riga 1877). Также Bielenstein, Grenzen, стр. 45.

міра могъ удаться только отчасти, а потомъ долженъ былъ и совсѣмъ привести къ неудачѣ, потому что онъ впослѣдствіи упустилъ изъ виду повліять своевременно на ходъ событій энергическимъ вмѣшательствомъ. 38

На нѣсколько мѣсяцевъ русскіе исчезаютъ изъ разсказа хрониста; не упоминаются они и по поводу состоявшейся 30 мая сходки ливовъ, которые возстали открыто противъ нѣмецкаго господства. Лишь послѣ того, какъ возстаніе совсѣмъ почти было усмирено, и епископъ съ большей частью пилигримовъ отплылъ въ Германію (X, 5—11), снова *Владиміръ полоцкій* дѣлаетъ нападеніе — должно быть, къ концу лѣта 1206 г. Ливы, которые все еще бунтовали, успѣли его увѣдомить, что насталъ удобный моментъ; по всему видно, что онъ и ждалъ только отъѣзда епископа. Онъ созвалъ войско со *всѣхъ* мѣстъ своей земли, а также войска другихъ королей, своихъ сосѣдей и друзей — слѣдовательно также князей Куконоса и Герцике — и двинулся внизъ по Двинѣ съ великой силой. 39 Прежде всего присталъ онъ у *Икскуля*, понесъ здѣсь нѣкоторый уронъ отъ застрѣльщиковъ епископскаго вассала Конрада фонъ Мейендорпе (Meyendorpe); потомъ поплылъ далѣе внизъ по рѣкѣ и подступилъ къ укрѣпленію Гольмъ (Holm), которое окружилъ со всѣхъ сторонъ. Одна часть ливовъ убѣжала въ лѣса, другая — къ нѣмцамъ, въ укрѣпленіе. Началась правильная осада, подробности которой могутъ быть разсказаны вкратцѣ. Обнаружилось, что нѣмцы вооруженіемъ и военнымъ искусствомъ далеко превосходили русскихъ. Напрасно пытались послѣдніе поджечь укрѣпленіе, наваливая лѣсу и хворосту: непріятельскіе застрѣльщики мѣшали имъ въ этомъ. Сами они не умѣли стрѣлять изъ самострѣловъ и не умѣли какъ слѣдуетъ обращаться съ осадной машиной, которую они было устроили по образцу нѣмецкихъ: камни летали назадъ, и они поранили многихъ своихъ; поэтому, хотя также ливы изъ земли Торейда, по зову 40 Владиміра, приняли участіе въ осадѣ — летты и [другіе] живущіе кругомъ язычники не послушались требованія — взять укрѣпленія всетаки не могли. Нѣмцы же, всего двадцать человѣкъ, день и ночь стерегли укрѣпленіе снаружи отъ русскихъ, внутри отъ ливовъ, которые ежедневно сносились съ русскими, какъ бы имъ взять нѣмцевъ хитростью, которые навѣрно, при своей малочисленности, не долго бы смогли продержаться. Въ самой Ригѣ было большое безпокойство, такъ какъ городъ не былъ достаточно укрѣпленъ. Туда однакожъ Владиміръ не пошелъ, такъ какъ лазутчики-ливы его увѣдомили, что все поле и всѣ дороги кругомъ города убиты трехконечными гвоздями, которые прокалывали ноги людямъ и лошадямъ. — Помощь пришла не совсѣмъ объяснимымъ образомъ. Торейдскіе ливы дали знать, что на морѣ показались *корабли*. Тогда Владиміръ, который послѣ 41 одиннадцатидневной осады ничего не добился, даже понесъ уронъ многими

убитыми, сѣлъ на суда и со всѣмъ своимъ войскомъ, убитыми и ранеными возвратился въ свою землю (X, 12). Корабли, если только это не были торговые, могли принадлежать ко крестоносному ополченію датскаго короля Вальдемара, который въ то время шелъ противъ язычниковъ острова Эзеля[27]).

Послѣ этой второй попытки, которая была предпринята съ значительными силами и не удалась прежде всего по его собственной неспособности, Владиміръ на нѣсколько лѣтъ отступаетъ на задній планъ въ ходѣ происшествій. Изъ подчиненныхъ ему князей нижняго теченія Двины — *князю куконосскому* — опять приходилось первому опасаться мести епископа.

42 Въ Троицынъ день 1207 г. Альбертъ снова прибылъ въ Ригу съ сильнымъ крестоноснымъ войскомъ (XI, 1). При извѣстіи объ этомъ князь Вячко отправился къ нему со своими людьми [дружиной?], былъ принятъ съ почетомъ и провелъ нѣсколько дней въ домѣ епископа, который выказывалъ къ нему большую ласковость (cum magno caritatis affectu). Подъ конецъ князь просилъ помощи противъ литовскихъ набѣговъ, предлагая епископу *половину своей земли и укрѣпленія* (tandem auxilium episcopi contra insultus petit Lethonum, offerens sibi terre et castri sui medietatem). Епископъ принялъ предложеніе и обѣщалъ поддержать его людьми и снаряженіемъ (XI, 2).—Починъ этого соглашенія, по свидѣтельству Генриха Летляндскаго, шелъ отъ русскаго князя. Но легко предположить, что епископъ Альбертъ оказалъ при этомъ сильное давленіе на князя, находившагося
43 въ это время въ его власти: оттого и цѣна, которою это соглашеніе покупалось, была столь высокая; въ пользу такой догадки говоритъ, повидимому, и то, что, не смотря на «большую ласковость», рѣчь о договорѣ заходитъ лишь «подъ конецъ». О великомъ князѣ полоцкомъ ничего не говорится. Не получивъ отъ него защиты, князю Вячко ничего другого не оставалось, какъ сговориться мирнымъ путемъ съ могущественнымъ сосѣдомъ; защита отъ литовцевъ была ему очень кстати, особенно въ виду дружественныхъ отношеній къ нимъ его сосѣда, князя Герцике. Спрашивается только, насколько было искренности со стороны русскихъ при этомъ соглашеніи.

Скоро вышла ссора (discordia) у князя Вячко съ епископскимъ вассаломъ, *рыцаремъ Даніиломъ въ Ленневарденѣ* (Lennewarden). Какъ видно изъ разсказа, причиной было то, что князь сдѣлалъ людямъ рыцаря много
44 непріятностей (plura incommoda) и, несмотря на многократныя убѣжденія, не хотѣлъ перестать. Вслѣдствіе этого въ мартѣ[28]) 1208 г. люди Даніила

27) См. X, 13, а также для описанныхъ событій Bonnell, Chronogr., стр. 21 и Commentar, стр. 50—52.

28) Пабстъ, стр. 93; прим. на поляхъ.

напали ночью на укрѣпленіе Куконосъ и овладѣли имъ. Изъ уваженія къ имени Христову (propter nomen christianitatis) не позволяли они себѣ убивать русскихъ; но грозили имъ мечами, однихъ обратили въ бѣгство, другихъ схватили и заключили въ оковы, въ томъ числѣ и самаго князя Вячко. Тогда вступилъ въ укрѣпленіе рыцарь Даніилъ и далъ знать о случившемся епископу, ожидая его рѣшенія. Епископъ рѣшительно не одобрилъ поступка и потребовалъ, чтобы князь былъ возстановленъ въ своемъ укрѣпленіи, съ возвращеніемъ всего имущества. Вслѣдъ затѣмъ епископъ Альбертъ призвалъ его къ себѣ въ Ригу, одарилъ лошадьми и дорогими одеждами и во время праздника Пасхи (6-го апрѣля) угощалъ его вмѣстѣ со своими самымъ дружескимъ образомъ; распря съ рыцаремъ Даніиломъ была ула- 45
жена, и согласно прежнему обѣщанію епископъ отпустилъ своего гостя и союзника въ сопровожденіи двадцати храбрыхъ мужей съ вооруженіемъ и лошадьми, рыцарями и застрѣльщиками, а также далъ каменщиковъ, для того чтобы укрѣпить Куконосъ и такимъ образомъ защищать его отъ литовцевъ, снабдивъ рабочихъ всѣмъ нужнымъ для ихъ содержанія.

Но *князь Вячко* въ душѣ замышлялъ коварство (dolos meditaretur in corde). Въ Динамюнде разстался онъ съ епископомъ, который готовился отплыть отсюда въ Германію, вмѣстѣ съ покидающими страну крестоносцами, для набора новыхъ; но противный вѣтеръ задержалъ отплытіе (XI, 8). Разсчитывая, что они уже уѣхали, и зная, что въ Ригѣ осталось очень мало людей, князь Вячко сговорился тайно со всѣми своими [всей своей
дружиной?]. Въ день, назначенный для *внезапнаго нападенія*, когда всѣ 46
почти нѣмцы вышли, чтобы работать при постройкѣ укрѣпленія, семнадцать изъ нихъ были убиты, тогда какъ трое спаслись въ Ригу[29]). Вслѣдъ за тѣмъ князь послалъ гонцовъ къ великому князю Владиміру. Они передали ему лучшихъ лошадей и оружіе убитыхъ и просили его немедленно идти съ войскомъ на беззащитную нѣмецкую колонію. Слишкомъ легко повѣривъ, по замѣчанію хрониста, сообщенію (nimium credulus), Владиміръ дѣйствительно созвалъ къ походу всѣхъ своихъ друзей и людей своей земли, однако, какъ видно изъ дальнѣйшаго, не пошелъ. Почему, — этого не объясняетъ Генрихъ[30]).

Между тѣмъ епископъ Альбертъ находился еще въ Динамюнде, когда 47
къ нему пришло извѣстіе объ избіеніи его людей. Тотчасъ онъ принялъ

---

29) Сообщаемыя подробности неясны; см. по поводу этого Pabst, стр. 95, прим. 4.

30) Изложеніе Соловьева (т. II, стр. 356 и слѣд.) отступаетъ отъ вышеприведеннаго въ нѣсколькихъ пунктахъ. Именно онъ полагаетъ, что князь Вячко въ 1207 г. обѣщалъ впустить въ свое укрѣпленіе нѣмецкій гарнизонъ, «должно быть», на случай нападенія литовцевъ; но можно возразить на это, что половина укрѣпленія была уже собственностью епископа. Самое избіеніе нѣмцевъ было местью за обиду, причиненную князю рыцаремъ Даніиломъ.

энергическія мѣры. Триста лучшихъ пилигримовъ (de melioribus) склонилъ онъ къ новой борьбѣ надеждою на щедрую небесную награду, кромѣ того многихъ за плату и приказалъ всѣмъ нѣмцамъ и ливамъ собраться въ Ригу. Русскіе изъ Куконоса не отважились осадить городъ: собрали свое добро, подѣлили между собою лошадей и оружіе и разбѣжались каждый своей дорогой. Летигаллы, т. е. летты[31]), и зелоны, которые тамъ жили (qui ubi habitabant), убѣжали въ лѣса. Самъ *князь Вячко* бѣжалъ въ Россію и не возвращался больше въ свое княжество. Пятнадцать лѣтъ спустя сдѣлалъ
48 онъ попытку утвердиться въ эстонскомъ краѣ: осенью 1223 г. онъ былъ посаженъ новгородцами на княженіе въ Дерптѣ и окрестностяхъ; но въ слѣдующемъ-же году погибъ при завоеваніи Дерпта нѣмцами[32]). — Только по отъѣздѣ епископа, въ серединѣ апрѣля или позже[33]), при чемъ упомянутые крестоносцы остались, начали разыскивать въ лѣсахъ и болотахъ спрятавшихся тамъ леттовъ и зелоновъ, которые были данниками короля (qui regis erant tributarii), и преслѣдовать русскихъ бѣглецовъ, изъ которыхъ нѣкоторые были пойманы и ограблены. Кого только изъ виновныхъ находили нѣмцы, предавали лютой смерти и искоренили измѣнниковъ изъ этихъ странъ (et exstirpaverunt traditores de finibus illis — XII, 1). Впрочемъ,
49 позднѣе еще оставалось нѣсколько русскихъ въ Куконосѣ[34]).

Весною слѣдующаго 1209-го г. епископъ Альбертъ, возвратившись
50 съ новымъ крестоноснымъ войскомъ, направился со всѣми пилигри-

---

31) Летигаллы часто встрѣчается у Генриха для обозваченіе леттовъ; см. гл. II этого изслѣдованія.

32) Подробности у Генриха Л.—XXVII, 5 и XXVIII, 6.

33) Baron Rob. von Toll, Est- und Livländische Briefladе. Theil III. Chronologie der Ordensmeister über Livl., der Erzbischöfe etc. Herausgegeben von Dr. Ph. Schwarz. Riga, Moskau, Odessa 1879. Стр. 141.

34) Въ XXIX, 5 Генрихъ разсказываетъ, что въ 1225 г. пріѣхалъ легатъ Вильгельмъ изъ Модены въ Куконосъ и проповѣдовалъ тамъ также наставленія святой вѣры какъ нѣмцамъ, такъ и русскимъ, леттамъ и зелонамъ, которые тамъ вмѣстѣ жили (documentorum sanctorum monita tam Theuthonicis quam Ruthenis et Lettis et Sclonibus cohabitantibus fideliter impendit).—По поводу упомянутыхъ здѣсь и раньше *зелоновъ* Пабстъ полагаетъ (стр. 96, прим. 12), что они вмѣстѣ съ леттами были «именно настоящими обитателями» Куконоса подъ русской властью. Страна зелоновъ (Selonia), укрѣпленіе которыхъ было завоевано нѣмцами въ 1208 г. (XI, 6), лежала, какъ было сказано, на *лѣвомъ* берегу Двины; возможно, что отсюда нѣкоторые (первоначально, можетъ быть, какъ военноплѣнные) очутились осѣдлыми въ Куконосѣ или около него. (Объ этихъ зелонахъ говоритъ также Bielenstein; на стр. 169, прим. 1 своего труда («Grenzen» и пр.) онъ по примѣру M. Skrufiht принимаетъ прямо, что они «къ сѣверу отъ Двины заходили только какъ колонисты»). Съ другой стороны Боннель, ссылаясь на Генриха, XI, 5 замѣчаетъ: «Въ день Рождества [1207] разорили область епископа литовцы, которымъ зелоны, подданные князя куконосскаго Вячко, открыли путь» и т. д. (Chronogr., стр. 22); но слѣдуетъ возразить, что въ обозначенномъ мѣстѣ хроники о «подданствѣ» *этихъ* зелоновъ нѣтъ ни слова; такое распространеніе смысла сдѣланнаго въ XII, 1 замѣчанія основывается на соображеніяхъ несостоятельныхъ уже потому, что князь Вячко за какіе нибудь полгода до этого заключилъ съ нѣмцами союзъ именно *противъ* литовцевъ.

мами и войскомъ къ укрѣпленію русскихъ. Такъ какъ онъ нашелъ гору оставленной и — какъ сообщается дальше — вслѣдствіе нечистоты прежнихъ жителей полною червей и змѣй, то приказалъ ее очистить и обнести крѣпкими верками, и здѣсь возвелъ новое укрѣпленіе, для защиты котораго оставилъ рыцарей и застрѣльщиковъ со своею челядью (слугами? — cum familia sua).

На основаніи несовсѣмъ яснаго указанія хрониста, только что прибывшій изъ Германіи рыцарь Rudolf von Jericho (или Jerichow, близь Tangermünde — Pabst, стр. 110, прим. 1) взялъ половину укрѣпленія, орденскіе же братья — одну треть (XIII, 1); неясно, оставилъ ли остальное (одну 51
шестую) епископъ за собою?[35]).

Такъ перестало существовать княжество Куконосъ, оставленное самими русскими. Очень скоро послѣ этого силы нѣмцевъ обратились на болѣе отдаленное княжество Герцике.

Въ концѣ лѣта того же 1209 г. епископъ Альбертъ сталъ совѣщаться со своими приближенными (cum discretioribus; Пабстъ переводитъ «Verständigsten»), какъ бы оградить юную церковь отъ русскихъ и литовскихъ покушеній; и, вспомнивъ — разсказываетъ далѣе хроника — все то зло, которое *князь Всеволодъ*[36]) *изъ Герцике* вмѣстѣ съ литовцами причинилъ городу Ригѣ, рѣшилъ [поэтому] начать войну съ врагами вѣры Христовой. — По поводу же князя Всеволода говорится, что именно онъ былъ врагомъ Хри- 52
стову имени, а латинянамъ въ особенности, что, будучи зятемъ литовскаго князя Дагерута (Daugeruthe)[37]), онъ часто (frequenter) предводительствовалъ литовскими ратями, разрѣшалъ имъ переходить Двину и снабжалъ ихъ съѣстными припасами для походовъ какъ на Русь, такъ и на Лифляндію и Эстляндію; ибо литовцы всѣмъ внушаютъ страхъ своими разбойническими набѣгами и т. д. Кромѣ того Всеволодъ — въ противоположность прежнему куконосскому князю — не думалъ вступать въ мирные договоры (pacis federa) съ Ригою. Это послѣднее замѣчаніе сдѣлано уже послѣ сообщенія о выступленіи епископа Альберта въ походъ черезъ Куконосъ *на Герцике* съ войскомъ, усиленнымъ ополченіемъ ливовъ и леттовъ и многими крестоносцами; возможно, что со стороны нѣмцевъ тогда же, (т. е. передъ походомъ на Герцике), было предложено мирное соглашеніе, 53
или такое предложеніе ожидалось ими отъ князя, но онъ «пренебрегъ» имъ.

Когда русскіе увидали издали приближающееся нѣмецкое войско, они выстроились передъ городскими воротами; дошло до битвы; русскіе бѣжали,

---

35) См. замѣчанія Пабста, стр. 111.
36) См. Соловьева, т. II, стр. 357 и стр. 54, прим. 38 этого изслѣдованія.
37) Имя находится у Генриха въ XVII, 3.

и нѣмцы, тѣсня ихъ, ворвались въ ворота укрѣпленія. Изъ уваженія къ имени Христову (pre reverencia christiani nominis) они умертвили лишь немногихъ; большинство отдались въ плѣнъ или обратились въ бѣгство; женщинъ и дѣтей щадили; многихъ изъ нихъ забрали въ плѣнъ, въ томъ числѣ и жену Всеволода, который самъ спасся на лодкѣ на другую сторону Двины. Послѣ того какъ городъ былъ разграбленъ (въ числѣ добычи, кромѣ одеждъ, серебра, пурпура и скота, названы еще колокола съ церквей, иконы,
54 украшенія и золото), на слѣдующій день зажгли его и, подѣливъ добычу, нѣмецкое войско двинулось обратно вмѣстѣ съ плѣнной княгиней и другими плѣнными. Князь Всеволодъ съ того берега Двины оплакивалъ свое несчастье, говоря: «О любезный мой городъ Герцике, отцовское наслѣдіе! О нежданная гибель моего народа» — и т. д. На основаніи этого слѣдуетъ думать, что отецъ и дѣдъ Всеволода уже владѣли Герцике[38]).

55 Вслѣдъ за тѣмъ князь былъ приглашенъ явиться въ *Ригу*, если онъ хоть теперь думаетъ о мирѣ и желаетъ получить назадъ плѣнныхъ. Тогда онъ смирился передъ епископомъ, назвалъ его «отцомъ», а всѣхъ латинянъ просилъ, какъ братьевъ своихъ во Христѣ, простить ему, согласиться на миръ и выдать супругу и остальныхъ плѣнныхъ. Епископъ же съ своей стороны требовалъ, чтобы онъ избѣгалъ общенія съ язычниками, не разрушалъ въ союзѣ съ ними лифляндской церкви (ut..... non destruas), а также чтобы вмѣстѣ съ литовцами не опустошалъ земель своихъ русскихъ христіанъ-братьевъ; далѣе, чтобы онъ свое царство вручилъ церкви Пресвятой Дѣвы — какъ извѣстно, покровительницы Лифляндіи (см. Геприхъ, VI, 4) — навсегда въ даръ, для того, чтобы получить его обратно изъ рукъ епископа вмѣстѣ съ договоромъ вѣчнаго мира (jugi pacis conformitate); тогда сейчасъ
56 же выдадутъ ему и супругу вмѣстѣ со всѣми плѣнными и будутъ всегда оказывать ему помощь. Князь согласился на все это и — *получилъ свое царство, послѣ того, какъ онъ поручилъ его названной* [т. е. ливонской] *церкви, снова изъ рукъ епископа при торжественномъ врученіи трехъ знаменъ*, и завѣрялъ епископа, назвавъ его своимъ отцомъ, что онъ будетъ впредь открывать ему злые умыслы русскихъ и литовцевъ[39]).

---

38) Соловьевъ, т. II, стр. 445, прим. 436—замѣчаетъ: имя князя Герцике «Wissewalde» — «сходнѣе со Всеволодомъ», но рѣшительнаго заключенія нельзя сдѣлать, такъ какъ онъ считаетъ «весьма возможнымъ», что это былъ Василько. Послѣдній же по Татищеву (см. стр. 3, прим. 3, этого изслѣдованія) былъ братомъ Вячеслава или Вячко (см. Соловьевъ, стр. 455, прим. 435), князя куконосскаго; оба — сыновья полоцкаго князя Бориса Давыдовича отъ перваго брака; во второй разъ Борисъ былъ женатъ на извѣстной своими приключеніями померанской принцессѣ Святохнѣ. По поводу этого весьма запутаннаго родословія (между прочимъ, въ отношеніи Владиміра полоцкаго) см. также Бонелля: Chronogr., Commentar, стр. 53 и Nachträge, стр. 234 и 237.

39) . . . . [rex] regnum suum eidem ecclesie conferrens, e manu episcopi trium vexillorum

Вотъ что говоритъ Генрихъ Летляндскій. Дополненіемъ къ его разсказу служитъ историческій *документъ* о состоявшемся событіи (составленный *не раньше* конца лѣта 1209 г.), который былъ въ рукахъ у Генриха, но которымъ послѣдній недостаточно воспользовался, — доказательство того, «какъ мало интересовался онъ этими отношеніями»[40]). Епископъ объявляетъ прежде всего о подчиненіи ему Всеволода; послѣдній явился въ Ригу и въ 57
присутствіи многихъ свидѣтелей ... нѣмцевъ, русскихъ и ливовъ законнымъ образомъ принесъ въ даръ Пресвятой Дѣвѣ Маріи городъ Герцике, принадлежавшій ему по праву наслѣдства, вмѣстѣ съ землею и всѣми принадлежащими этому городу имѣньями (urbem Gerzika, hereditario iure sibi pertinentem, cum terra et universis bonis eidem urbi attinentibus, ecclesie beatae Dei genitricis et virginis legitima donatione contradidit). 58
Тѣхъ же, какъ говорится дальше, — которые платили ему дань и отъ насъ получили вѣру, освободивъ, дань и землю предоставилъ намъ (eos vero, qui sibi tributarii fidem a nobis susceperant, liberos cum tributo et terra ipsorum nobis resignavit), а именно укрѣпленіе (собственно: городъ — urbem) Antina [должно быть Autina] и Zeessowe [должно быть Zcessowe] и другія подчиненныя нашей вѣрѣ [мѣстности] (et alias ad fidem conversas) принесли намъ въ томъ присягу, и названный городъ [т. е. Герцике] былъ полученъ обратно какъ *ленъ* изъ нашихъ рукъ торжественно вмѣстѣ съ тремя знаменами. Перечисляются свидѣтели а въ заключеніе сказано: это совершилось (acta sunt haec) въ 1209 году[41]), отъ воплощенія Христа Спасителя, на погостѣ св. Петра въ Ригѣ и т. д. — Въ силу этого — пере-
даемъ лишь болѣе существенное: *князь Всеволодъ* не только дѣлался вас- 59
саломъ епископа, но *долженъ былъ кромѣ того уступить ему часть своей области, которая была уже обращена нѣмецкими миссіонерами. Размѣры ея* можно опредѣлить, хотя приблизительно, изъ *двухъ другихъ документовъ* — прежде всего изъ акта раздѣла этой области между епископомъ и орденомъ

---

sollempni porrectione recipit, et eum in patrem ellegens omnia Ruthenorum et Lethonum consilia mala ei deinceps revellare se velle offirmat — XIII, 4.

40) Hildebrand, стр. 69.—Текстъ приведенъ въ сочиненіи Бунге: Livl. Urkundenbuch т. I, Urk.-Nr. XV (Register-Nr. 20); онъ *исправленъ по оригиналу* Боннеллемъ: Chronogr., стр. 24 и дополненія на стр. 236; по тому же предмету см. Commentar, стр. 52 и 53; относительно хронологической даты у бар. Толля и Шварца: Briefladе, ч. III, стр. 138 и слѣд. и стр. 141. Извѣстіе о коронованіи Оттона IV 4-го октября 1209 г. въ Римѣ *едва ли могло* достигнуть Лифляндіи *позже начала декабря*, такъ какъ нельзя предположить, чтобы плаваніе по Балтійскому морю возможно было въ болѣе позднее время. Исправленный текстъ документа № XV, а также и документовъ №№ XXIII и XXVIII, о которыхъ ниже будетъ рѣчь, находятся теперь также въ сочиненіи Биленштейна, «Grenzen» и пр., стр. 415 и 416.

41) Или *въ началѣ 1210-го года* по теперешнему счисленію, если принять, что годъ начинался 25 марта. См. предыдущее примѣчаніе.

въ концѣ 1211 или началѣ 1212 г.[42]). Первый получилъ Aszute, укрѣпленіе Lepene и деревни на границѣ Бебнины [слѣдуетъ: Bebernine], которыя когда то принадлежали князю Герцике со всѣми отдѣльными [мѣстами], далѣе укрѣпленія Aucenice [настоящее имя: Autenine], Alene со всѣмъ при-
60 надлежащимъ, — тогда какъ ордену достались Zerdene, Rheyeste [вм. Negeste], Sessove [вмѣсто: Sessowe] со всѣмъ принадлежащимъ, и сверхъ того изъ части епископа укрѣпленіе Alene, какъ вознагражденіе за уступленную раньше землю. Изъ болѣе поздняго документа[43]), исходящаго отъ епископа Альберта, видимъ, что произошелъ передѣлъ отчасти той же самой земли: епископъ отдалъ ордену свое укрѣпленіе Antine [вм. Autine], десятую часть хлѣба, который онъ имѣлъ въ Ascherad[en вмѣсто Ascharat] и двѣ деревни Sedgere, тогда какъ укрѣпленіе Alene (castro Alenensi, вмѣсто Alene) осталось за рыцарями; въ то же время къ епископу переходитъ
61 укрѣпленіе Kocanois [= Куконосъ, или Kokenhusen], Gerdine, Egeste, Marxne, Chessowe вмѣстѣ съ [землею], которая лежитъ по рѣкамъ Эветѣ (Ewst) и Двинѣ ниже названныхъ [укрѣпленій] (cum hiis, quae infra ea et Eustam fluvium et Dunam continentur).

Не беремся установить съ полной точностью положеніе мѣстъ всѣхъ названныхъ въ трехъ только что приведенныхъ документахъ. Для этого требуется ближайшее знакомство съ мѣстностью, изученіе малодоступныхъ архивовъ отдѣльныхъ помѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ основательное знаніе латышскаго языка. Однако, не было недостатка въ попыткахъ въ этомъ направленіи, которыя привели, впрочемъ, лишь къ весьма спорному рѣшенію этихъ необыкновенно запутанныхъ вопросовъ[44]). Представляется
62 прежде всего спорнымъ, возможно ли много разъ упоминающееся съ хроникѣ Генриха *Autine* отождествляеть съ «Autina» въ документѣ № XV. Въ

---

42) Hildebrand, стр. 83 и 84, гдѣ на основаніи всей соотвѣтствующей литературы установлена и хронологическая дата. Самый документъ см. въ Urkundenbuch, часть I, № XXIII, Reg. 28; исправленія по оригиналу даетъ Dr. M. Perlbach, «Urkunden des Rigaschen Capitel-Archives in der fürstlich Czartoryskischen Bibliothek zu Krakau» — въ «Mittheilungen» и пр., т. XIII, вып. 1 (Riga, 1881) стр. 1—23, особенно стр. 5 и 12.

43) Въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г.; см. бар Толль и Шварцъ: Brieflade, т. III, стр. 142. Текстъ у Bunge: Urkundenbuch, т. I, № XXXVIII. Reg. 45; объясненіе у Hildebrand'a, стр. 88 и сл.

44) См. Jegor von Sivers, Smilten. Ein Beitrag zur Entwickelungsgeschichte Livlands. Riga 1872 (въ дошедшихъ до меня экземплярахъ недостаетъ научнаго комментарія, на который указываютъ разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ замѣтки — существовалъ ли онъ вообще?); также Carl Georg Graf Sievers, Beiträge zur Geographie Heinrichs von Lettland (Magasin der Lettisch-literärischen Gesellschaft, Bd. XV, Stück IV, Mitau 1877); его же: «Die Lettenburg Antine und die Nationalität des Chronisten Henricus de Lettis». Riga 1878. — Послѣ того какъ эти строки были давно написаны и напечатаны, явилось въ концѣ 1892 г. сочиненіе Биленштейна «Die Grenzen» и пр. Въ немъ упомянутыя мѣстности снова опредѣлены, но не во всѣхъ подробностяхъ рѣшеніе автора можетъ быть принято какъ окончательное.

моей работѣ «Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer»[45]) я, въ противоположность Пабсту (стр. 102, прим. 2), высказываюсь *въ пользу* такого отождествленія (стр. 89); въ пользу же этого мнѣнія могу теперь привести и то, что въ подлинномъ документѣ, который прочитанъ былъ Бонеллемъ (а также и мною), дѣйствительно стоитъ Autina, а не Antina (Chronogr. Nachträge, стр. 236). Далѣе, чтеніе, принятое Бунге — 63
«Antine» въ документѣ № XXVIII, основывается, можетъ быть, на томъ, что въ старомъ Груберовскомъ текстѣ (напечатанномъ въ послѣдній разъ въ изданіи «Scriptores rerum Livonicarum», часть I, Рига 1853) находится это имя; такъ и въ документѣ № XV Бунге измѣнилъ названіе, которое передано Догіэлемъ (Dogiel) вѣрно, на такомъ же основаніи (Urkundenbuch, ч. I, 21); *на основаніи сличенія съ оригиналомъ* (который хранится также въ Императорской Публичной библіотекѣ въ С. Петербургѣ) могу я засвидѣтельствовать, что въ подлинномъ текстѣ совершенно ясно стоятъ формы: Autine, Ascharat, Alene. За такое чтеніе должно бы говорить съ самаго начала и то уже обстоятельство, что хронистъ также упоминаетъ объ этомъ передѣлѣ земель въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г. и при этомъ рядомъ съ Куконосомъ называетъ и укрѣпленіе Autine (XVI, 7); поэтому уже Гильдебрандъ не придавалъ значенія вышеуказанной поправкѣ. Точно 64
также изъ сопоставленія трехъ документовъ можно заключить, что «Autenine» въ документѣ № XXVIII совпадаетъ съ мѣстностью, подразумѣваемою въ двухъ другихъ документахъ. Должно быть, простая описка повела Биленштейна къ тому предположенію, которое онъ строитъ относительно подлинности названія «Antinene». Не вдаваясь въ подробный разборъ вопроса насчетъ тождественности обозначеніи Antina, Autenine и Antine (въ документахъ) и Autine (или Autinene) у Генриха, Биленштейнъ (Fragmente, стр. 16) дѣлаетъ предположеніе, на что указалъ и я въ болѣе ранней моей работѣ, что, во первыхъ, Metimne въ XVII, 6 хроники Генриха есть описка вмѣсто «Autinene (ср. Autine)», что затѣмъ это мѣстопребываніе епископскаго намѣстника Вольдемара (Wolodimir) находилось «въ теперешнемъ Вольмарѣ или близъ него, что послѣдній слишкомъ ясно напоми- 65
наетъ имя изгнаннаго изъ Пскова русскаго *великаго* [sic!] князя и могъ естественно вытѣснить старое названіе мѣста Autine (или Autinene)». При этомъ онъ обѣщалъ въ «имѣющемъ скоро появиться въ печати» сочиненіи: «о границахъ латышскаго языка и діалектовъ въ настоящее время и въ XIII столѣтіи» обстоятельно заняться этимъ вопросомъ; на обращенный къ нему письменный запросъ г. Биленштейнъ отвѣтилъ, что «Autinene», по его мнѣнію, есть названіе мѣстности при укрѣпленіи Autine и образовано по

---

45) См. предисловіе къ этому труду.

аналогіи съ семигальскими названіями мѣстностей, какъ Terwetene, Silene, Dubene и т. п. Немало времени спустя явилось обѣщанное сочиненіе («Die Grenzen des lettischen Volksstammes» и пр.), въ которомъ тождественность «Autine» (или «Autinene») и «Metimne» рѣшительно отвергается и признается,
66 что относительно *мѣстоположенія Аутине* нельзя сказать ничего положительнаго; что мы знаемъ только, что оно находилось недалеко отъ средняго теченія р. Аа; но неизвѣстно, на правомъ или на лѣвомъ ея берегу[46]). — Итакъ, если въ названныхъ выше документахъ и въ хроникѣ Генриха рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же укрѣпленіи Autine и если остальныя догадки на счетъ его мѣстонахожденія вѣрны, то *область князя Герцике* должна была простираться въ сѣверозападномъ направленіи, южнѣе земли Толова, до или дальше *средняго теченія рѣки Аа*. Что она переходила за р. Эвстъ, за это говоритъ *соображеніе*, что владѣнія, уступленныя епископу, слѣдуетъ искать не только по восточному ея берегу, а кромѣ того имя *Zcessowe* позднѣе *Chessowe* (и *Cessoe*), иногда Sessowe, въ которомъ мы можемъ смѣло признать современное Sesswegen (по латышски: Zehşwaine), и кото-
67 рое по моему опредѣленію границъ земли Толова могло быть недалеко отъ этой послѣдней. Свидѣтельство документа № XXXVIII подкрѣпляется еще и тѣмъ, что въ позднѣйшее время, какъ извѣстно, Sesswegen былъ епископскимъ владѣніемъ.

Если мы сравнимъ договоры епископа рижскаго съ русскими князьями въ 1208 и 1209 или 1210 гг., то увидимъ, что Вячко, князь куконосскій, былъ при этомъ счастливѣе: правда, ему пришлось уступить епископу половину своей земли и укрѣпленія, но зато онъ сохранялъ свою самостоятельность, только долженъ былъ заключить союзъ противъ литовцевъ. Князь Всеволодъ также потерялъ значительную часть владѣній, которая опредѣлена была, навѣрно, не по простому количественному разсчету, но на другомъ основаніи; и, кромѣ того, вмѣстѣ съ остальной частью своихъ владѣній онъ былъ принужденъ вступить въ зависимость отъ совершенно
68 чужой, нерусской политической силы — епископа, *вассаломъ* котораго онъ сдѣлался, причемъ, однако, его княжеская власть надъ возвращенными ему землями сохранялась за нимъ[47]). Должно быть, опытъ съ княземъ Вячко научилъ епископа Альберта, какъ поступить съ княземъ Герцике, который временно смирился, но удаленный на значительное разстояніе отъ сферы нѣмецкаго господства, могъ быть надежнѣе связанъ только *присягой въ*

---

46) Это и другія предположенія Биленштейна опровергаются въ приложенной къ этому труду статьѣ I.

47) Послѣднее ясно прежде всего изъ передачи знаменъ, что было въ обычаѣ именно при врученіи *лена*. Но въ то же время и въ позднѣйшихъ документахъ, въ дальнѣйшемъ разсказѣ Генриха, Всеволодъ по прежнему называется «гех», что соотвѣтствуетъ истинѣ.

вѣрномъ исполненіи точно опредѣленныхъ обязательствъ. Насколько эти послѣднія въ слѣдующемъ же году были соблюдаемы Всеволодомъ на самомъ дѣлѣ, будетъ сейчасъ разсказано[48]).

Все это совершилось безъ всякаго предварительнаго соглашенія съ 70
великимъ княземъ полоцкимъ, послѣдній не вмѣшался въ ходъ событій, наносившій ущербъ его правамъ; но когда событіе совершилось, нужно было войти съ нимъ въ сношенія, чтобы обезпечить уже достигнутые результаты. Обстоятельства при томъ имѣли тяжелый и угрожающій характеръ для молодой германской колоніи, такъ что хронистъ свой разсказъ о 12-омъ годѣ епископства Альберта начинаетъ замѣчаніемъ, что [ливонская] церковь только немного дней была спокойна (siluit ecclesia diebus paucis — XIV, 1).

Въ Пасху[49]) 1210 года епископъ отправился снова въ Германію вмѣстѣ 71
съ возвращавшимися домой пилигримами, разсчитывая проѣхать оттуда въ Римъ къ папѣ; дорогою произошло морское сраженіе съ куронами, въ которомъ нѣмцы потерпѣли неудачу. При извѣстіи объ этомъ — сказано буквально — всѣ живущіе кругомъ народы разослали другъ къ другу гонцовъ, сперва ливы къ куронамъ, потомъ куроны къ эстамъ, а также къ литовцамъ, семигалламъ и русскимъ, сговариваясь, какъ бы разрушить Ригу, добраться хитростью до нѣмцевъ и погубить ихъ[50]). Прежде всѣхъ выступили съ большимъ войскомъ литовцы и подступили къ Куконосу, по

---

48) Пабстъ толкуетъ документъ № XV въ томъ смыслѣ, что Всеволодъ «*получилъ въ ленъ только свою наслѣдственную землю*, остальную же, уже обращенную нѣмцами, долженъ былъ уступить совсѣмъ» (стр. 118, прим. 23). Но такое толкованіе несостоятельно, такъ какъ буквальный смысль приведеннаго текста говоритъ только, что епископу достались платившіе дань [латыши] подданные князя, среди которыхъ было уже распространено западное христіанство, и при этомъ не прибавлено, что именно князь Всеволодъ, а не кто нибудь изъ его предковъ, обложилъ ихъ данью. Правда, слѣдуетъ изъ текста, что оставшаяся во власти Всеволода земля была его *кореннымъ владѣніемъ*, тогда какъ уступленная епископу была отъ него въ менѣе прямой зависимости, что, напр., относительно Autine будетъ доказано въ слѣдующей главѣ. — Вызываетъ возраженія и другое утвержденіе Пабста, по поводу XIII, 4 хроники Генриха, гдѣ дважды встрѣчается названіе «отецъ», — что «это послѣднее употреблено лишь въ смыслѣ придаваемаго духовному лицу титула». Во всякомъ случаѣ, фразу хроники: «*избирая* его себѣ отцомъ» (eum in patrem elegens) можно объяснить лишь желаніемъ подчеркнуть вассальныя отношенія, въ которыя Всеволодъ только что вступилъ, все равно, употреблено ли было это слово самымъ Всеволодомъ, или придумано хронистомъ, чтобы нагляднѣе обозначить новое зависимое положеніе князя: какъ выраженіе зависимости отъ государя, это слово употреблено въ XI, 9 и XVIII, 4; напротивъ, какъ простой титулъ, или обозначеніе духовнаго лица, то же слово «отецъ» встрѣчается въ I, 11 и 14, IX, 7, XI, 3, XVI, 2, VII, 9 (въ послѣднемъ случаѣ въ примѣненіи къ простому монаху, въ остальныхъ — къ епископу).

49) 18-го апрѣля; см. Pabst, стр. 121, замѣчаніе на поляхъ и стр. 125, прим. 6.

50) Bonnell, (Chronogr., стр. 25)—высказываетъ мнѣніе, что здѣсь разумѣются *русскіе* «изъ Полоцка и Герцике». Но могли быть переговоры также съ Новгородомъ и Псковомъ.

72 вассалъ епископа, Рудольфъ фонъ Іерихо, заставилъ ихъ отступить. По почину нѣсколькихъ ливовъ изъ Адіи[51]), въ серединѣ іюля Рига подверглась тяжелой осадѣ со стороны куроновъ, которые, однако, также точно, не достигнувъ своей цѣли, должны были уйти обратно. Ливы изъ Торейды уже собрали сильное войско; они и нѣкоторые другіе ихъ одноплеменники, сверхъ того семигаллы и другія племена (et aliae gentes) ожидали только успѣха осады, чтобы всѣмъ вмѣстѣ устремиться для разрушенія города (ad destructionem). Въ это самое время рыцарь Бертольдъ, бывшій провинціальнымъ магистромъ ордена въ Венденѣ[52]), предпринялъ набѣгъ на область Угаунію (XIV, 5). Во второмъ походѣ онъ сжегъ укрѣпленіе угаунцевъ Оденпе (XIV, 6), которое незадолго передъ этимъ осаждали впродолженіе восьми дней великій князь новгородскій и князь псковской: они ушли, заставивъ уплатить себѣ сумму денегъ (XIV, 2): здѣсь именно
73 и беретъ свое начало столкновеніе съ другими русскими князьями изъ-за земли Толова и эстонскаго края.

Въ это время — продолжаетъ хронистъ — лифляндская церковь была окружена многими опасностями (tribulationibus), находясь посреди многихъ языческихъ народовъ (nationum) и сосѣднихъ русскихъ, которые всѣ вмѣстѣ сговорились уничтожить ее. Поэтому рижане порѣшили отправить пословъ къ *королю полоцкому* посмотрѣть, не встрѣтятъ ли у него мирныхъ намѣреній (si forte cum eo aliquam formam pacis possent invenire). Для этого были избраны Рудольфъ фонъ Іерихо и нѣкоторыя другія, не названныя по именамъ, лица (XIV, 7). Они хотѣли отправиться черезъ Венденъ, должно быть, — какъ предполагаетъ Pabst (стр. 130, пр. 1) — затѣмъ,
74 чтобы къ нимъ могли присоединиться и нѣкоторые рыцари ордена. Когда они приближались къ этому мѣсту, появилось сильное войско эстовъ и осадило Венденъ; когда затѣмъ эсты сняли осаду и отступали, произошло сраженіе съ напавшими на нихъ съ тыла нѣмцами; послѣдніе были разбиты, Рудольфъ фонъ Іерихо раненъ (XIV, 8). Тогда было составлено новое посольство изъ рыцаря Арнольда съ товарищами; при этомъ цѣль посольства опредѣляется болѣе точно: лифляндскіе послы должны договориться съ Владиміромъ, чтобы онъ согласился на миръ и открылъ рижскимъ купцамъ путь въ свою землю (si forte pacem recipiat et mercatoribus Rigensibus viam in terram suam aperiat). Князь принялъ ихъ дружески и, хотя только изъ хитрости (licet in dolo), послалъ съ ними умнаго и богатаго мужа изъ Смоленска, по имени *Лудольфа*, для переговоровъ въ Ригѣ.

---

51) «Livones quidam de Adia». Рѣчка, носящая до сихъ поръ имя *Adia*, впадаетъ въ море къ сѣверу отъ лифляндской Аа.

52) F. G. v. Bunge, Der Orden der Schwertbrüder (Leipzig, 1875) — стр. 37.

Послѣ того какъ они [т. е. послы вмѣстѣ съ Лудольфомъ] прибыли въ
Ригу и объявили желаніе короля, рижане согласились съ нимъ и тогда 75
впервые былъ заключенъ *вѣчный миръ* (pax perpetua) между княземъ и
Ригою, съ тѣмъ, однако, чтобы *ливы ежегодно, уплачивали должную дань королю или епископъ уплачивалъ за нихъ* (ita tamen, ut Livones debitum tributum regi persolvant annuatim vel episcopus pro eis). Къ этому прибавлено, что всѣ [нѣмцы] радовались, что они могутъ [теперь] безпрепятственно воевать съ эстами и другими народами, что и воспослѣдовало (XIV, 9).

Заключеніе мира относится къ осени или зимѣ[53]) 1210 г. Миръ былъ названъ «вѣчнымъ», между тѣмъ бросается въ глаза, что ни о безпрепятственной торговлѣ въ полоцкой землѣ, ни даже о свободномъ плаваніи по Двинѣ ничего при этомъ не сказано. Пабстъ предполагаетъ, что «передъ тѣмъ торговля была пріостановлена вслѣдствіе неуплаты дани» (стр. 134,
прим. 6); неясно, считаетъ ли онъ отказъ епископа въ дани въ томъ смыслѣ, 76
какъ объ этомъ говоритъ Арнольдъ Любекскій, вѣроятнымъ или нѣтъ (ср. Pabst, стр. 38, прим. 3). Во всякомъ случаѣ, ливы могли, пользуясь благопріятными для нихъ обстоятельствами, за все это время не платить слѣдуемой дани. Но съ другой стороны паденіе Куконоса, уступка княземъ Герцике части владѣній нѣмцамъ и подчиненіе его епископу — были сами по себѣ достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы русскіе приняли репрессивныя мѣры противъ нѣмецкихъ купцовъ. Въ виду того, что заключенный миръ названъ *вѣчнымъ*, является также предположеніе, не далъ ли князь Владиміръ полоцкій своего согласія на ту перемѣну, которая произошла въ отношеніяхъ княжествъ Куконоса и Герцике къ епископу, — взамѣнъ того, что епископъ рижскій взялъ на себя ручательство въ уплатѣ дани ливами. Но объ этомъ также молчитъ хроника Генриха; противъ же такого предположенія говоритъ то, что какъ видно изъ приведеннаго свидѣтельства, условія мирнаго договора исходили, повидимому, изъ Полоцка. Даже 77
слѣдуетъ думать, что во время переговоровъ этотъ вопросъ былъ обойденъ и *нѣмцы добились такимъ образомъ молчаливаго признанія status quo.* То, что епископъ бралъ на себя гарантію въ ежегодной уплатѣ дани двинскими ливами, было для князя полоцкаго важнымъ пріобрѣтеніемъ, особенно если припомнить дружественное расположеніе къ Литвѣ князя Всеволода, который, по свидѣтельству Генриха, не стѣснялся подкрѣплять своихъ языческихъ союзниковъ даже въ ихъ походахъ противъ русскихъ, и зависимость котораго, чисто номинальная, мало приносила пользы Полоцку. Поэтому подобный договоръ въ то время не могъ не быть въ интересахъ полоцкаго

---

53) Pabst, стр. 134, прим. на поляхъ; ср. также Bonnell, Chronogr., стр. 26.

78 князя[54]). — Наконецъ, остается неяснымъ, въ чемъ заключалась «хитрость» Владиміра. Хотѣлъ ли онъ, по мнѣнію Генриха, заключить миръ для того, чтобы выиграть время для вооруженій къ походу, между тѣмъ какъ его войска были въ этотъ моментъ заняты гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ? Слѣдуетъ обратить вниманіе и здѣсь на то, что, какъ было сказано, по буквальному смыслу хроники, является весьма возможнымъ, что условія мирнаго договора ставились Полоцкомъ Ригѣ.

Скоро князь Владиміръ показалъ совсѣмъ иныя намѣренія. Уже весной
79 или въ началѣ лѣта[55]) 1212 г. къ епископу Альберту отправлено было посольство Владиміромъ и назначенъ день, когда имъ *съѣхаться въ Герцике*. Здѣсь долженъ былъ онъ отвѣчать за ливовъ, прежде платившихъ дань ему [т. е. князю], и чтобы они, переговоривъ, могли открыть купцамъ безопасный путь по Двинѣ и по возстановленіи мира тѣмъ легче могли бы противостоять литовцамъ[56]).

Итакъ, значитъ, въ 1210 г. состоялось также соглашеніе относительно плаванія по Двинѣ: но встрѣчало ли оно препятствія со стороны литовцевъ? Легче можно понять замѣчаніе, что ливы «прежде» платили дань князю: хроника написана въ 1225—27 г., когда эта дань уже давно не платилась. Если сказано, что епископъ долженъ былъ «отвѣчать» за дань, то это выраженіе опредѣляется, должно быть, повелительнымъ тономъ полоцкаго князя, какимъ онъ призывалъ епископа на этотъ съѣздъ. Такой тонъ не могъ особенно удивить въ Ригѣ, такъ какъ тамъ было уже извѣстно о враждебномъ настроеніи полоцкаго князя.

80 Незадолго передъ тѣмъ князь Владиміръ псковской за дружественное отношеніе къ нѣмцамъ (или, какъ буквально сказано у Генриха, за то, что онъ выдалъ свою дочь за брата рижскаго епископа), былъ изгнанъ своими

---

54) Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы было опредѣлить размѣры дани двинскихъ ливовъ. Что она не состояла исключительно изъ естественныхъ произведеній, какъ это скорѣй всего можно бы предположить, видно изъ текста, гдѣ (XVI, 2) именно употреблено выраженіе: дань и *деньги* (tributum et pecunia); этимъ противопоставленіемъ очевидно дается понять, что подъ «данью» подразумѣваются здѣсь естественныя произведенія (въ противоположность деньгамъ); если только это не простая риторическая фигура (hendiadyoin). Кромѣ всего другого мы видѣли, что деньги (pecunia), которыя въ 1203 г. князь Владиміръ получилъ отъ ливовъ Икскуля, были обычной, ему слѣдуемой данью. — Въ другихъ мѣстахъ (XIV, 2 и XV, 8) говорится: (1210) жители Оденпе должны были «платить 400 марокъ *ногатъ*», (1212) жители Варболы (въ Гарріи) «700 марокъ ногатъ» великому князю Новгородскому. Относительно значенія этихъ монетъ см. W. von Gutzeit, Nogaten und Mordken. Eine Erläuterung zur Münzkunde des alten Russland — Riga, 1887.

55) Ср. Pabst, стр. 166, на поляхъ. Также Bar. Toll und Schwartz: Brieflade, Th III, стр. 142.

56) Rex interim de Plosceke vocavit episcopum diem profingens et locum, ut ad presenciam ipsius apud Gercike de Lyvonibus quoudam sibi tributariis responsurus veniat, ut et sibi colloquentes viam in Duna prepararent securam et pacem renovantes facilius Letonibus resistere queant. XVI, 2.

подданными. Онъ спасся въ Полоцкъ, но, получивъ отъ тамошняго князя [лишь] малое утѣшеніе (parvam consolationem), былъ затѣмъ почетно принятъ въ Ригѣ (XV, 13).

При такихъ обстоятельствахъ епископъ Альбертъ нашелся вынужденнымъ выѣхать навстрѣчу князю полоцкому съ сильнымъ вооруженнымъ прикрытіемъ. Его сопровождали, кромѣ своихъ мужей (viris suis) и рыцарей ордена, также старшины ливовъ и леттовъ, должно быть — двинскихъ 81
ливовъ и жителей той области, которая принадлежала прежде княжествамъ Куконосу и Герцике; также бывшій псковской князь Владиміръ и купцы на судахъ. Всѣ были вооружены (armis, по Пабсту, стр. 166, прим. 2 — «ihr Rüstzeug»), какъ сказано въ хроникѣ: изъ предосторожности отъ коварства литовцевъ по обоимъ берегамъ Двины.

Встрѣча между княземъ и епископомъ произошла передъ укрѣпленіемъ Герцике. Въ самомъ началѣ *переговоровъ* князь, который обращался къ епископу — какъ сказано буквально — то съ лестью, то съ рѣзкими угрозами, заявилъ требованіе, чтобы тотъ оставилъ крещеніе ливовъ, утверждая, что въ *его* власти позволить крестить *своихъ холоповъ* ливовъ или оставить ихъ некрещенными[57]). Ибо — продолжаетъ хронистъ — въ обычаѣ у королей русскихъ, коль скоро покорятъ они какой нибудь народъ, не подчинять его христіанской вѣрѣ, а понуждать его къ платежу дани и денегъ[58]). Далѣе же слѣдуетъ: Но епископъ считалъ, что должно 82
Богу болѣе повиноваться, чѣмъ людямъ, и Небесному Царю больше, чѣмъ земному, по слову Его въ Евангеліи, гдѣ сказано: «идите и поучите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа». И поэтому онъ объявилъ съ твердостью, что не оставитъ своего намѣренія и не покинетъ дѣла проповѣди, которое поручено ему Отцомъ небеснымъ. Но онъ не препятствовалъ тому, чтобы королю уплачивалась дань, согласно изреченію Евангелія: «воздайте кесарево кесарю, а Божіе Богу»[59]), тѣмъ болѣе, что самъ епископъ иногда уплачивалъ королю эту самую дань за ливовъ. Ливы же, которые не хотѣли служить двумъ господамъ, а именно русскимъ и нѣмцамъ, постоянно его уговаривали, чтобы онъ избавилъ ихъ совсѣмъ *отъ ига русскихъ*[60]). — Слова: *vice versa* Пабстъ переводитъ черезъ «im 83
Gegenteil», но рядомъ ставитъ: «seinerseits? abwechselnd?» По поводу же слова «иногда» (quandoque), которое должно обозначать *по крайней мѣрѣ*

57) Rex .... ut a Lyvonum baptismate cessaret rogavit, affirmans in sua esse potestate servos suos Lyvones vel baptizare vel non baptizatos relinquere

58) См. стр. 15, прим. 16 этого сочиненія.

59) См. стр. 30, прим. 22 этого сочиненія.

60) ..... quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum eciam regi pro Lyvonibus persolverat. Lyvones autem, nolentes duobus dominis servire, tam Ruthenis videlicet, quam Theuthonibus, suggerebant episcopo in omni tempore, quatinus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.

два раза, онъ замѣчаетъ: «Должно быть однако не каждый разъ, когда ливы не платили, такъ что случалось, что полоцкій князь и ничего не получалъ. Объ уплатѣ дани Альбертомъ см. XIV, 9 (стр. 167, прим. 8 и 9). Между тѣмъ «quandoque» можетъ обозначать также «одинъ разъ»; притомъ въ текстѣ есть прибавка, на которую Пабстъ не обращаетъ особаго вниманія: «епископъ платилъ.... *также* (eciam) королю». Слово «eciam» указываетъ во всякомъ случаѣ на то, что *ливы платили также прямо князю*. Спрашивается только, къ какому періоду времени это относится :ко времени до договора 1210 г., или послѣ него? — Пабстъ въ своемъ замѣчаніи очевидно имѣетъ въ виду платежи послѣ договора, состоявшагося осенью, или зимою 1210 года—скорѣй всего, пожалуй, уплату послѣдняго срока? Такое предположеніе сдѣлало бы понятнымъ прежде всего, почему князь потребовалъ, чтобы епископъ «отвѣчалъ» за неуплату дани. Если считать, что на протекшіе полтора года, или годъ и три четверти могли падать двѣ срочныхъ уплаты,
84 то слово «quandoque» придется понимать въ томъ смыслѣ, что епископъ только одинъ разъ доставилъ дань князю Владиміру; если же дальше прибавлено, что онъ «не препятствовалъ» тому, чтобы ливы платили дань, то это можно понять, какъ извиненіе епископа Альберта въ неисправности, вслѣдствіе которой дань не была доставлена во время. Но это замедленіе въ высылкѣ дани, если оно дѣйствительно случилось, не произошло ли отъ желанія положить ей конецъ? *Противъ* такого объясненія можно привести то, что съ 1206 года епископъ стремился установить добрыя отношенія съ княземъ полоцкимъ и достигъ этого съ большимъ трудомъ, угрожаемый внѣшними и внутренними врагами; *за* это объясненіе говоритъ желаніе ливовъ избавиться отъ дани, которое они «постоянно» выражали. Можно бы думать, что упрашиванія ливовъ избавить ихъ отъ дани стали особенно настойчивыми во время этихъ самыхъ переговоровъ епископа съ княземъ Владиміромъ; но это не видно изъ самаго характера ихъ разговоровъ,
85 которые вращались все около одного и того же, пока не послѣдовали военныя дѣйствія. — Приходится оставить всѣ эти вопросы нерѣшенными, потому уже, что непостоянный и поддающійся легко вліяніямъ характеръ князя Владиміра чрезвычайно мѣшаетъ вѣрной оцѣнкѣ событій. Возможно и то, что князь *безъ всякаго повода* потребовалъ отъ епископа «ручательства»; тогда къ этому можно бы отнести и замѣчаніе о его «хитрости», которое находимъ въ разсказѣ о договорѣ 1210 г.

Недовольный переговорами, князь Владиміръ прервалъ ихъ, потому что справедливые словесные доводы его не удовлетворили[61]). Онъ грозилъ

61) Sed rex verborum justis rationibus non acquiescens ..... Если это замѣчаніе *вполнѣ правдиво*, то падаютъ оба предположенія: *первое*, что епископъ не выслалъ дани за послѣдній срокъ, и *второе*, что онъ это сдѣлалъ, желая положить ей конецъ.

предать пламени всѣ укрѣпленія Ливоніи и самую Ригу, приказалъ своему войску выйти на равнину передъ укрѣпленіемъ, приготовилъ всѣхъ своихъ людей къ нападенію и сталъ наступать на нѣмцевъ; — но это дѣла- 86
лось, по мнѣнію хрониста, — только для вида (simulans), чтобы запугать противника, что однако не удалось. Ибо вся вооруженная сила, бывшая съ епископомъ, его люди и рыцари ордена, также купцы, которые были равнымъ образомъ вооружены, поднялись на встрѣчу русскимъ, ища битвы. Когда сошлись оба войска, на виду у всѣхъ передъ началомъ ожидаемаго сраженія рижскій соборный священникъ Іоаннъ и князь Владиміръ псковской вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими отправились къ полоцкому князю для переговоровъ. Они его уговаривали не тѣснить оружіемъ юную лифляндскую церковь и указывали ему на опасность, которая можетъ быть для него отъ борьбы съ нѣмцами. Тогда князь, устрашенный ихъ смѣлостью (audaciam), отозвалъ свое войско, самъ отправился къ епископу и привѣтствовалъ его почтительно, какъ своего духовнаго отца[62]). Послѣдовали переговоры и заключенъ былъ *новый договоръ*. Князь, какъ бы по внушенію 87
свыше, согласился наконецъ предоставить всю Ливонію епископу [съ условіемъ], чтобы заключенъ былъ между ними вѣчный миръ, какъ по отношенію къ литовцамъ, такъ и къ другимъ язычникамъ, и чтобы купцамъ былъ навсегда открытъ свободный путь по Двинѣ[63]).

Важно прежде всего то, что *князь Владиміръ отказывался получать дань съ ливовъ*. Сказано буквально, что *«вся Ливонія»* была предоставлена на волю епископа; но требуетъ еще разъясненія, *вся ли земля ливовъ*, или только двинская область платила дань Полоцку; а мы видѣли (см. Введеніе), что этого нельзя доказать относительно всѣхъ ливонскихъ мѣстно- 88
стей; а въ виду отдаленности остальныхъ, кромѣ двинской — оно представляется даже невѣроятнымъ. Итакъ, слѣдуетъ подразумѣвать только *«всю»* принадлежавшую Владиміру *часть* Ливоніи. Соловьевъ, который излагаетъ эти событія несовсѣмъ согласно съ источниками (стр. 361), замѣчаетъ по поводу разсказа объ отказѣ отъ дани: «Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ пересталъ платить дань полоцкому князю, и тотъ не имѣлъ средства принудить его къ тому».

Но уже Бонелль (Chronogr., Commentar, стр. 57) указываетъ на нео-

---

62) Tamquam patrem spiritualem. Чтобы именно въ *такихъ словахъ* князь обратился къ епископу, этого утверждать нельзя, тѣмъ болѣе, что дальше говорится: Similiter et ipse tamquam filius ab eo receptus est.

63) Unde tandem rex, Dei fortassis indoctus instinctu, Livoniam totam domno episcopo liberam reliquit, ut pax inter eos perpetua firmaretur tam contra Letones, quam contra alios paganos, et via mercatoribus in Duna semper libera prestaretur.

сновательность такого сомнѣнія, ссылаясь на доводъ, приводимый также Пабстомъ, именно что князю Владиміру въ вознагражденіе за уступку земли ливовъ, его данниковъ, была обѣщана *помощь противъ литовцевъ и дру-*
89 *гихъ язычниковъ* — быть можетъ, противъ семигалловъ, жившихъ къ югу отъ Двины. Еще можно прибавить, что охрана *свободнаго плаванія* по Двинѣ была равно въ интересахъ какъ русскихъ, такъ и нѣмцевъ. Впрочемъ, Соловьевъ никакимъ положительнымъ доводомъ и не подкрѣпляетъ своего сомнѣнія. Ему показалась подозрительной ссылка на божеское внушеніе; но такой способъ объясненія не удивитъ того, кто болѣе знакомъ съ хроникой Генриха.

Пріобрѣтенія епископа Альберта были прочны: князья полоцкіе никогда уже болѣе не владѣли землями леттовъ и ливовъ, которыя уступили нѣмцамъ. Характеристично для князя Владиміра то, что онъ, четыре года спустя (въ 1216 году, послѣ пасхи), по просьбѣ эстовъ опять собралъ большое войско противъ своихъ прежнихъ противниковъ — изъ [должно быть, болѣе отдаленной] Россіи и на этотъ разъ также изъ Литвы. Онъ
90 хотѣлъ уже спуститься съ войскомъ по Двинѣ, какъ внезапно, всходя на корабль, упалъ и умеръ (XIX, 10). По воззрѣнію ливонскаго хрониста, Божія Матерь, покровительница страны, а также Царица Небесная и Госпожа всего міра и всѣхъ земель, поразила его безвременной смертью (XXV, 2).

Принципіальный историческій интересъ представляетъ дальнѣйшая судьба лена Ливоніи, *вассальнаго княжества Герцике*.

Мы видѣли, какъ, вынуждаемый обстоятельствами, князь Всеволодъ поздней осенью или зимою 1209-го, а можетъ быть и въ началѣ 1210 года, на погостѣ Св. Петра въ Ригѣ призналъ себя вассаломъ епископа. Вмѣстѣ съ женой и остальными плѣнниками вернулся онъ въ свои урѣзанныя владѣнія, созвалъ своихъ людей, которые разбѣжались при взятіи Герцике, и сталъ снова отстраивать свое укрѣпленіе (которое здѣсь и дальше названо
91 «castrum», тогда какъ раньше civitas «civitas»). Уже на этомъ мѣстѣ хронистъ замѣчаетъ, что онъ впослѣдствіи участвовалъ однако въ замыслахъ литовцевъ, нарушилъ обѣщанную вѣрность и часто подстрекалъ язычниковъ противъ нѣмцевъ въ Куконосѣ (XIII, 4).

Что во время переговоровъ епископа съ княземъ полоцкимъ близъ Герцике Всеволодъ сталъ на сторону послѣдняго, а не своего сюзерена, видно изъ того, что, по словамъ хроники, войска Владиміра заняли укрѣпленіе. Въ 1214 г. рыцари изъ Куконоса — Мейнгардъ, Іоаннъ, Іорданъ и др. обвинили его въ томъ, что онъ уже много лѣтъ не являлся къ епи-

скопу, своему отцу, съ тѣхъ поръ, какъ получилъ отъ него свое владѣніе, напротивъ того, совѣтомъ и дѣломъ помогаетъ постоянно литовцамъ. Послѣ того, какъ они не разъ его приглашали, они потребовали его, наконецъ, къ отвѣту; онъ презрѣлъ это (quod contemnens) и не явился, не прислалъ и замѣстителя (responsalem). Наконецъ, — должно быть уже осенью 92
или зимой того же года[64]) — съ согласія епископа двинулись они съ значительной частью войска по берегу Двины къ Герцике, ночью овладѣли укрѣпленіемъ, съ наступленіемъ дня взяли многихъ въ плѣнъ, другихъ же обратили въ бѣгство и возвратились домой съ богатой добычей (XVIII, 4).— Такой же набѣгъ рыцарь Мейнгардъ повторилъ весною[65]) 1215 года. На этотъ разъ князь Всеволодъ во время провѣдалъ объ угрожавшей опасности и тайно сговорился съ литовцами. По взятіи Герцике удалось послѣднимъ, явившимся въ особенно большомъ числѣ, хитростью, частію на собственныхъ судахъ нѣмцевъ, подъ предлогомъ мирныхъ переговоровъ, переправиться черезъ Двину. Когда нѣмцы догадались объ ихъ настоящемъ намѣреніи, одни бросились на суда и спаслись въ Куконосъ, другіе же (въ томъ числѣ рыцари Мейнгардъ, Іоаннъ и Іорданъ) пали въ честномъ бою, 93
послѣ того какъ сопровождавшіе ихъ летты обратились въ бѣгство (XVIII, 9).

Самое позднее въ 1224 г. послѣдовало примиреніе непокорнаго вассала съ епископомъ Альбертомъ. Это ясно изъ одного *документа*, оригиналъ котораго, какъ указалъ уже Гильдебрандъ[66]) въ своемъ изданіи, неправильно помѣченъ «1213-мъ» годомъ; по Гильдебранду онъ относится скорѣе ко «второй четверти» столѣтія, по бар. Толлю и Шварцу («Est- und Livländische Briefladе»)[67]) ко времени между апрѣлемъ и [21.] іюлемъ 1224 года». Въ этомъ документѣ дѣлаетъ извѣстнымъ, что «по просьбѣ короля Герцике половина укрѣпленія Герцике и всѣхъ принадлежащихъ къ этому 94
укрѣпленію имѣній, за исключеніемъ Аутене, онъ отдалъ въ ленъ рыцарю Конраду фонъ Икскулю и еще съ тѣмъ условіемъ, чтобы, если одинъ изъ нихъ умретъ безъ наслѣдниковъ, ленъ перешелъ къ другому. Если же въ эту минуту которыя нибудь изъ названныхъ владѣній заняты кѣмъ либо другимъ, то онъ [епископъ] къ ближайшей пасхѣ освободитъ ихъ или вступитъ насчетъ ихъ въ дружеское соглашеніе съ упомянутымъ королемъ и рыцаремъ Конрадомъ фонъ Икскулемъ. Сверхъ того въ укрѣпленіи Cessoe должна уплачиваться ему [епископу] десятина въ томъ размѣрѣ, какъ пло-

---

64) Пабстъ, стр. 190, на поляхъ.

65) Пабстъ, стр. 197, на поляхъ.

66) H. Hildebrand, Zehn Urkunden zur älteren livländischen Geschichte aus Petersburg und Stockholm — въ «Mittheilungen» и проч. т. XII, вып. II (Riga 1876), стр. 367—80; см. особенно примѣчанія къ документу № 1, стр. 368.

67) Часть I, стр. 144; ср. стр. 11, 27 и 338; также F. G. Bunge, Livland die Wiege der deutschen Weihbischöfe. Leipzig 1875, стр. 27 и слѣд.

тится въ Икскулѣ. Сами же они должны позаботиться о томъ, чтобы прилично *наградить церковь*[68]). Затѣмъ названы по именамъ свидѣтели и въ заключеніе приписано: «Acta sunt hec in Riga» и т. д.

95 Содержаніе приведеннаго документа поразительно во многихъ отношеніяхъ. Припомнимъ прежде всего то, что князь Всеволодъ, подчинившись въ 1209 (или началѣ 1210) г., уступилъ епископу ту часть своихъ владѣній (западную), которая была обращена нѣмецкими миссіонерами. Въ излагающемъ это событіе документѣ въ числѣ уступленныхъ епископу укрѣпленій названы опредѣленно «Autina» (или *Autine*) и «Zessowe» (теперешнее *Sesswegen*), и изъ позднѣйшихъ актовъ раздѣла мы узнаемъ, что въ 1211 или 1212 г. «Autenine» (= Autine) досталось епископу, а «Sessowe» ордену; въ 1213 году «Chessowe» снова дѣлается владѣніемъ епископа, а «Autine»
96 остается за орденомъ. Укрѣпленіе же Герцике, какъ намъ извѣстно, осталось нераздѣльно за Всеволодомъ, и въ разсказѣ хрониста оно упоминается въ 1212, 1214 и 1215 гг. какъ его нераздѣльная собственность. И вотъ въ 1224 г. епископъ Альбертъ объявляетъ, что онъ *«по просьбѣ короля Герцике половину укрѣпленія Герцике и всѣхъ принадежащихъ къ нему владѣній, за исключеніемъ Аутене, отдалъ въ лень рыцарю Конраду фонъ Икскулю»* — и, какъ явствуетъ изъ текста, *также и укрѣпленіе «Cessoe»* (= Sesswegen), гдѣ должна выплачиваться епископу десятина въ томъ самомъ размѣрѣ, какъ въ укрѣпленіи Икскулѣ, которое съ 1201 года дано было въ ленъ рыцарю Конраду фонъ Мейендорпе (Meyiendorpe) (Генр. V, 2). — Потомъ, изъ того же документа узнаемъ ту важную подробность, что князь Всеволодъ въ силу новаго договора, состоявшагося самое позднее 21-го іюля 1224 г., уступилъ своему сюзерену *поло-*
97 *вину своего укрѣпленія, а, можетъ быть, опять и часть своей земли.* Мало вѣроятности, чтобы Всеволодъ *добровольно* отказался отъ половины своего укрѣпленія, а, быть можетъ, и части своей земли; съ другой стороны, можно понять, что Конрадъ фонъ Мейендорпе получилъ *«по просьбѣ»* Всеволода половину его княжества (за исключеніемъ Аутине) вмѣстѣ съ половиной его резиденціи въ ленъ отъ епископа, потому что изо всѣхъ людей епископа онъ могъ быть наиболѣе пріятнымъ совладѣльцемъ для князя. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что Всеволодъ вторично уступилъ

68) .... quod ad peticionem regis de Gerzike medietatem castri Gerzike et omnium bonorum eidem castro pertinencium excepto Autene concessimus Conrado militi de Ykesculle in beneficio feodali eo videlicet pacto, ut quicumque [sic] eorum absque herede prior discesserit [!], in altrum [!] ipsum beneficium ex integro transferatur. Si qua autem de predictis bonis adpresens a quolibet fuerint occupata, ea usque in Pascha proximo futurum expediemus vel in amicicia cum prodicto rege et Conrado militi [!] componemus. Ceterum in castro Cessoe annona decimalis secundum mensuram, que Ykesculle datur, nobis solvetur [!]. Ipsi autem ad dotandam competenter ecclesiam procurabunt.

часть своихъ земель, потому что и въ самомъ документѣ 1209 (или началу 1210) года не сказано прямо, что онъ отдалъ «половину» своей земли. — Далѣе, то условіе, которое было постановлено, именно, что «если одинъ изъ нихъ [т. е. князь Всеволодъ или рыцарь Конрадъ] умретъ безъ наслѣдника, то земь его переходитъ къ другому», — указываетъ на извѣстное довѣріе, которое Всеволоду удалось пріобрѣсть у епископа, не смотря на прежнюю его непокорность: за нимъ утверждалось такимъ образомъ право вернуть себѣ утраченную половину владѣній (правда, за исключеніемъ Аутине, принадлежащаго ордену) при условіи, которое не заключало въ себѣ ничего невозможнаго! Въ виду этого довѣрія епископа къ князю Всеволоду, можно заключить, что между примиреніемъ князя и епископа и только что разсказаннымъ надѣленіемъ рыцаря Конрада фонъ Мейендорпе протекъ довольно продолжительный промежутокъ времени. Это примиреніе слѣдовательно должно было произойти задолго до 21-го іюля 1224-го года.

Въ качествѣ зависимаго отъ рижскаго епископа владѣнія Герике упомянуто въ хроникѣ Генриха по поводу прибытія, въ 1225 году, папскаго легата Вильгельма, епископа Моденскаго (XXIX, 2). Нѣсколько недѣль спустя, должно быть, въ августѣ мѣсяцѣ[69]) 1225 года, въ числѣ другихъ лицъ имѣлъ у него аудіенцію въ Ригѣ и князь Всеволодъ (XXIX, 4). — Мы встрѣчаемъ также его имя въ одномъ документѣ, который сохранился, къ сожалѣнію лишь въ сокращенномъ изложеніи (регестѣ) на латинскомъ языкѣ; текстъ его въ переводѣ слѣдующій: свидѣтельствуетъ рижскій епископъ Николай [преемникъ Альберта] въ томъ, что король *Виссеволде* [т. е. Всеволодъ] изъ *Церике* (Zerike) [т. е. Gercike] островъ Вольфегольмъ и землю по сю сторону Двины, которая лежитъ между двумя ручьями, именно Ликсной и Рѣжицей (Reciza) [и] озеромъ Каферъ (Caffer), отдалъ аббату и капитулу Динамюнде. «Datum Rigae, 1230»[70]).

---

69) Ср. Пабетъ, стр. 346, на поляхъ.

70) Bunge, Urkundenbuch, т. VI, стр. 7, № 117a. Дата времени можетъ возбудить сомнѣніе. Бар. Толль и Шварцъ, Brieflade, ч. III, стр. 146 и слѣд. не упоминаютъ объ этомъ документѣ; по ихъ мнѣнію, епископскій престолъ пустовалъ со смерти Альберта, т. е. съ 17-го января 1229 г., до времени между 17-мъ февраля и 8-мъ апрѣля 1231 г., и вообще до насъ не дошло другихъ документовъ уже избраннаго на епископство Николая за первый періодъ времени. Если съ своей стороны Döring (Balt. Monatsschrift, ч. 23, стр. 436) относитъ документъ къ «декабрю» 1230 г., то это произошло отъ недоразумѣнія (ср. съ приведеннымъ документомъ — документъ № 117, т. I). Дёрингъ принялъ ручей Ликсну за теперешнюю Lixnâuka близъ имѣнія Lixna въ двухъ миляхъ ниже Динабурга, другой же ручей — не за теперешнюю Рѣжицу, но за ручей Iwah близъ Nitzgal'я въ двухъ миляхъ ниже Ликсны. Правильно ли это — не беремся рѣшить. — Предположеніе академика Куника въ книгѣ Биленштейна: Grenzen и т. д., стр. 474 (гдѣ, впрочемъ, годъ напечатанъ невѣрно: вмѣсто 1230—«1240»-ой), что «insula Wolfenholm» тождественна съ «insula regis» (см. Bunge, Urkundenbuch, I № XVIII, № 23), не можетъ быть признано правильнымъ, такъ какъ уже

100 Въ виду этого приходится оставить неразрѣшеннымъ вопросъ, былъ
101 ли еще живъ Всеволодъ во время составленія документа. И какъ не въ состояніи мы опредѣлить годъ его смерти, также точно не можемъ отвѣтить на вопросъ, *какова была окончательная судьба княжества Герцике*. Можно строить на этотъ счетъ одни только предположенія, такъ какъ единственнымъ источникомъ является съ трудомъ поддающійся объясненію документъ епископа Николая, помѣченный: Торейда (Toreidhia) 19-го апр. 1239 г.[71]).

Въ немъ объявляетъ епископъ, что онъ рѣшилъ лежащее на Двинѣ *мѣсто по имени Герцике*, которое его законные владѣтели вмѣстѣ съ прилежащими землями и всѣмъ принадлежащимъ принесли свободно въ даръ его [т. е. рижской] церкви и получили отъ него въ ленъ, — укрѣпить съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы черезъ это съ этого мѣста произошелъ большой уронъ врагамъ и, съ Божіей помощью, большая польза новообращеннымъ
102 и т. д.[72]). Поэтому онъ даритъ названнымъ братьямъ [т. е. братьямъ Ливонскаго ордена] половину вышеупомянутаго укрѣпленія со всѣми принадлежащими къ нему землями, лѣсами, лугами и водами и всѣмъ инымъ во владѣніе со всѣми правами и съ уплатой десятины на томъ условіи, чтобы братья взяли на себя двѣ трети, а онъ [епископъ] одну треть расходовъ, какъ по *покупкѣ права у наслѣдниковъ лена*, такъ и по содержанію укрѣ-
103 пленія. Если же бы до окончанія переговоровъ съ наслѣдниками одинъ изъ нихъ умеръ, то половина того, чѣмъ онъ владѣлъ, досталась бы братьямъ безо всякихъ условій, также какъ ему [т. е. епископу] другая половина. Если бы далѣе одному изъ наслѣдниковъ вздумалось удержать за собою часть самаго укрѣпленія или другихъ принадлежащихъ къ нему имѣній, то онъ [епископъ] берется самъ, безъ участія братьевъ, помѣстить его въ своемъ [т. е. епископскомъ] участкѣ и т. д.[73]).

по Биленштейну, стр. 464 (№ 33) «insula regis» лежала «ниже Гольма (Dahlen)», слѣдовательно въ *ливонской* части Двинскаго края, которая *вовсе не относилась* къ княжеству Герцике

71) Bunge, Urkundenbuch, Bd. I, № CLXIII, Reg. № 183.

72) .... locum castri, qui Gercike dicitur, situm super Dunam, cujus proprietatem legitimi possessores cum terris adjacentibus et pertinentiis omnibus ecclesiae nostrae libere donaverunt et a nobis receperunt in feodo, munire decrevimus, eo praesertim intuitu, quod, sicut apparet, de ipso loco multa detrimenta sint hostibus, et neophitis, annuente Domino, commoda profutura. Относящееся сюда придаточное предложеніе непосредственно за этимъ слѣдующаго періода: «Consideramus etiam, quod, si locum eundem gentium praeoccuparet industria, profectum fidei per hoc contingeret plurimum impedire» — передано у Бунге въ цитируемомъ нами извлеченіи неправильно, а именно: «если бы это мѣсто было *снова* захвачено язычниками».

73) .... dictis fratribus medietatem praedicti castri et omnium ad ipsum pertinentium in terris, arboribus, graminibus et aquis et aliis quibuscunque, donamus percipienda cum omni jure et libertate et fructibus decimarum, eo pacto ut ipsi fratres tam in redimendo iure pheodali ab heredibus, quam in conservando castro duas partes faciant et nos tertiam expensarum. Si autem antequam componantur cum heredibus, aliquem heredum mori contigeret, media pars eorum, quae ad defunctum pertinebant, absolute cedet, sicut et nobis altera media, fratribus memoratis. Porro si alicui heredum placuerit habere in castro ipso aut aliis bonis pertinentibus portionem: nos in nostra parte sine fratrum gravamine ipsos tenebimur collocare.

Спрашивается, кто же были «законные владѣтели» Герцике, о которыхъ 104
говорится въ началѣ документа, и кто упомянутые дальше «наслѣдники»?

Подъ первыми мы, по всей вѣроятности, должны разумѣть князя Всеволода и его ближайшее потомство. Правда, лишь самъ Всеволодъ по договору 1209 (или начала 1210) года какъ сказано, «принесъ свободно въ даръ» рижской церкви свое право собственности въ отношеніи Герцике, и, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ владѣлъ имъ уже какъ леномъ, то ни самъ онъ, ни кто либо изъ его потомковъ уже не могъ приносить его свободно въ даръ. Но могло быть, что по смерти Всеволода его потомство *снова получило въ ленъ* свою часть Герцике, тѣмъ болѣе что, какъ видно изъ до- 105
кумента 1224 г., епископъ Альбертъ призналъ за нимъ право на наслѣдованіе лена. Если обратить вниманіе на буквальный смыслъ словъ: «locum castri, qui dicitur G., . . . cuius proprietatem legitimi possessores . . . ecclesie nostrae libere donaverunt et a *nobis* reciperunt in feodo» — то изъ него придется вывести, что при епископѣ Николаѣ потомство Всеволода снова надѣлено было леномъ.

Что касается далѣе много разъ упоминаемыхъ «наслѣдниковъ», то, прочитывая документъ безъ предвзятой мысли, выносишь впечатлѣніе, что «законные владѣтели» Герцике, которыми, вообще говоря, могъ быть только Всеволодъ и его ближайшее потомство, не задолго передъ тѣмъ вымерли, а упоминаемые «наслѣдники» были ихъ потомки, которые имъ наслѣдовали, т. е., должно быть, *внуки Всеволода*. Не упомянуто о рыцарѣ Конрадѣ изъ Икскуля и его потомствѣ; между тѣмъ мы знаемъ, что въ 1224 г. ему также отдана была въ ленъ съ правомъ наслѣдства «половина укрѣ- 106
пленія Герцике и всѣхъ принадлежащихъ къ этому укрѣпленію имѣній». Такъ какъ притомъ и нѣтъ доказательствъ, что Конрадъ или его потомство не владѣли своей частью Герцике, то слѣдуетъ, можетъ быть, признать, что родъ «Uexküll» по прежнему былъ совладѣтелемъ ея. Во всякомъ случаѣ надо вывести изъ текста документа, что уступленная епископомъ Николаемъ орденскимъ братьямъ половина укрѣпленія Герцике и «всѣхъ принадлежащихъ къ нему земель и т. д.» — была именно *та часть, которая принадлежала наслѣдникамъ изъ рода Всеволода*. Слѣдовательно, епископу должна была достаться та часть, которая дана была за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ рыцарю Конраду, независимо отъ того, была ли эта часть въ это время посредственнымъ или непосредственнымъ владѣніемъ епи- 107
скопа [74]).

---

74) Конрадъ фонъ Мейендорпе (или Конрадъ изъ «Ykescole», «Ikescola» и пр.) въ послѣдній разъ упоминается въ числѣ свидѣтелей въ документѣ 1224 г. или 1225 г. (Bunge, Urkundenbuch, т. I, № LXI до LXIII и LXX; документъ № LXX можетъ быть также относимъ къ «началу 1225 январскаго года», см. стр. 142, прим. 101 этого изслѣдованія). Если онъ,

108 Въ то же время мы узнаемъ изъ разсматриваемаго документа, что во время его составленія потомкамъ Всеволода еще принадлежало право на ихъ наслѣдственную часть; почему и слѣдуетъ особенно тщательно изслѣдовать, насколько эта половина Герцике и пр. могла быть «*дана въ даръ*»
109 нѣмецкому ордену. А это, какъ мы видѣли, совершилось *при извѣстныхъ условіяхъ*; на это указываетъ, повидимому, и употребленное здѣсь выраженіе «donamus» въ противоположность болѣе сильному обороту «libere donaverunt», употребленному раньше — тамъ, гдѣ говорится о «legitimi possessores». Условіе состояло въ томъ, что при покупкѣ лена у наслѣдниковъ и по содержанію укрѣпленія орденъ долженъ былъ взять на себя двѣ трети расходовъ, тогда какъ епископъ Николай — остальную треть. Далѣе, епископъ обязывался въ томъ случаѣ, если бы кому нибудь изъ наслѣдниковъ вздумалось сохранить за собою часть укрѣпленія или принадлежа-
110 щихъ къ нему имѣній, помѣстить его въ своей части владѣній. А это было легко исполнимо тогда, когда участокъ епископа находился въ икскульскомъ ленѣ и вассалъ, удаляемый изъ области, относящейся къ Герцике, могъ быть вознагражденъ въ другомъ мѣстѣ; черезъ это соблюдался общій

столь выдающійся вассалъ епископа, ни разу не упомянутъ въ послѣдующихъ годахъ, то слѣдуетъ заключить, что онъ умеръ въ 1225 г., тѣмъ болѣе что въ документѣ 1239 г. упомянутъ въ качествѣ современника «Johannes miles de Ykescole». Онъ *не можетъ* быть тождественъ и съ тѣмъ рыцаремъ Конрадомъ фонъ «Ykescolle», о которомъ упоминается какъ о не за долго передъ тѣмъ умершемъ въ документѣ 1257 г., приводимомъ у Гильдебранда подъ № 6 и очень важномъ для исторіи рода «Uexküll». Эта невозможность, кромѣ всѣхъ предыдущихъ данныхъ, станетъ ясной уже изъ самаго сопоставленія годовъ: слишкомъ невѣроятно, чтобы, получивъ свой ленъ въ 1201 году, онъ еще въ 1257 г. могъ имѣть «вотчина», которому тогда архіепископъ Альбертъ (Suerbeer) передалъ его ленныя владѣнія Икскуль и «Calwe» («Calwe», «Kalven» и проч. — часто встрѣчающіяся названія мѣстностей; см. списокъ названій въ сочиненіи Биленштейна «Grenzen» стр. 499 и слѣд.; въ текстѣ документа, впрочемъ, стоитъ собственно «Calme»; «Calwe» — конъектура Гильдебранда). Впрочемъ, какъ будетъ отмѣчено ниже, въ документѣ о надѣленіи леномъ въ 1257 г. Герцике не названо. Не смотря на это весьма возможно (если бы только не явились сомнѣнія другого рода), что Герцике — правильнѣе *часть* его, что именно надо принять, основываясь на сопоставленіи упоминаній о Герцике, сдѣланномъ Дерингомъ въ «Balt. Monatsschrift», т. XXIII, стр. 437 и слѣд., — въ 1257 г. принадлежало родственнику другого извѣстнаго намъ Конрада Икскуля и только позже сосредоточилось вмѣстѣ съ замкомъ Икскуль въ рукахъ одного владѣльца. Достойно замѣчанія еще то, что, на основаніи документа № 10 въ собраніи Гильдебранда, въ 1348 г. «Герцике» (именно только часть его, какъ было уже сказано) еще принадлежало, или, можетъ быть, снова принадлежало роду «Uexküll». (Въ связи съ этимъ, мимоходомъ замѣтимъ, получаетъ особенный интересъ извѣстіе хрониста Германа Вартбергскаго, что въ 1304 г., или раньше, одинъ рыцарь, Іоаннъ Икскуль, былъ взятъ въ плѣнъ литовцами въ «укрѣпленіи Герцике»; кромѣ другихъ, носившихъ то же имя, въ упомянутомъ выше документѣ № 10 упоминается также «dominus Johannes de Ykesculle miles generosus»). — Итакъ, мы видимъ, что въ 1239 г. рыцаря Конрада фонъ Мейендорпе уже не было въ живыхъ, и что представители рода «Uexküll» въ XIV столѣтіи (во всякомъ случаѣ въ 1348 г. или, можетъ быть, «около 1304 г.») имѣли владѣнія въ области Герцике; но мы не въ состояніи доказать, что ихъ владѣніе, начиная съ 1224 г., было непрерывнымъ.

принципъ, что ордену достается «половина» Герцике и пр. Принципъ этотъ подвергался ограниченію лишь въ томъ случаѣ, если бы до окончанія переговоровъ кто нибудь изъ наслѣдниковъ умеръ; въ такомъ случаѣ одна половина владѣній умершаго перешла бы безусловно къ ордену, а другая къ епископу. Но по поводу этого ограниченія надо отмѣтить, что въ этомъ случаѣ орденъ не уплачивалъ вознагражденія, предусмотрѣннаго въ главномъ условіи.

Наконецъ, изъ того же документа видно, что въ 1239 г. *укрѣпленія Герцике* не существовало; чтобы объяснить этотъ фактъ, нѣтъ надобности предполагать военную причину: укрѣпленіе могло быть уничтожено также 111
случайнымъ пожаромъ.

Что касается *дальнѣйшихъ извѣстій о Герцике*, то особенное вниманіе останавливаютъ на себѣ два обстоятельства. Вопервыхъ, принятое въ 1239 г. рѣшеніе отстроить укрѣпленіе Герцике, повидимому, не было приведено въ исполненіе, потому что, какъ оказывается, лишь въ XIV столѣтіи мы опять встрѣчаемъ «castrum» Герцике; и во вторыхъ, право ордена на «половину» укрѣпленія и «всего къ нему принадлежащаго» ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ, по документу 1256 г., рижскій архіепископъ Альбертъ (Suerbeer) и орденъ сговариваются о томъ, чтобы уладить разные спорные вопросы, и, между прочимъ, рѣшаютъ, чтобы «третья часть мѣста укрѣпленія Герцике, вмѣстѣ съ землею, десятиной и всѣми свѣтскими правами принадлежала имъ [т. е. орденскимъ братьямъ], а намъ [т. е. архіепископу] осталось одно духовное право[75])». 112

Послѣ всего вышеизложеннаго остается пожалѣть, что мы не обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ для того, чтобы сдѣлать какіе нибудь прочные выводы о судьбѣ прежняго полоцкаго удѣла и единственнаго вассальнаго княжества Лифляндіи.

---

75) См. F. Döring l. c.: сопоставленіе упоминаній о Герцике, а также и документъ № CCLXXXVIII въ собраніи Бунге, т. I; исправленный текстъ его у Биленштейна «Grenzen», стр. 432: «... ita videlicet quod locus castri in Gerzeke pro tertia parte cum terra, decimis et omni jure temporali sit eorum, spirituali jure nobis tantum relicto». По поводу даты времен см. баронъ Толль и Шварцъ: «Est- und Livländische Brieflade», часть III, стр. 153; по поводу упомянутаго въ документѣ «magister Ludovicus» см. стр. 7 и 17.

II.

113 **О дани, платимой Пскову землею Толова.**

Въ 1224 году нѣмцы предоставили русскимъ получить дань съ земли Толова; вотъ фактъ, имѣющій важное государственное значеніе, поскольку онъ противорѣчитъ мнѣнію о *полномъ* господствѣ нѣмцевъ въ предѣлахъ названной области. По крайней мѣрѣ въ XIII столѣтіи. Важно еще и то, что этотъ фактъ еще ни разу не былъ разсмотрѣнъ какъ слѣдуетъ въ исто-
114 рической литературѣ балтійскаго края[76]). Выше мы видѣли, что, хотя во всѣхъ другихъ мѣстахъ господство нѣмцевъ было вполнѣ признано русскими, въ *одной только этой* области оно было признано ими невполнѣ.

Границы всѣхъ мѣстностей старинной Лифляндіи пока не могутъ быть опредѣлены совершенно точно; такъ и относительно земли Толова намъ приходится довольствоваться лишь общими топографическими указаніями: во время Генриха-хрониста она обнимала область по верхнему и сред-
115 нему теченію Аа, граничила на востокѣ съ русскими владѣніями и простиралась къ западу до озера Буртнѣкъ, такъ что Трикатуа (около имѣнья Трикатенъ) и Адзеле (около имѣнія Адзель), которыя упоминаются ниже рядомъ съ Толовой, должны быть включены въ нее какъ части ея[77]). Жи-

---

76) А. фонъ Рихтеръ въ сочиненіи: «Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen» (2 части, Рига, 1857—1858) замѣчаетъ даже (часть I, стр. 148, прим. 58): «Въ журналѣ Inland за 1853 г. стр. 717 сообщается, будто епископъ Альбертъ и рыцари ордена обѣщали русскимъ дальнѣйшую уплату дани, получаемой ими раньше съ земли Толова. Объ этомъ не говоритъ ни Генрихъ Л. (стр. 171 и 174) тамъ, гдѣ онъ упоминаетъ о посольствахъ русскихъ, ни актъ раздѣла Толовы (Sylv. doc. № 67), да это и не согласуется съ ходомъ обстоятельствъ». Авторъ просмотрѣлъ гл. XXVIII,9 хроники Генриха. Боннель, не называемый Рихтеромъ авторъ статьи, которую онъ цитируетъ: «Die Begründung der römisch-deutschen Herrschaft in Livland» (Inland, за 1851—1854 гг.) первый далъ въ своей «Russisch-Liwländische Chronographie» нѣкоторые важные *матеріалы подъ 1285 г.* Къ этимъ даннымъ возвращается Эдуардъ Пабстъ въ своемъ изданіи хроники Генриха, замѣчая на стр. 189, прим. 11: *«еще въ августѣ 1285 г.!» дань платилась въ Толовѣ русскимъ.*

77) G. Vierhuff, въ протоколахъ засѣданій Общества исторіи и пр. за 1876 г. (Рига, 1877), стр. 60 и слѣд. считаетъ «несомнѣнно вѣрнымъ» предположеніе, что латинизированную Tolowa слѣдуетъ читать по латышски Tuhlawa, такъ что «Толова обозначаетъ землю, обтекаемую рѣкою Awa, Aa». Но слово «обтекаемую» вставленно произвольно. Первая часть слова tuhlu (= среднелатышскому tuwu) обозначаетъ именно «близко»; такимъ образомъ,

тели были летты или летигаллы, которыхъ хронистъ считаетъ постоянно 116
за одно племя [78]).

Спеціально о *леттигаллахъ* Генрихъ разсказываетъ подъ девятымъ 117
годомъ правленія епископа Альберта, что они всегда платили дань русскимъ.
Именно въ хроникѣ сказано (XI, 7): Въ началѣ 1208 года [79]) священникъ 118
Алобрандъ, возвращаясь изъ Угаупіи, проповѣдовалъ леттигалламъ на р.
Имерѣ (Ymera, или теперь Sedde, которая впадаетъ въ озеро Буртнекъ съ
сѣверо-востока), причемъ вся земля ливовъ и нѣкоторые изъ леттигалловъ
(plures ex Letigallis) приняли слово Божіе — слѣдовательно отъ *нѣмецкихъ*

единственно вѣрнымъ переводомъ является «ближняя вода» или «прирѣчье» (Vierhuff указываетъ на образованную подобнымъ образомъ Месопотамію). Изъ документа № LXX (Bunge, Urkundenbuch, т. I) видно, что Толова распространялась *за правый* берегъ Аа до озера Буртнѣкъ (Astyerwe), такъ что она была дѣйствительно землею *около* (кругомъ) Аа за исключеніемъ, конечно, нижняго теченія рѣки, гдѣ мы кромѣ Аутины и области Вендена находимъ еще другія земли: по Биленштейну, «Fragmente aus der Ethnographie und Geographie Alt-Livlands» (Mitau, 1884) и «Grenzen» и т. д. (С. Петерб., 1892) — сперва Идумея (= лив. сѣверовосточная земля, приходъ Roop), къ югу и юговостоку Торейда, къ западу отъ нея Метзеполя между устьями рр. Аа и Салисъ; теперешніе приходы Папендорфъ и Венденъ имѣютъ еще чисто латышское [и вендское] населеніе, между тѣмъ какъ къ югу Сиггундъ и Ашераденъ слѣдуетъ разсматривать какъ поселеніе ливовъ на границѣ ихъ съ землею леттовъ. Равнымъ образомъ и теперешнее имѣнье Адзель съ развалинами замка находится какъ разъ на *правомъ* берегу Аа, отсюда возможна и его принадлежность къ землѣ Толова. (Adsele называется также Adze[l]le и однажды Agzele, въ «Joh. Renner, Livl. Historien» (издано R. Hausmann'омъ и K. Höhlbaum'омъ, Göttingen, 1876, стр. 82 и 83) въ составленной въ срединѣ XIV ст. позднѣйшей стихотворной хроникѣ Bartholomäus'a Hoeneken названо также Adselland. Въ связи съ разсматриваемымъ ниже извѣстіемъ отъ 1285 года, то обстоятельство, что названное въ документѣ «Agsele» (= Adsele) не упомянуто вовсе у Генриха, мнѣ кажется, именно подтверждаетъ его принадлежность, какъ части, къ землѣ Толова, подобно тому какъ Трикатуа была также ея частью. Мое мнѣніе, наконецъ, что Толова простиралась къ востоку до русскихъ владѣній, подтверждается уже самымъ фактомъ дани, который предполагаетъ ея смежность съ землями Пскова. О размѣрахъ земли Толова и еще нѣкоторыхъ мѣстностей въ ней говорю я также на стр. 127, прим. 189, и на стр. 142, прим. 101; сверхъ того въ Приложеніи, стр. 226 и слѣд.

78) Gals обозначаетъ по латышски: конецъ, окраина, послѣднее, но также и: страна; см. Dr. C. Chr. Ulmann, Lett. Wörterbuch (I часть, Рига, 1872). На этомъ основаніи, подъ летигаллами ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать однихъ только леттовъ по русской, эстонской или ливонской границѣ. Такъ Генрихъ, X, 3, свидѣтельствуетъ: «Reliqui.... Lyvones et *Lethos* [въ другихъ мѣстахъ всегда почти Lettos], *qui proprie dicuntur Lethigalli*, cum armis suis vocant.... *Lethi vel Letthigalli* adhuc pagani»... Въ такомъ же общемъ смыслѣ употребляется кромѣ обозначенія Lett[h]ia, встрѣчающагося у Генриха всего разъ (XXIX, 3), зато чаще въ документахъ, и обозначеніе Let[h]t[hi]gallia. Такимъ образомъ, летигаллы въ противоположность леттамъ можетъ быть болѣе точнымъ обозначеніемъ для жителей земли леттовъ = *Леттландіи*; ср. переводъ имени семигаллы = по латышски «нижняя земля» — Pabst, стр. 59, прим. 11. На этомъ объясненіи я и позволю себѣ остановиться. Биленштейнъ, превосходный знатокъ латышскаго языка, переводитъ, впрочемъ, (Fragmente, стр. 9) названіе Lettgalli, какъ «жители латышской окраины (Gals = окраина), земли къ сѣверу отъ Двины, обитатели которой вмѣстѣ съ семигаллами и зелонами составляли «все латышское племя».

79) Pabst, стр. 91, примѣчаніе на поляхъ.

119 миссіонеровъ также, какъ и ливы[80]). Хотя говорится, что ученіе Алобраида было принято ими съ радостью, однако же они бросали жребій, чтобы узнать, на что ихъ боги даютъ свое соизволеніе, на то ли, чтобы они приняли крещеніе отъ *русскихъ изъ Пскова вмѣстѣ съ другими летигаллами изъ Толовы*, или чтобы они крестились отъ латинянъ (an Ruthenorum de Plicecowe cum aliis Letigallis de Tholowa, an Latinorum debeant subire baptismum). Именно въ одно время съ послѣдними подошли русскіе, чтобы крестить *своихъ летигалловъ изъ Толовы, которые всегда были ихъ данниками* (Nam Rutheni eorum tempore venerant, baptizantes Lethigallos suos de Tholowa, sibi semper tributarios). Жребій рѣшилъ въ пользу латинянъ; и тогда съ соизволенія епископа и при содѣйствіи посвященнаго въ это время въ священники Генриха хрониста Алобраднъ крестилъ народъ. Генрихъ остался жить здѣсь, Алобрандъ же возвратился домой, послѣ того какъ совершилъ крещеніе въ краѣ (consumpto baptismo in finibus).

120 Но подъ этимъ «краемъ», только что пріобрѣтеннымъ для западной католической церкви — вопреки тому мѣсту хроники, гдѣ говорится: «postquam jam tota Livonia baptizata est et Lethigallia» и гдѣ слово «tota» относится именно только къ Ливоніи, — не надо подразумѣвать остальной части Толовы, жители которой были крещены греческой церковью; сейчасъ будетъ показано, что эти летты восточно-греческаго исповѣданія перешли только въ 1214 г. въ католичество. Изъ приведеннаго въ извлеченіи разсказа напротивъ слѣдуетъ, что

1) *только тѣ обитатели Толовы, которые платили дань русскимъ*, подчинились восточной церкви;

2) такъ какъ крещеніе принесено было къ этимъ леттамъ русскими изъ Пскова, то и дань, наложенная на этотъ край русскими — за исключеніемъ Аутине, насколько можно его причислять къ землѣ Толова, — пла-
121 тилась, очевидно, *княжеству псковскому*, чему мы найдемъ подтвержденіе въ послѣдующихъ извѣстіяхъ[81]);

3) относительно *леттовъ на р. Имерѣ* мы знаемъ, что они *не были данниками русскихъ*, и именно въ 1208 году подчинились римской церкви. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ признать, что они одновременно подчинились и нѣмецкому господству, потому что *такое подчиненіе обыкновенно предполагалось при принятіи крещенія* отъ нѣмецкихъ миссіонеровъ; отсюда понятно, почему латышскій священникъ Генрихъ могъ получить свой при-

---

80) Разумѣются не одни только летты изъ Идумеи (Генр. X, 15); также XI, 5—6 говорится объ обращенныхъ уже леттахъ; а не за долго передъ тѣмъ князь куконосскій Вячко принужденъ былъ уступить епископу половину своей (латышской же) области (XI, 2).

81) Однако нельзя установить съ достовѣрностью время, съ котораго этотъ край сталъ платить дань, и именно Пскову. Ср. относящіяся сюда указанія у Боннеля, Chronographie.

ходъ къ югу отъ Инеры, — по всей вѣроятности, въ Вольфартѣ[82]), — *въ ленъ* (in beneficio XI, 7) и на томъ же основаніи еще зимою 1213—1214 года посылать епископскому фогту Владиміру[83]) хлѣбъ и подарки 122
изъ своего прихода (XVII, 6).—Основываясь на буквальномъ смыслѣ приведеннаго отрывка, въ которомъ говорится объ «остальныхъ летигаллахъ въ Толовѣ», и по поводу русскихъ — объ «ихъ летигаллахъ въ Толовѣ» —, нельзя однако доказать, что ихъ мѣстность принадлежала къ землѣ Толова. По акту раздѣла 1224 г. послѣдняя простиралась во всякомъ случаѣ до озера Буртнекъ. Однако мы не знаемъ, обнимала ли она сѣверовосточный его берегъ и далеко ли вообще она тянулась къ сѣверозападу, потому что въ другихъ относящихся сюда мѣстахъ хроники, гдѣ упоминается Толова, *земля по р. Имеръ къ ней не причисляется*. Это привело Пабста (стр. 105, прим. 21) къ предположенію, что эта мѣстность могла принадлежать, какъ 123
часть, къ Толовѣ, но рано отъ нея отдѣлилась. Мы въ нашемъ изслѣдованіи будемъ понимать размѣры Толова въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, придерживаясь общепринятаго употребленія — по крайней мѣрѣ въ хроникѣ Генриха. Тогда рождается вопросъ: одновременно ли католицизмъ и нѣмецкое господство проникли въ тотъ край или часть того края, который съ достовѣрностью можетъ быть названъ землею Толова? Ибо должно остаться всетаки *не рѣшеннымъ*, какъ далеко къ западу простиралась миссіонерская дѣятельность русскихъ, и не распространялась ли самая дань на одну только восточную часть края.

Въ дальнѣйшемъ разсказѣ о событіяхъ намъ будутъ не разъ попадаться имена трехъ латышскихъ укрѣпленій: Sotekle, Autine и Beverin и старшинъ изъ этихъ укрѣпленій — Руссина, Варидота и Талибальда (seniores). Она вмѣстѣ съ провинціальнымъ магистромъ ордена въ Венденѣ, 124
Бертольдомъ[84]), въ томъ же самомъ году отправили сообща пословъ къ эстамъ въ Угаунію, чтобы договориться съ ними о нѣкоторыхъ спорныхъ вопросахъ; когда уже послѣ неудачи первоначальныхъ переговоровъ, вторичные тоже не привели ни къ какому соглашенію, Варидотъ вмѣстѣ съ другими старшинами леттовъ (cum aliis Lethtorum senioribus) явился въ Ригу, прося вооруженной помощи. Помощь была дана, и со всей Ливоніи и Летигаллія (de tota Livonia et Lethtigallia) созвано было сильное и большое войско (XII, 6). Отнынѣ стояли *нѣмцы и летты* противъ эстовъ, противъ жителей Эзеля, литовцевъ и русскихъ (изъ Полоцка, Герцике и Ку-

---

82) Пабстъ, стр. 229, прим. 8.

83) Володиміръ Мстиславовичъ, у Генриха Waldemarus, въ русскихъ источникахъ также Владиміръ, былъ братъ знаменитаго князя Мстислава Мстиславича Удалого.

84) Bunge, Orden der Schwertbrüder, стр. 37 и слѣд.

коноса) *въ тѣсномъ военномъ братствѣ*. Мы постараемся изслѣдовать, на-
125 сколько это послѣднее обусловливалось самой подчиненностью леттовъ.

Три укрѣпленія составляли, по Биленштейну, «топографически и политически одну группу»[85]). Относительно ихъ мѣстоположенія Пабстъ (стр. 105, прим. 21) замѣчаетъ: «*Аутине* не находилось въ Идумеѣ; XVI, 7; что она, подобно укрѣпленіямъ Зотекле и Беверинъ, принадлежала къ землѣ Толова, — это весьма мало вѣроятно, если сравнить XVI, 3, 6, 7 хроники Генриха и документъ № XXXVIII съ XVIII, 3 и документомъ № LXX». Этотъ доводъ однако не имѣетъ рѣшающей силы, если Аутине также, на основаніи документа № XV, только въ 1209 году перешло *отъ князя Герцике* во владѣніе епископа, между тѣмъ какъ (остальная) Толова
126 могла платить дань только Пскову[86]). На этомъ основаніи въ нашемъ обзорѣ церковныхъ и политическихъ событій края намъ придется не касаться области этого укрѣпленія, которое слѣдуетъ искать во всякомъ случаѣ не далеко отъ Вендена. — *Беверинъ* лежалъ, навѣрно, въ треугольникѣ между рр. Аа и Имерой и озеромъ Буртнекъ, можетъ быть, на восточномъ берегу озера Вайдау и дальше къ сѣверу[87]). Старшина этого укрѣпленія, Талибальдъ (XII, 6), разсматривается далѣе (XVIII, 3) какъ старшина изъ Толовы и въ XVII, 2 — именно изъ мѣстности Трикатуа[88]). Онъ имѣлъ,
127 насколько видно изъ источниковъ, трехъ или четырехъ сыновей, которые причислялись къ укрѣпленію Беверинъ XVIII, 5 и изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ имѣлъ свою осѣдлость близъ озера Буртнекъ[89]). Подъ

---

85) Bielenstein, Bericht über die Heidenburgen an der livl. Aa. Magazin der lett.-literärischen Gesellschaft, часть XV, выпускъ 2 (Митава, 1873 г.), стр. 26—53, особенно стр. 49.

86) Относительно мѣстонахожденія Autine и принадлежности ея къ Толовѣ, допускаемой Биленштейномъ, см. Приложеніе къ этому сочиненію: на стр. 243 и слѣдующихъ.

87) См. Приложеніе, стр. 243, а также хронику Генриха Л. XIV, 8 и Пабстъ, стр. 131, прим. 10.

88) Въ виду большихъ размѣровъ Толовы надо предположить, что Талибальдъ былъ старшиной надъ одной только Трикатуа, а не надо всей Толовой; слѣдовательно округъ Трикатуа могъ простираться къ западу за рѣку Аа (можетъ быть до озера Буртнекъ). Заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія и то еще, что въ главѣ XV, 7 два другіе латыша, Доте и Панке, названы старшинами изъ Беверина. — Кромѣ упомянутыхъ до сихъ поръ, въ хроникѣ Генриха упоминаются еще двое латышскихъ старшинъ, именно Мелуке и Варигрибле (XXIII, 5; послѣдній также XXV, 12); въ 1219 г. они принадлежали къ латышамъ, подчиненнымъ ордену (Letti fratrum milicie) подобно латышамъ Куконоса.

89) Талибальдъ † 1215 г.

Рамеке, или Рамеко. Варибуле. Дривинальде. Четвертый (?) сынъ † 1220 г.

Относительно предполагаемаго четвертаго сына, подъ которымъ, можетъ быть, разумѣется Варибуле, см. XXIII, 9. Дривинальдъ здѣсь названъ «de Astigerwe» (на озерѣ Буртнекъ). Если справедлива догадка Пабста (стр. 314, прим. 8), что прежній приходъ «zu Ramke» и помѣстье Рамкау въ округѣ Pebalg, получили названіе свое отъ Рамеке, то этимъ самымъ уже доказывалось бы мое предположеніе, само по себѣ вѣроятное и подробнѣе мотивируемое мною ниже (см. стр. 228 этого изслѣдованія); а именно, что Толова про-

[illegible]

[illegible]

которое должно было распространяться и на область другого латышскаго укрѣпленія — Зотекле, положеніе коего также не можетъ быть точно опредѣлено[92]). Съ этихъ поръ вся Толова является намъ подчиненною нѣмецкому господству. Правда, за два года до этого (1212) упоминается, что во время возстанія леттовъ съ береговъ Аа и леттовъ изъ Аутине, Руссинъ, старшина изъ Зотекле, былъ убитъ на стѣнахъ Sattesele[93]), но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ самъ принималъ тогда участіе въ возста-
132 ніи. Такъ, въ переговорахъ, начатыхъ имъ съ Бертольдомъ, онъ называетъ его своимъ «другомъ» (латышское draugs, у Генриха латинизированное draugus XVI, 4) — тамъ, гдѣ онъ напоминаетъ о прежнемъ мирѣ и дружбѣ (pacis familiaritatis pristine verba proponens); участіе же въ битвѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ смѣлому и предпріимчивому характеру героя.

То, что *одна только* область р. Имеры принадлежала впродолженіи шести предшествующихъ лѣтъ нѣмцамъ — безъ той даже части Толовы, которая идетъ отъ нея къ югу до Аутине, и безъ Венденскаго округа, — не должно насъ особенно удивлять, если припомнимъ, что территоріальная смежность все же существовала черезъ мѣстность Метзеполе, населенную ливами и лежащую къ западу отъ озера Буртнекъ, которая была уже под-
133 чинена нѣмцамъ. Она и составляла долгое время границу между рижскимъ и псковскимъ владычествомъ. Самый союзъ Риги съ Толовой, платившей дань русскимъ, не привелъ къ открытому разрыву обѣихъ сторонъ. Правда, расширеніе нѣмецкаго вліянія въ землѣ *эстовъ* возбуждало въ Новгородѣ и Псковѣ подозрѣнія: въ 1210 году русскіе осадили Оденпе, заставили заплатить себѣ сумму денегъ и начали крестить (XIV, 2). Но хронистъ рѣшительно утверждаетъ, что въ то время съ псковичами былъ миръ (qui tunc erant nobiscum pacem habentes), что даже въ этомъ году былъ сообща предпринятъ походъ до Вика (XIV, 10). Правда, черезъ два года обнаружилось неудовольствіе псковичей противъ князя Владиміра и онъ былъ изгнанъ за то, что онъ выдалъ свою дочь за брата рижскаго епископа [Теодериха] — (eo quod filiam suam fratri episcopi de Riga tradiderit uxorem
134 XV, 13); этотъ случай также показываетъ, что на ростъ нѣмецкой колоніи съ русской стороны смотрѣли неравнодушными глазами[94]). Какъ бы

---

92) См. Приложеніе, стр. 245 и слѣд.

93) По всей вѣроятности, Зегевольдъ. См. Биленштейнъ, «Bericht über die Heidenburgen»; также гр. Зиверсъ, «Beiträge» и Биленштейнъ, «Grenzen», стр. 51.

94) Боннель, Chronographie, стр. 57, находитъ понятнымъ, «что отказъ Владиміра [Володиміра] сражаться противъ нѣмцевъ былъ причиной его свержения. Относительно похода Мстислава Новгородскаго въ Эстляндію см. стр. 169 этого изслѣдованія. — О князѣ Владимірѣ было уже разсказано (стр. 80), что онъ послѣ своего изгнанія бѣжалъ, сперва къ князю Владиміру Полоцкому, а потомъ къ епископу Альберту; онъ встрѣтился намъ также въ свитѣ епископа въ время переговоровъ при Герцике. Изъ хроники Генриха мы узнаемъ,

то ни было, псковичи допустили даже подчиненіе совершившееся вскорѣ затѣмъ Толовы власти епископа Альберта и на первыхъ порахъ не вмѣшались въ это дѣло. Съ своей стороны и нѣмцы, очевидно, ничего не измѣняли въ отношеніяхъ Толовы къ русскимъ: дань продолжала уплачиваться и по прежнему въ годичный срокъ; это мы можемъ допустить тѣмъ легче, 135
что не за долго передъ тѣмъ (1212) такимъ же точно образомъ часть ливовъ, давно покорившихся Ригѣ, должны были платить дань полоцкому князю, на что, какъ мы видѣли, епископъ далъ свое согласіе въ договорѣ 1210 г.. Въ пользу такого взгляда говоритъ особенно то, что Рига, угрожаемая съ разныхъ сторонъ, не хотѣла раздражать псковичей; наконецъ, это же говоритъ и хроника, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Оказывается, что *именно эстляндскій вопросъ* послужилъ первымъ поводомъ къ столкновенію съ русскими. Когда жители Угауніи, подобно другимъ, перешли въ западную церковь и при этомъ дань, раньше платимая ими Пскову, не была подкрѣплена новымъ договоромъ, какъ это было въ Толовѣ, псковичи грозили нѣмцамъ, но послѣдніе объявили перешедшихъ *независимыми отъ русскихъ*; тогда осенью 1216 г. князь Владиміръ, снова признанный народомъ, поднялъ оружіе сперва противъ Угауніи. [5]) 136
Уже послѣ его отступленія туда было отправлено нѣмецкое войско и Оденпе было очень сильно укрѣплено эстами. Далѣе хронистъ разсказываетъ: Русскіе пришли, какъ обыкновенно, за данью къ леттамъ въ Толову; собравъ дань, они зажгли укрѣпленіе Беверинъ (Venerunt eciam Rutheni solito more 137
in terram Lettorum de Tolowa pro censu suo colligendo; quo collecto, castrum Beverin incenderunt — XX, 5). Сообщеніе это въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ то, что мы только что вывели, разсматривая общее положеніе дѣлъ: *вся Толова*, въ томъ числѣ и та область между р. Аа и озеромъ Буртнекъ, въ которой находился Беверинъ, *по обычаю* — какъ слѣдуетъ изъ связи текста [96]) — платила дань *именно псковичамъ*. Нѣмцы въ этомъ

что очень скоро послѣ этого онъ сдѣлался епископскимъ фогтомъ въ Аутине и потомъ въ Идумеѣ (XVI, 7 и XVII, 6), съ небольшимъ перерывомъ въ 1213 г., когда онъ уѣзжалъ въ Россію (abiit in Russiam) — XVII, 4; вышеуказанное положеніе онъ занималъ еще въ 1214 г. (XVIII, 2).

95) Съ этихъ поръ Владиміръ выступаетъ новымъ противникомъ лифляндской церкви, какъ выражается при этомъ Генрихъ (XX, 3 — novus adversarius Lyvonensis ecclesiae); такая перемѣна его политики была прежде всего уступкой, которую онъ дѣлалъ своимъ подданнымъ. Правда, за оказанное ему въ годы изгнанія гостепріимство онъ долженъ бы быть обязаннымъ епископу чувствомъ благодарности. Но начать войну ему было тѣмъ легче, что за два года передъ тѣмъ, когда онъ былъ епископскимъ фогтомъ въ «Идумеѣ и Летляндіи», по поводу его притѣсненій у него было враждебное столкновеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ, причемъ онъ угрожалъ местью священнику Алобранду (XVIII, 2), что онъ впослѣдствіи (1218) и исполнилъ (XXII, 4).

96) Ср. Пабстъ, стр. 221, прим. 9.

не видѣли *никакого вторженія*; за этимъ разсказомъ слѣдуетъ сообщеніе Генриха, что Бертольдъ, магистръ рыцарей въ Венденѣ, изъ того, что русскіе зажгли укрѣпленія леттовъ — слѣдовательно не одинъ только Беверинъ — понялъ, что собираются начать войну (Et vidit Bertoldus magister milicie de Wenden, quod ad bellum se praepararent, eo quod castra
138 Lettorum incenderent). Такъ открылась въ началѣ 1217 года война съ русскими; послѣ вторженія, сдѣланнаго нѣмцами (XX, 5), князь Владиміръ съ большимъ войскомъ изъ новгородцевъ и псковичей двинулся на Оденпе, гдѣ помогли ему прежде всего жители Эзеля и эсты — Гарріи и Сакалы. Послѣ того какъ укрѣпленіе сдалось русскимъ на капитуляцію (XX, 7), очень скоро присоединились къ союзу и остальные эсты, и русскіе вмѣстѣ съ эстами думали уже о томъ, чтобы соединенными силами совершенно уничтожить нѣмецкую колонію[97]).

Долгіе годы прошли въ упорной борьбѣ и въ очень запутанныхъ дипломатическихъ осложненіяхъ, пока, наконецъ, въ началѣ сентября[98]) 1224 г.
139 Дерптъ былъ взятъ штурмомъ, и сила эстонскаго народа сломлена. Кромѣ того, новгородцы съ сильнымъ войскомъ приходили въ Псковъ и намѣревались вмѣстѣ съ псковичами заставить нѣмцевъ снять осаду; но, узнавъ о взятіи укрѣпленія, вернулись назадъ въ жестокомъ горѣ и негодованіи (cum dolore vehementi et indignatione — XXVIII, 6). Побѣжденные должны были признать нѣмцевъ своими господами. Также и *русскіе изъ Новгорода и Пскова* — осенью того же года[99]) — послали въ Ригу *просить о мирѣ*. Рижане приняли ихъ, заключили съ ними миръ и возстановили за ними
140 опять дань, которую они всегда получали съ Толовы (Miserunt et Rutheni de Nogardia et Plececowe nuncios in Rigam, petentes ea, quae pacis sunt. Et receperunt eos Rigenses, facientes pacem cum eis, et tributum, quod semper habebant in Tholowa, eis restituentes — XXVIII, 9). Къ сожалѣнію, документъ этого важнаго договора не сохранился; русскіе источники ничего не говорятъ о немъ, такъ что приходится довольствоваться исключительно разсказомъ Генриха. Въ виду того, что ни однимъ словомъ не упоми-

---

97) R. Hausmann, Das Ringen der Deutschen und Dänen um den Besitz Estlands (Leipzig, 1870, стр. 8).

98) См. замѣчаніе на поляхъ у Пабста, стр. 333 и слѣд.; также Hausmann, стр. 61; по Боннелю, Chronographie, стр. 42, Дерптъ былъ взятъ еще въ августѣ.

99) Основываясь именно на томъ, что уже 16-го ноября 1224 г. папа приглашалъ христіанъ въ *Россіи* поддержать дарами епископовъ Лифляндіи, Сенолія и Леаля (Bunge, Urkundenbuch, т. I, № LXVI), слѣдуетъ предположить, что миръ былъ заключенъ уже *тогда*, а не *только* «зимою 1225 г.», какъ это готовъ думать Пабстъ, стр. 339, прим. 1. Точно также нельзя согласиться съ его соображеніемъ, будто русское посольство, прибывшее въ Ригу предыдущей зимою (1223—1224 г.), цѣль котораго, правда, не вполнѣ выясняется (XXVII, 6) — почему Боннель и считаетъ его (Chronogr., стр. 42) за посольство «изъ *Полоцка?*» — повело къ заключенію перемирія, такъ какъ война все еще продолжалась.

нается объ Угаунiи и остальной Эстляндiи, слѣдуетъ заключить, что русскiе отказались ото всего, чѣмъ они владѣли (хотя бы и временно) въ *эстонской* странѣ, и отъ всякой дани — *только старинная дачь съ Толовы осталась за псковичами*. Для насъ остается неизвѣстнымъ, платилась ли она ежегодно 141
или въ болѣе долгiе сроки, каковы были ея размѣры, состояла ли она въ деньгахъ или естественныхъ произведенiяхъ; можно бы принять, пожалуй, послѣднее, въ виду того, что рѣчь идетъ о возстановленiи дани очень старинной[100]). Нѣтъ также указанiй насчетъ того, какимъ способомъ должна была вноситься дань, — сами ли русскiе должны были получать ее отъ туземцевъ или ихъ начальниковъ, или же летты, епископъ или магистръ ордена должны были отсылать ее въ Псковъ. Ибо Толова еще въ 1224 г. или началѣ 1225-го была подѣлена между лифляндскими владѣтелями такъ, что *магистру* досталась область отъ озера Буртнекъ по обоимъ берегамъ Аа до Вика или дальше, за исключенiемъ 12-ти деревень вблизи озера Буртнѣкъ, кромѣ того Адзеле, исключая четыре деревни, которыя также 142
названы поименно; въ свою очередь *епископу рижскому* достались двѣ трети земли, а именно тѣ двѣнадцать деревень въ сѣверозападной части края, четыре деревни въ «Адзеле» и страна къ югу отъ средняго теченiя Аа и также къ востоку отъ праваго берега Аа до псковской границы[101]). Для занимающихъ насъ частныхъ вопросовъ имѣетъ значенiе то соглашенiе, 143
которое за четырнадцать лѣтъ до этого состоялось между епископомъ Альбертомъ и Владимiромъ полоцкимъ насчетъ двинскаго края: ливы должны

---

100) Ср. замѣчанiя на стр. 77, прим. 1 этого изслѣдованiя.

101) По поводу этого документа и его литературы см. стр. 115, примѣч. и стр. 127, прим. 1 этого изслѣдованiя. Генрихъ — XXVIII, 9—ограничивается простымъ указанiемъ на сравнительную величину епископской и орденской области (Lethos vero de Tolowa Rigensis episcopus cum fratribus suis militie dividebat, et duas partes accipiens episcopus, tertiam fratribus militie relinquebat). По барону Толлю и Шварцу, Briefladе, т. III, стр. 144, — раздѣлъ относится «къ началу январскаго 1225 года», такъ какъ разсказъ Генриха относится «къ концу 1224 мартовскаго года»; поэтому Bunge въ «Liv- est- und kurländische Urkunden-Regesten bis zum Jahre 1300» (Leipzig, 1881), стр. 19 — относитъ документъ къ началу 1225 г., между тѣмъ какъ въ т. VI, стр. 141 своего «Urkundenbuch» (1873) онъ помѣтилъ его iюлемъ 1224-го года. Но дата, установленная бар. Толлемъ и Шварцемъ, не представляется однако несомнѣнной. Слѣдуетъ поэтому предпочесть обозначенiе времени у М. Перлбаха («Mittheilungen»), т. XIII, стр. 5 и 13) — «с. 1224». — Г. Беркгольцъ въ томъ же томѣ «Mittheilungen», стр. 47, обращаетъ вниманiе на то, что изъ точнаго смысла документа не ясно, принадлежало ли Адзеле еще къ Толовѣ, или оно просто названо здѣсь рядомъ съ нею. Между тѣмъ выше, стр. 115, въ прим. 1, мы видѣли, что по разнымъ соображенiямъ Адзеле надо разсматривать лишь какъ часть земли Толова, такимъ образомъ, соображая сравнительную величину епископскаго и орденскаго участковъ, какъ опредѣляетъ ихъ Генрихъ, мы должны принять, что Толова простиралась къ югу весьма далеко, такъ что расположенiе ея по обоимъ берегамъ верхней Аа слѣдуетъ считать доказаннымъ. Изъ того же документа нельзя однако же вывести, простирались ли уже въ силу этого раздѣла земли епископа и ордена до самаго псковскаго княжества, какъ это впослѣдствiи дѣйствительно и было.

были *ежегодно* уплачивать епископу должную дань или онъ за нихъ. Слѣдовательно, *тогда* верховный владѣтель края бралъ на себя заботу о правильномъ, ежегодномъ взносѣ дани и такимъ образомъ прямо ручался за нее.

Я считалъ особенно необходимымъ войти въ подробное разсмотрѣніе вопроса, когда и при какихъ обстоятельствахъ утвердилось нѣмецкое владычество въ Толовѣ, потому, что этимъ путемъ объясняются многія особенности въ отношеніяхъ этого подвластнаго края къ сосѣднимъ русскимъ княжествамъ. Благодаря сравнительной содержательности нашего древнѣйшаго туземнаго источника, въ которомъ мы находили или указанія, или прямо разсказъ о событіяхъ, намъ удалось придти къ не маловажнымъ результатамъ. Прежде всего мы видимъ, что зависимость съ самаго начала была *очень слабая*. Нельзя указать ни русскихъ поселеній, ни укрѣпленій, которыя имѣли бы цѣлью обезпечить прочность дани, платимой Толовою. Между тѣмъ псковичи изъ одного соперничества съ западными пришельцами и изъ страха передъ ними, безъ особой настойчивости, взялись за миссіонерскую дѣятельность среди своихъ данниковъ леттовъ[102]). Что, проповѣдуя крещеніе, русскіе здѣсь такъ же, какъ въ 1210 г. въ Угауніи, имѣли въ виду однѣ *политическія* цѣли, на это находимъ совершенно ясное указаніе у Генриха, извѣстное сужденіе котораго (XXVIII, 4)[103]), хотя вообще говоря и не всегда безпристрастнаго къ русскимъ, согласуется въ данномъ случаѣ съ фактами. Также нигдѣ не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы псковичи когда нибудь защищали этотъ издавна подчиненный имъ край отъ многочисленныхъ притѣсненій и набѣговъ литовцевъ, эстовъ и ливовъ: они имѣли въ виду только дань. Въ виду этого дѣлается понятнымъ *добровольное* подчиненіе жителей Толовы нѣмцамъ въ 1214 г. и переходъ ихъ въ латинскую церковь: по совершенно опредѣленному свидѣтельству хрониста, они искали поддержки и защиты, которой могли ожидать только отъ рижскаго епископа[104]). И со стороны русскихъ не было

---

102) Боннель относитъ это (Chronographie, стр. 22) ко времени «между 1200 (1186?) и 1208 гг.; но такіе предѣлы слишкомъ широки. Въ хроникѣ говорится: «eorum [Latinorum] tempore». Во всякомъ случаѣ, когда Алобрандъ пришелъ на Имеру, летты Толовы были уже крещены псковичами.

103) ... mater Ruthenica sterilis semper et infecunda, que non spe regenerationis in fide Jesu Christi, sed spe tributorum et spoliarum terras sibi subjugare conatur.

104) Генрихъ XVIII, 3... eo quod pacis quam belli tempore semper tuerentur ab episcopo, et essent cum Theutonicis cor unum et anima una, et contra Estones et Letones eorum semper gauderent defensione. То же побужденіе приписывается въ 1208 г. леттамъ съ Имеры (XI, 7); оно же предполагается (что въ данномъ случаѣ особенно важно) и при заключеніи въ томъ же году союза латышскаго края съ Бартольдомъ Венденскимъ и Ригою (XII, 6).

Прим. Вслѣдствіе пропажи на почтѣ оригинала, на краяхъ этого листа страницъ его нельзя было обозначить.

[illegible] 1196 году, когда были заключены [illegible] мир, [illegible] земли [illegible] и [illegible] права на [illegible] земли [illegible] русские не забывали [illegible] и доказывали тем, что по [illegible] [illegible], прямой повод к которой подали русские, права на [illegible] 1224 года были утверждены за ними. — Остается [illegible] вопрос: дают ли последующие договоры за собой [illegible] права? Небезыбыл напомнить предыдущие [illegible], что состоит в разбросанности [illegible] и не может [illegible] [illegible] к [illegible].

[illegible] 1224 г. «прочного» мира не может быть [illegible], тем более что его [illegible], [illegible] Генрих III в бурей его 17 января 1227 года[106]; прямой этого мы знаем, что летом 1225 года из Риги послы от Новгорода и других русских городов просили [illegible] Вольдемара, [illegible] Мюнстера, о [illegible] мира, который они [illegible] (further Novgrodenses et alii de civitatibus illis ... miserunt [ad legatum] nuncios suos, petentes ab eo pacis jura [illegible] a Theutonicis facta confirmationem). Кроме [illegible] [illegible] [illegible]

партіи ушли во Псковъ и, когда онъ хотѣлъ пріѣхать туда же, псковичи его не пустили. Тогда подъ предлогомъ войны противъ нѣмцевъ онъ привелъ изъ Переяславля свою дружину. «То же слышавъше Пльсковици яко приведе Ярославъ полки, убоявшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, а рекуче: то вы, а то Новгородцы, а намъ ненадобѣ; пъ оже поидутъ на насъ то вы намъ помозите. и они рекоша: тако буди, и пояше у нихъ 40 мужъ в талбу»[108]). Съ другой стороны и новгородцы отказались воевать безъ псковичей, и такимъ образомъ война не состоялась. Только что приведенное мѣсто: «взяша миръ съ Рижаны» въ связи съ ходомъ обстоятельствъ, только что изложенныхъ, можно пожалуй отнести къ оборонительному союзу, заключенному раньше съ лифляндцами[109]).

Связь этихъ фактовъ имѣетъ историческую важность. Послѣ многихъ столкновеній и упорной борьбы въ 1268 году была опять война между нѣмцами и русскими. «Wol ûf drizec tûsent man»[110]) — при чемъ и князь Довмонтъ изъ Пскова былъ вмѣстѣ съ новгородцами — вторглись въ датскую Эстляндію, гдѣ произошли кровавыя битвы. Но уже въ іюнѣ магистръ ордена Отто фонъ Лютербергъ писалъ городу Любеку, что онъ опустошилъ до тла городъ Псковъ, но что, въ то время какъ онъ готовился взять укрѣпленіе, пришли послы изъ Новгорода и просили о мирѣ; онъ по совѣту опытныхъ мужей заключилъ съ ними миръ — такъ, какъ было *во времена магистра Волкуина и епископа Альберта* (cum quibus pacem, quae temporibus magistri Volquini et episcopi Alberti fuit, consilio fecimus peritorum). Впрочемъ пока былъ заключенъ лишь предварительный договоръ. Утвержденіе же мира (pacis confirmatio, pacis reformatio; quousque pax firmetur) — говорится далѣе — послѣдуетъ тогда, когда будутъ возобновлены и точнѣе опредѣлены столько разъ нарушенныя права нѣмецкихъ купцовъ и т. д.[111]). Въ орденской грамотѣ магистра договоръ о мирѣ отдѣ-

---

шомъ въ третій разъ сдѣлался новгородскимъ княземъ, какъ видно изъ данныхъ, приведенныхъ на стр. 48 Chronographie. О тогдашнемъ состояніи Новгорода и Пскова, а также о зависимости послѣдняго, см. соотвѣтствующія мѣста у Соловьева и Бестужева-Рюмина.

108) Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 322, прим. 36; ср. также Соловьевъ, ч. II, стр. 365 и слѣд. и Bonnell, Chronographie, стр. 49.

109) Бестужевъ-Рюминъ, ч. I, стр. 365.

110) [Древнѣйшая] лифляндская риѳмованная хроника (изд. Leo Meyer'омъ, Paderborn 1876), стихъ 7573.

111) Бунге, Urkundenbuch. т. I, № CDX; въ существенныхъ чертахъ то же самое содержитъ грамата рижскаго совѣта къ Любеку, помѣщенная подъ № CDXI. Указанія на другіе источники см. у Боннеля (Chronographie, стр. 79), также ссылки его на Комментарій. Переговоры тянулись долго; окончательное соглашеніе состоялось только въ началѣ 1270 г. — K. E. Napiersky, Russisch-livl. Urkunden (St. Petersburg, 1868) S. 15 — считаетъ, что первая изъ упомянутыхъ грамотъ относится «вѣроятно, къ 1269 г.», вторая же «навѣрно къ 1269 г.». Бунге въ своей новой обработкѣ регестъ (1881 г., см. приведенную тамъ цитату) помѣчаетъ обѣ грамоты «іюнь(?) 1268».

ляется отъ послѣдовавшаго упорядоченія торговыхъ отношеній; по поводу послѣднихъ дѣлается ссылка на мирный договоръ 1224 года; тогда тоже послы отъ Новгорода и Пскова сообща договаривались съ нѣмцами; не говорится однакоже ничего и о томъ, что послѣ приготовленій къ походу въ 1228 г. — еще при жизни епископа Альберта — состоялось *форменное* заключеніе мира съ новгородцами. Основатель лифляндскаго государства скончался, какъ извѣстно, 17-го января 1227 года; магистръ же ордена Волквинъ погибъ семь съ половиной лѣтъ спустя во время большого пораженія отъ литовцевъ на Зоулѣ. Итакъ въ 1268 г. толовская дань снова была подтверждена за псковичами[113]).

Еще въ 1225 году дань была получена. Въ первой псковской лѣтописи читаемъ: «Въ лѣто 6792. Бысть знаменіе въ лунѣ, декабря 24, въ день недѣльный; по двою недѣлю, генваря, погибохомъ, въ 12, избиша Нѣмцы Псковичь на дани, у Алысту, 40 мужь. Якоже древніи Хронографи глаголютъ, яко знаменіе нѣсть на добро, но на зло присно является»[114]). Во второй псковской лѣтописи редакція короче: «Въ лѣто 6792, генваря 2, избиша Нѣмцы Псковскихъ данщиковъ, 40 мужь, у Волысту»[115]). Эти данныя источниковъ дополняются двумя сохранившимися въ любекскомъ архивѣ росписями товаровъ, которые въ 1288—1311 годахъ силой были отняты русскими у нѣмецкихъ купцовъ во время ихъ поѣздокъ между Новгородомъ и Псковомъ; росписи эти «никѣмъ не засвидѣтельствованы и безъ обозначенія мѣста, года и дня»[116]). Въ интересующемъ насъ мѣстѣ обѣ онѣ въ существенныхъ чертахъ совпадаютъ. Въ первой говорится: «Въ 1288 г. отъ Р. Х. было отнято у нѣмецкихъ купцовъ около 20,000 мелкихъ мѣховыхъ шкурокъ, и то сдѣлали *Псковичи*, и въ присутствіи дерптскаго (coram Domino Tarbatensi), братьевъ и пословъ изъ Новгорода, также въ присутствіи многихъ другихъ уважаемыхъ мужей они сознались, что они это сдѣлали *въ отмщеніе за убитыхъ*, которыхъ братъ *Отто Пашедахъ* вмѣстѣ съ людьми изъ Розитты умертвилъ *въ землѣ Адзеле* (pescowenses fatebantur..., se fecisse ad vindictam occisorum, quos frater Otto Pāschedach cum illis de Rositen occiderant[!] in terra adzelle); при этомъ эти купцы потеряли шесть-

---

112) 22 сентября 1236 г.; см. бар. Толль и Шварцъ, Briefladе, т. III, стр. 146 и 12.

113) Съ этой точки зрѣнія получаютъ особенный смысль 7759—60 *стихи риѳмованной хроники*:

und machte [der meister] einen vride gût.
des *vreute* sich der Rûzen mût.

114) Псковская первая лѣтопись въ Полномъ собраніи русскихъ лѣтописей, т. IV, (С.П.Б. 1848 г.), стр. 183.

115) Пск. вторая лѣтопись въ П. С. Р. Л., томъ V (1851), стр. 10.

116) G. F. Sartorius Freyherrn v. Waltershausen urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hanse. Zwei Bände. Hamburg 1830 — Bd. II, S. 156 f. — Росписи недавно напечатаны у Bunge, Urkundenbuch, Bd. VI, № MMDCCLXX.

десять марокъ». Вторая роспись представляетъ варіанты; кромѣ не важныхъ въ смыслѣ содержанія — еще слѣдующіе: обозначенъ «1298» годъ вмѣсто 1288-го, имя рыцаря пишется «phacedhach», кромѣ того замѣчено, что убытокъ нѣмцевъ равнялся «сорока маркамъ серебра». Боннель[117]) на основаніи матеріала, которымъ я не располагалъ, признаетъ какъ 1288 г. такъ и имя Пашедахъ «вѣрными»; по поводу же умерщвленія сорока псковичей онъ думаетъ, что оно произошло не 2-го, а 12-го января 1285 г., «потому что 24-го декабря 1284 года дѣйствительно было лунное затмѣніе». Съ другой стороны слѣдуетъ ему возразить, что мѣсто Alyst или Wolyst уже по смыслу обѣихъ росписей слѣдуетъ искать въ округѣ Адзеле и потому не отождествлять его съ теперешнимъ имѣніемъ Hallist — въ старинной эстонской мѣстности Сакала[118]); это соображеніе насчетъ мѣстонахожденія Alyst'ы или Wolyst'ы подтверждается также фактомъ толовской дани и участіемъ рыцаря Отто Пашедаха «вмѣстѣ съ людьми изъ *Розитты*», укрѣпленія, построеннаго для защиты восточной границы; сверхъ того и самъ Боннель въ своихъ «Nachträge», стр. 240, указалъ на то, что *подъ Alyst'-ой слѣдуетъ разумѣть позднѣйшій Маріенбургъ*: слѣдовательно Алиста относилась къ округу Адзеле[119]). — Наконецъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе фактъ, что псковичи, отправившись за данью, были убиты орденскими братьями. *Нѣтъ никакихъ доказательствъ* того, что право на дань было раньше утрачено русскими, притомъ послѣдній мирный договоръ не былъ нарушенъ новыми войнами, да и, кромѣ того, такое предположеніе противорѣчило бы разсказу обѣихъ псковскихъ лѣтописей. Было ли это убіеніе сорока псковичей ничѣмъ инымъ, какъ простымъ актомъ насилія или оно имѣло до нѣкоторой степени характеръ законности и основывалось хоть отчасти на правѣ? Далѣе мы наталкиваемся на вопросъ, уже затронутый раньше: имѣли ли вообще псковичи право сами собирать дань съ жителей? Или не случилось ли такъ, что дань, которую имъ, можетъ

---

117) Chronographie, S. 87, Commentar, S. 124.

118) Aliste — по Pabst'у, стр. 157, примѣч. 29 — «der Unteren (Land) Niederland» — считалась во время Генриха Летляндскаго (южнымъ) отдѣломъ этого края: «Letti . . . transeuntes per nemora in Saccalanensem provinciam, que Aliste vocatur...» (XV, 7).

119) Подробности см. на стр. 232 Приложенія къ настоящему изслѣдованію. — Боннель высказываетъ еще (Nachträge, стр. 240) также предположеніе: «Vielleicht erhoben die 40 Pskower Tribut in demjenigen Theile Lettglliens, der einst von Jaroslaw Wladimirowitsch (aber nicht mit Einwilligung aller Pskower) an die Deutschen abgetreten war». Но не говоря уже о томъ, что такое толкованіе мало подкрѣпляется источниками (Chronographie, стр. 64) и представляется крайне сомнительнымъ изъ общей связи всѣхъ обстоятельствъ (въ документахъ вообще Летигаллія не упоминается), оно не мѣняетъ того факта, что по не разъ упомянутому акту раздѣла 1224 г. въ то время (и раньше) *Адзеле* уже не принадлежало болѣе псковичамъ, и что въ добавокъ тогдашнія условія мира были снова подтверждены въ 1268 году, между тѣмъ, какъ Ярослава Владиміровича уже «въ 1249 году не было въ живыхъ» — (Commentar, стр. 85).

быть, доставляли обыкновенно сами летты, не была на этотъ разъ своевременно уплачена, и они отправились сами въ чужую страну, чтобы вымогать ее? Если же они имѣли право собирать дань сами, то не допустили ли они при сборѣ ея какого произвола? Съ другой стороны, было уже указано на возможность существованія извѣстныхъ гарантій со стороны верховныхъ господъ Толовы — ихъ ручательствъ въ уплатѣ дани псковичамъ, какъ это было сдѣлано относительно полоцкаго князя на короткое время въ 1210 году. Можетъ быть, псковичи, явившись въ страну, вмѣсто того чтобы получить дань изъ рукъ нѣмцевъ, стали вымогать ее у жителей? Самое число убитыхъ значительно и заставляетъ думать о *вымогательствахъ и насиліяхъ*, такъ какъ легко предположить, что столько же или еще больше псковскихъ людей ушло отъ преслѣдованія нѣмцевъ. Во всякомъ случаѣ весьма значительную долю законности должны мы, повидимому, признать за кровавымъ дѣломъ рыцарей. По крайней мѣрѣ мы ничего не узнаемъ о томъ, чтобы псковичи потомъ добились или хотя добивались какого нибудь удовлетворенія за это дѣло. Если вѣрить имѣющимся свѣдѣніямъ, отношенія обладателей Толовы къ русскимъ оставались мирными. Даже ни о какихъ переговорахъ по поводу случившагося не говорится вовсе. Если же впослѣдствіи, когда цѣлыхъ три года спустя нѣмецкіе купцы были ограблены русскими, эти послѣдніе выставляли это какъ месть за причиненную имъ неправду, то въ этомъ можно видѣть простой предлогъ съ цѣлью оправдать то, что случалось и безъ того часто. Мы имѣемъ впрочемъ изъ этого времени грамоту дерптскаго епископа Бернгарда II и его капитула къ совѣту города Любека по поводу наслѣдства послѣ епископа Фридриха ф. Haseldorpe, предмѣстника Бернарда, въ которой говорится про дерптскую церковь, что она отовсюду подвержена нападеніямъ какъ язычниковъ, такъ и русскихъ (... eidem ecclesiae nostrae, quae multis undique tam paganorum quam Ruthenorum propulsatur insultibus); трудно установить дату этой грамоты: самое позднее ее можно отнести къ *1285 и 1290 гг.*[120]). Но грамота высказываетъ эту жалобу *лишь мимоходомъ* и *въ самой общей формѣ*, такъ что опредѣленнаго указанія на какія нибудь *извѣстные факты* здѣсь нѣтъ. Притомъ здѣсь говорится о враждебности русскихъ *къ епископству дерптскому только* и нѣтъ надобности относить это также къ архіепископу и магистру ордена, которые владѣли каждый отдѣльной частью платившаго дань края; наконецъ, хотя и вѣроятно, но не несомнѣнно, что подъ русскими здѣсь разумѣлись именно псковичи.

---

120) Bunge, Urkundenbuch, Bd. I, № DIII. Относительно времени составленія грамоты см. Baron Toll und Schwarz, Brieflade, Th. III, S. 341 f. Въ своей новой обработкѣ регестъ, Бунге относитъ этотъ документъ (стр. 98) ко времени «около 1290 года».

Здѣсь приходится уже прекратить наше изслѣдованіе единственно потому, что изъ болѣе поздняго времени мнѣ не удалось найти никакого матеріала. Изъ этого одного невозможно, разумѣется, заключить еще о томъ, что послѣ 1285 г. русскіе не получали больше дани съ Толовы; нельзя сдѣлать этого вывода и изъ общаго положенія дѣлъ въ краѣ. Было показано напротивъ, что въ 1285 году дань существовала. Но когда она перестала существовать, и не пришло ли это важное для псковичей право само собой въ забвеніе, потому что оно не всегда, можетъ быть, осуществлялось, — этого разрѣшить я не въ состояніи. Однако-же вопросъ заслуживаетъ болѣе серьезнаго вниманія, чѣмъ то, которое ему до сихъ поръ удѣлялось. Я уже кончаю на этомъ, не вдаваясь въ область гаданій, неустойчивость которыхъ обнаружилась бы, можетъ быть, очень скоро. Оставляя въ сторонѣ то, что удалось сказать въ этомъ изслѣдованіи объ отношеніи русскихъ и нѣмцевъ къ землѣ Толова, до мира 1224 г., я принужденъ въ отношеніи дальнѣйшей ея судьбы *пока* отказаться отъ рѣшенія интересныхъ вопросовъ и быть довольнымъ, если мнѣ удалось *дать толчекъ* къ ихъ удовлетворительному разрѣшенію.

III.

Русско-эстонскія отношенія въ XIII столѣтіи до завоеванія Дерпта нѣмцами.

Въ то время когда нѣмцы впервые приходятъ въ соприкосновеніе съ эстами, *т. е.* въ первое десятилѣтіе XIII вѣка, они застаютъ этихъ послѣднихъ *независимымъ* отъ русскихъ народомъ.

Однако, оставляя здѣсь въ сторонѣ болѣе раннія отношенія между русскими и эстами, столь мало для насъ ясныя, мы должны припомнить, что великій князь Ярославъ «въ 1030 г. или немногимъ раньше побѣдоносно воевалъ съ одной частью эстовъ, именно племенемъ унгаунцевъ [должно быть: угаунцевъ], которые жили къ югу отъ Эмбаха между Пейпусомъ и Вирцъервомъ; такъ что могъ заложить въ ихъ странѣ укрѣпленіе и пытался обезпечить тамъ продолжительность своего господства»[121]). Это господство, опорнымъ пунктомъ котораго долженъ былъ сдѣлаться построенный въ то время Юрьевъ[122]) (по правописанію древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей собственно «Гургевъ»), продолжалось на первыхъ порахъ втеченіе одного поколѣнія и впослѣдствіи возобновлялось только время отъ времени съ большими промежутками. Что касается именно Дерпта, то весною 1061 года онъ былъ сожженъ эстами, и можно съ точностью указать, что только семьдесятъ три года спустя былъ снова завоеванъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ новгородскимъ — 9-го февраля 1134 года[123]). Какъ долго послѣ 1134 года находился онъ подъ русской властью, опре-

121) Bonnell, Chronogr. Commentar, S. 21.

122) E. Seraphim, Geschichte Liv-, Est- und Kurlands, Bd. I, S. 16 (Reval, 1895) — полагаетъ, что Юрьевъ, «можетъ быть» стоялъ только на мѣстѣ теперешняго Дерпта. Но пока не опровергнута локальная тождественность Юрьева и Дерпта, слѣдуетъ признавать ее, потому что Дерптъ какъ до тѣхъ и послѣ 1224 года постоянно обозначается въ русскихъ источникахъ какъ Юрьевъ,—названіе, сохранившееся и въ устахъ русскаго народа вплоть до состоявшагося недавно переименованія (см. мои замѣчанія въ «Sitzungsberichte», и т. д. за 1887 г., стр. 24 и слѣд.). Дерптъ, какъ извѣстно, есть собственно *эстонское* названіе (см H. Neus, Erklärung des Stadtnamens Dorpat въ журналѣ «Inland» 1852, №№ 48—51, и L. Meyer, Zu den Versuchen einer Erklärung des Namens Dorpat, въ «Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1898», S. 1—27), которое нѣмцы, а, можетъ быть, и в. кн. Ярославъ уже застали на мѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ, Ярославъ только укрѣпилъ заново уже имѣвшееся эстонское поселеніе и назвалъ его именемъ прилагательнымъ, образованнымъ отъ его христіанскаго имени Юрій.

123) Не сообщается о томъ, что Всеволодъ и его братья, которые въ 1130 г. опять вынудили дань у эстовъ, овладѣли Дерптомъ. Годъ спустя эсты возстали противъ Всеволода и 23 января 1132 г. нанесли ему пораженіе при Вайгѣ.

товъ въ эстонскій край, а также и эстовъ въ латышскую землю; потомъ было заключено сначала перемиріе на годъ, а зимою 1209—1210 г. — миръ, въ которомъ однако орденъ и латышскій старшина Руссинъ изъ Зотекле не приняли участія (XII, 6 и XIII, 5). Слѣдующимъ лѣтомъ (1210 г.), слѣдовательно всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ князья новгородскій и псковской взяли дань съ Угаунія, провинціальный магистръ Бертольдъ изъ Вендена вмѣстѣ съ латышами отправились снова опустошать Угаунію; такой же набѣгъ сдѣлалъ онъ еще разъ, послѣ того какъ куроны отступили отъ Риги, (стр. 72) подкрѣпленный на этотъ разъ не латышами, а ливами и людьми епископа Альберта; участіе послѣднихъ объясняется тѣмъ, что эсты, какъ предполагалось, были заодно съ куронами. Въ этомъ второмъ походѣ союзникамъ удалось овладѣть Оденпе, гдѣ они, говоритъ хронистъ, нашли не много людей (paucos in castro reperiunt); укрѣпленіе было разграблено и сожжено, и съ богатой добычей войско вернулось домой. Послѣдовала неудачная осада Вендена «эстами»[128]) и во время преслѣдованія послѣднихъ нѣмцы потерпѣли пораженіе при Седдѣ, о чемъ было уже сказано.

Таковы были первыя враждебныя столкновенія между нѣмцами и эстами. Очень скоро возобновились они въ болѣе широкихъ размѣрахъ, при чемъ однако *нѣмцы и русскіе* оставались пока въ мирныхъ отношеніяхъ, какъ это опредѣленно свидѣтельствуетъ хронистъ; оттого псковичи зимой 1210—1211 года по приглашенію нѣмцевъ принимаютъ участіе въ набѣгѣ на Викъ (стр. 133). Бросается въ глаза въ особенности то, что русскіе не протестуютъ противъ разграбленія и сожженія нѣмцами эстонскаго укрѣпленія Оденпе: болѣе полнымъ владычествомъ надъ Угауніей они и теперь не пользовались; напротивъ, довольствовались данью, которую взяли въ первой половинѣ 1210 г. и не препятствовали другимъ опустошать Угаунію. Только впослѣдствіи обнаружился конфликтъ между русскими притязаніями въ этомъ краѣ и завоевательной политикой нѣмцевъ.

Не раньше, чѣмъ въ мартѣ[129]) 1211 г., послѣ пятидневной осады, нѣмцы взяли Феллинъ (Vilienda) въ мѣстности Сакала, и здѣсь въ первый разъ крестили туземцевъ (XV, 1). Но жители Сакалы очень скоро отпали отъ христіанства, и борьба все шире захватывала эстонскія племена. Впрочемъ лѣтомъ 1211 года[130]) аббатъ Теодорихъ изъ Динамюнде былъ посвященъ въ епископы всей Эстляндіи. Въ одномъ изъ своихъ походовъ, въ концѣ того же года, нѣмцы коснулись между прочимъ Дерпта: они нашли укрѣ-

---

128) Прежде всего, навѣрно, угаунцами, но также и жителями другихъ эстонскихъ мѣстностей, какъ можно, пожалуй, заключить изъ хода войны.

129) Pabst, S. 138, на поляхъ.

130) Baron Toll und Schwartz, Briefladе, Th. III, S. 214.

пленіе оставленнымъ, такъ какъ оно было раньше сожжено латышами (castrum Tharbetense desertum, a Lettis eciam quondam incensum). Въ 1212 г.[131]) послѣдовало новое вторженіе въ Угаунію, которое распространилось оттуда въ Вайгу (Waiga)[132]) и на сѣверозападныя мѣстности Jerwen, Mocha и Normegunda (XV, 7). Въ прямой связи съ этимъ находимъ у Генриха разсказъ (XV, 8): «Когда великій король Мстиславъ новгородскій услыхалъ о походѣ нѣмцевъ въ Эстляндію, поднялся и онъ съ пятнадцатью тысячами войска, двинулся на *Вайгу* и отъ Вайги на *Іервенъ*; когда же онъ не нашелъ [тамъ] нѣмцевъ, пошелъ онъ въ *Гаррію*, осадилъ укрѣпленіе *Варболу*[133]) и бился съ ними [осажденными] нѣсколько дней. И осажденные въ укрѣпленіи обѣщали ему семьсотъ марокъ ногатъ, для того чтобы онъ отступилъ, и онъ возвратился въ свою землю»[134]). Русскіе источники также упоминаютъ объ этомъ походѣ — хотя короче, но сообщая кой-какія подробности, которыя могутъ намъ служить дополненіемъ. Такъ мы узнаемъ, что изъ Новгорода выступили въ походъ «въ январѣ мѣсяцѣ или пятаго февраля 1212 г., причемъ князя Мстислава сопровождали братъ его, князь Давидъ изъ Торопца и князь псковской Всеволодъ Борисовичъ[135]). Сообщается, что въ то время какъ русскіе находились въ Эстляндіи, старшина земли Сакалы Лембитъ напалъ на Псковъ и разграбилъ его[136]).

По разсказу Генриха Летляндскаго выходитъ слѣдовательно, что появленіе русскихъ князей въ Эстляндіи было вызвано воинственнымъ образомъ дѣйствій нѣмцевъ въ этой странѣ, и что Мстиславъ оттого, что не нашелъ уже послѣднихъ въ Вайгѣ и Ервенѣ, двинулся тогда и на Варболу и взялъ дань, которая, надо полагать, была взята здѣсь русскими въ первый разъ[137]). Въ это же время летты и ливы заключили въ первый разъ

---

131) Bar. Toll und Schwartz, Brieflade, тамъ же.

132) Bertram, Wagien. Waiga — на древне-русскомъ Клинъ (отъ эстонскихъ словъ «waija» или «wagja» = клинъ).

133) Warbola — на древнерусскомъ Воробьинъ или Воробьевъ носъ (отъ эстонскаго «warblene» = воробей). О мѣстонахожденіи Варболе см. Paul Jordan, Beiträge zur Geographie und Statistik des Gouvernements Estland (Reval, 1889), особенно стр. 83 «Ueber die Bauerburgen».

134) Audiens itaque rex magnus Nogardie Mysteslawe exercitum Theutonicorum in Ecstonia, surrexit et ipse cum quindecim milibus virorum et abiit in Waygam, et de Wayga processit in Gerwam, et non inventis Theuthonicis, progressus est in Harien, et obsedit castrum Warbole, et pugnavit cum eis per dies aliquot, et promiserunt ei castrenses ut recederet septingentas mareas nogatarum, et reversus est in terram suam.

135) Первая новгородская, троицкая, воскресенская и первая псковская лѣтописи подъ 6722 г.. переяславско-суздальская лѣтопись подъ 6721 (изданіе князя Оболенскаго, Москва, 1851). Bonnell, Chronogr., Comment. S. 56, Nachträge, S. 236. Какъ разъ передъ этимъ Владиміръ былъ изгнанъ изъ Пскова.

136) Генрихъ XV, 10. Bonnell l. c. По первой новгородской и первой псковской лѣтописямъ это были литовцы. Возможно, что эсты изъ Сакалы и литовцы дѣйствовали вмѣстѣ.

137) Ср. Pabst, S. 160, Anmerk. 5.

миръ съ «эстами» (XV, 11); нѣсколько недѣль спустя — «вѣроятно, въ апрѣлѣ» 1212 года (Bonnell, Chronogr. S. 28) — былъ заключенъ также миръ между нѣмцами и эстами, въ Торейдѣ, на три года, по которому нѣмцамъ доставалась Сакала до Палы, причемъ обитатели этой территоріи *должны были снова* принять христіанство (XVI, 1).—Враждебнаго столкновенія сильнаго войска Мстислава новгородскаго съ нѣмцами не произошло, повидимому, благодаря только случаю, и такимъ образомъ отношенія между русскими и нѣмцами оставались пока, по крайней мѣрѣ по виду, мирными, тѣмъ болѣе что втеченіе четырехъ слѣдующихъ лѣтъ русскіе держались вдалекѣ отъ Эстляндіи. Боннель впрочемъ думаетъ (Chronogr. S. 30), что литовскій князь Даугерутъ, тесть князя Всеволода изъ Герцике, весной 1213 г. «заключилъ союзъ противъ нѣмцевъ» съ великимъ княземъ Мстиславомъ новгородскимъ. Но догадка Боннеля идетъ слишкомъ далеко. Генрихъ Л. (XVII, 3) говоритъ только о «*pacis* cum eo [т. е. Мстиславомъ] federa», т. е. вообще о «мирномъ договорѣ», не относя его именно къ нѣмцамъ. Если же, съ другой стороны, князь Даугерутъ на обратномъ пути изъ Новгорода былъ захваченъ рыцарями ордена и уведенъ плѣнникомъ въ Венденъ, гдѣ и лишилъ себя жизни, то причину этого надо искать прежде всего въ набѣгѣ, который только что сдѣлали литовцы на землю леттовъ (XVII, 2). Если же предполагаемый Боннелемъ «союзъ противъ нѣмцевъ» дѣйствительно состоялся, то во всякомъ случаѣ онъ не оказалъ никакого вліянія на политику Новгорода.

Враждебныя дѣйствія нѣмцевъ противъ *эстовъ* снова открылись въ 1215 г. и продолжались настолько энергично, что во второй половинѣ того же года мѣстности Угаунія и Сакала были совершенно покорены и какъ здѣсь, такъ и въ области по берегамъ Вика совершено было крещеніе (XVIII, 5 до XIX, 8); во второй половинѣ августа кромѣ того нѣмцы прошли побѣдоносно черезъ всю Гаррію до мѣстности Ревеле (XX, 2). Теперь только поднимаются русскіе съ цѣлью помѣшать разростанію нѣмецкаго владычества.

Въ связи съ походомъ на Гаррію Генрихъ сообщаетъ намъ (XX, 3): «Русскіе изъ Пскова были недовольны угаунцами за то, что они *приняли* крещеніе отъ латинянъ, а ихъ крещеніе презрѣли, и, угрожая имъ войною, требовали у нихъ денегъ и дани[138]). Тогда угаунцы просили совѣта у лифляндскаго епископа и у орденскихъ братьевъ и требовали кромѣ того помощи. Въ помощи они [т. е. епископъ и орденъ] имъ не отказали и, обѣщая имъ съ ними вмѣстѣ жить и умереть, завѣряли ихъ, что они сво-

138) .... censum ac tributum ab eis exegerunt. «Это одно и то же» (Pabst, S. 219, Anm. 4).

никовъ; но когда пришли послы отъ короля новгородскаго [вѣроятно, хлопотать объ ихъ освобожденіи], магистръ освободилъ ихъ и отпустилъ съ честью въ Россію (quos tamen, venientibus nunciis regis Nogardie, solvit et honorifice remisit in Russiam). Такая готовность объясняется повелѣніемъ верховныхъ владѣтелей страны, которые, хотя и были готовы къ войнѣ съ русскими, хотѣли однако по возможности избѣжать ея. Если это было такъ (а наша догадка получаетъ особенное вѣроятіе, если сравнимъ воинственную предпріимчивость, только что выказанную Бертольдомъ), то, конечно, по своей уже волѣ нѣмецкое войско, бывшее въ Оденпе, и тамошніе эсты предприняли 6-го января 1217 г. опустошительный набѣгъ на русскія владѣнія, который былъ успѣшенъ[141]). Съ другой стороны, наступившимъ въ это время перемиріемъ нѣмцы воспользовались для того, чтобы сейчасъ же (еще въ январѣ 1217 г.) завладѣть мѣстностью Іервенъ.

Насколько давали намъ матеріалъ источники, мы изслѣдовали съ особенной подробностью отношенія русскихъ къ эстамъ и нѣмцевъ къ тѣмъ и другимъ, потому что затронутые вопросы представляютъ принципіальный интересъ. Подробности послѣдовавшей большой, почти восьмилѣтней войны, которую нѣмцы вели съ русскими за обладаніе Эстляндіей, могутъ быть изложены лишь въ общихъ чертахъ.

Въ первый разъ оба противника встрѣтились подъ Оденпе. Сюда двинулись въ февралѣ 1217 года новгородцы съ посадникомъ Твердиславомъ и псковичи подъ предводительствомъ князя Владиміра — на этотъ разъ въ союзѣ съ жителями Эзеля и Гарріи, а также съ давно окрещенными, но вновь отпавшими сакаланами; однихъ русскихъ и эзельцевъ было до двадцати тысячъ человѣкъ. Нѣмцы и угаунцы, болѣе слабые, были не въ состояніи долго защищать укрѣпленіе. Правда, магистръ ордена Волкуинъ пришелъ къ нимъ на помощь съ отрядомъ тысячи въ три человѣкъ, преимущественно ливовъ и латышей; но осажденные стали терпѣть недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; то же обнаружилось и въ войскѣ русскихъ и ихъ союзниковъ. Поэтому черезъ двадцать дней (вѣроятно, уже въ мартѣ) былъ заключенъ миръ, условія котораго нельзя однако-жъ установить точно. Сказано только: «Русскіе заключили миръ съ ними [нѣмцами], но такъ, чтобы всѣ нѣмцы оставили укрѣпленіе и возвратились въ Лифляндію (fecerunt quoque pacem cum eis, ita tamen, ut Theuthonici omnes relicto castro in Lyvoniam redirent). И дѣйствительно, послѣ этого нѣмцы вмѣстѣ съ ливами

---

241) Генрихъ XV, 5. Угаунцы, по словамъ хроники, хотѣли отомстить русскимъ: слѣдовательно *они* выставляются зачинщиками набѣга. Набѣгъ былъ сдѣланъ «in Russiam versus Nogardiam»; точнѣе: въ псковскую область. Ср. Pabst, S. 221 Anm., также и Bonnell, Chronogr., Comm. S. 58.

и латышами отступили отъ Оденпе. Братъ же епископа Теодорихъ, зять князя Владиміра, отправился къ русскимъ для закрѣпленія мира, т. е. въ качествѣ заложника до ратификаціи договора; но новгородцы схватили его и увели въ плѣнъ[142]).

Такимъ образомъ Угаунія и Сакала были вторично потеряны нѣмцами и «въ этомъ положеніи епископъ Альбертъ, повидимому, думалъ о томъ, чтобы совсѣмъ отказаться отъ части потеряннаго, сознавая, что у него не хватаетъ силъ удерживать всю страну[143]). Миръ при Оденпе, который заключалъ въ себѣ отрѣченіе отъ Угауніи, онъ рѣшился утвердить и отправилъ съ этой цѣлью пословъ въ Новгородъ. Но *русскіе* не пошли на миръ и не смотря на всѣ просьбы не выдали брата епископа, но *намѣревались сообща съ эстами продолжать борьбу до самаго уничтоженія нѣмецкой колоніи*. Это заставило епископа искать помощи въ Германіи (XXI, 1).

Военныя дѣйствія русскихъ замедлились, потому что въ это время въ Новгородѣ происходила смѣна князя: великій князь Мстиславъ Мстиславичъ удалился на югъ, и 1-го августа 1217 г. прибылъ его преемникъ Святославъ, сынъ Мстислава Романовича. На *просьбу эстовъ* онъ обѣщалъ имъ придти къ нимъ во главѣ большого войска вмѣстѣ съ Владиміромъ псковскимъ и другими князьями. Но впродолженіи пятнадцати дней шеститысячное эстонское войско напрасно ожидало русскихъ; а 21-го сентября недалеко отъ Феллина оно было разбито на голову нѣмецкимъ войскомъ, подкрѣпленнымъ вновь прибывшими крестоносцами (XXI, 2 и 3). Скоро удалось имъ привесть значительную часть Эстляндіи снова подъ свою власть, однако «Угаунія оставалась не покоренной и такимъ образомъ восточный ихъ флангъ не защищеннымъ». Какъ ни различны были интересы отдѣльныхъ эстонскихъ племенъ и русскихъ, они сходились въ одномъ, «in ihrem Hass wider die Deutschen, der führte sie immer zusammen. Die Esten kämpften für Freiheit, Glaube, Sitte; die Russen wollten

---

142) Генрихъ XX, 7 и 8; троицкая, первая и четвертая новгородская и первая псковская лѣтописи подъ 6725 годомъ. Въ то время какъ свѣдѣнія русскихъ источниковъ обыкновенно скудны, на этотъ разъ указанныя выше лѣтописи по поводу событіи подъ Оденпе содержатъ нѣкоторыя интересныя подробности, которыхъ нѣтъ у Генриха. См. также Bonnell, Chronogr. Comment. S. 58 f.; также Соловьевъ, ч. II, стр. 362.

143) Hausmann, Das Ringen der Deutschen und Dänen, S. 8. Противъ этого предположенія, высказаннаго впервые Hildebrand'омъ (стр. 104), высказывается Трусманъ, Введеніе христіанства въ Лифляндіи. С.-Петербургъ, 1884, стр. 217, говоря: «Что въ это время Альбертъ намѣревался отказаться отъ части потеряннаго, какъ это утверждаютъ Hausmann и Hildebrand [!], — это ниоткуда не видно. Онъ просмотрѣлъ основаніе, заключающееся въ общихъ соображеніяхъ, которое и приводится въ словахъ: «сознавая, что» и т. д. Раньше (стр. 8) у Hausmann'а сказано: Въ лицѣ русскихъ «erwuchs den Deutschen ein höchst gefährlicher Feind, der grössere Massen ins Feld führten, als die Esten. Die Züge der Russen waren die verheerendsten und gefürchtetsten im Lande». Подобнымъ же образомъ много разъ и дальше, напр. стр. 11 внизу.

die Deutschen, diesen fremden Körper, aus ihrem Gesichtskreis bannen, weil er sie in ihren Berechnungen auf Livland störte, und sie seine Gewalt fürchteten, sobald er auch die Esten unterworfen[144]).

Только въ августѣ 1218 г. окончили новгородцы свои приготовленія къ походу, которыя, по словамъ хрониста, были на этотъ разъ особенно значительны. Во второй половинѣ этого мѣсяца великій князь Святославъ въ сопровожденіи Владиміра псковского съ шестнадцатитысячнымъ войскомъ вторгся *въ Угаунію*. Небольшое войско нѣмцевъ, получивъ извѣстіе о приближеніи русскихъ отъ перехваченныхъ русскихъ эмиссаровъ, отправленныхъ для того, чтобы созывать къ походу эстовъ, пошло изъ Сакалы навстрѣчу русскимъ, *разбило* ихъ въ двухъ сраженіяхъ, но вскорѣ однакоже *отступило*. Тогда Святославъ прошелъ черезъ Имеру до *Идумеи*, сильно опустошая страну; здѣсь къ нему присоединилось второе русское войско подъ предводительствомъ сына князя Владиміра, Ярослава, который только что безуспѣшно осаждалъ Венденъ. Русскіе поджидали жителей Эзеля, Сакалы и Гарріи. Первые дѣйствительно въ это время грабили безнаказанно по берегамъ Двины; сакалановъ удержало извѣстіе о двухъ вышеупомянутыхъ сраженіяхъ; когда же вслѣдъ за извѣстіемъ, что нѣмецкое войско идетъ отъ Торейды, русскіе со всѣми силами отступили опять къ Вендену, здѣсь къ нимъ присоединились эсты изъ Гарріи. Не смотря на это вторая осада *Вендена* также не имѣла успѣха. Тутъ мужество стало покидать великаго князя. Онъ попытался было вступить съ рыцарями въ переговоры о мирѣ, но мирныя предложенія были отвергнуты, и онъ поспѣшно возвратился въ Россію, частію изъ страха передъ нѣмцами, частію вслѣдствіе полученнаго имъ въ Угауніи извѣстія о томъ, что въ его отсутствіе псковское княжество подверглось нападенію литовцевъ. — Летты особенно пострадали отъ русскихъ опустошеній, за которыя отомстили цѣлымъ рядомъ набѣговъ на псковскую землю; тогда (именно зимою 1218—1219 г.) псковичи отправили къ нѣмцамъ посольство съ просьбой о мирѣ. Но послѣдніе, по словамъ хроники, не довѣряли имъ за ихъ связь съ эстами, и такимъ образомъ миръ не состоялся[145]).

Въ это время нѣмцы съ большей увѣренностью смотрѣли въ глаза

---

144) Hausmann, S. 11 f.

145) Генрихъ XII, 2—8, первая и четвертая новгородская лѣтопись подъ 6726 и 6727 гг. — Bonnell, Chronogr., Comment. S. 59—62. О сраженіи при Венденѣ и древнерусскомъ названіи этого мѣста — Кѣсь (Кесь) и Пертуевъ — см. G. Vierhuff, Wo lag die Burg «Alt-Wenden»? (Riga, 1884); ср. Bielenstein, Grenzen u. s. w, S. 94, особенно стр. 334 и слѣд. Также C. Schirren, въ «Göttingenschen Gelehrten Anzeigen» 1893, № 5 и въ «Magazin der Lettisch-Litterärischen Gesellschaft» Bd. XIX, Stück 3 (Mitau, 1894), тамъ же Bielenstein'a «Bemerkungen». — Вмѣстѣ съ только что упомянутымъ посольствомъ вернулся, должно быть, и братъ епископа Теодорихъ (XXII, 8); по крайней мѣрѣ въ февралѣ 1220 г. онъ принималъ участіе въ походѣ нѣмцевъ на Гаррію (XXIII, 9).

будущему. А именно, епископу Альберту удалось подвинуть на крестовый походъ въ восточный языческій край не тольо весьма уважаемаго императорскаго князя, герцога Альберта Саксонскаго, но также и короля датскаго, Вальдемара II. Впрочемъ послѣдній съ самаго начала имѣлъ въ виду свои выгоды. Не какъ простой пилигримъ, а какъ завоеватель, присталъ онъ въ 1219 г. къ берегамъ Эстляндіи съ флотомъ въ полторы тысячи парусовъ, основалъ здѣсь свою собственную, датскую колонію, изъ союзника скоро превратился въ опаснаго соперника и сталъ стремиться даже къ господству надъ самой Ригой[146]). Но если датскій король, какъ свидѣтельствуетъ Генрихъ, былъ призванъ на помощь именно «въ великой борьбѣ съ русскими и эстами», то, когда помощь эта была обѣщана, въ Ивановъ день
195 1218 г., понятно, что нѣмцы могли спокойнѣе и смѣлѣе смотрѣть въ глаза русскимъ: подкрѣпленные новыми крестоносцами и имѣя союзникомъ датскаго короля, они могли теперь надѣяться одолѣть обоихъ противниковъ, русскихъ и эстовъ; этою вѣрою въ успѣхъ и объясняется, что *они дважды* отклонили мирныя предложенія русскихъ.

Съ своей стороны русскіе долгое время уклоняются отъ продолженія борьбы. Повидимому, неудача послѣдняго большого похода уменьшила ихъ предпріимчивость. Къ этому присоединились безпорядки въ самомъ княжествѣ новгородскомъ, вызванные главнымъ образомъ несогласіями посадника Твердислава съ княземъ[147]). Въ началѣ 1219 г. новгородцы указали путь князю Святославу Мстиславичу; весною его смѣнилъ на новгород-
196 скомъ столѣ его братъ *Всеволодъ*[148]). Онъ смотрѣлъ безучастно на то, какъ въ томъ же году сперва летты опустошали псковскіе предѣлы, а потомъ псковичи землю леттовъ (XXIII, 5). Далѣе находимъ разсказъ о томъ, что епископъ Альбертъ — навѣрно весной 1220 г. — приказалъ крестить въ Угауніи язычниковъ и тогда отправилъ посольство къ новгородцамъ съ мирными словами[149]). Вотъ все, что сообщается намъ за этотъ періодъ времени о русско-лифляндскихъ отношеніяхъ.

Успѣхи западныхъ христіанъ въ подчиненіи себѣ эстовъ, именно новыя обращенія въ Угауніи въ лѣто 1221 года, повидимому, заставили русскихъ возобновить военныя дѣйствія. Они начали съ того, что, по словамъ хроники, отослали назадъ грамоту мирнаго договора, заключеннаго при Оденпе
197 (et miserunt Rutheni rescriptum pacis de Plescowe, que facta est aput Odempe); изъ этого можно заключать, что въ свое время этотъ договоръ

---

146) Подробности см. у Hausmann'a, Das Ringen der Deutschen und Dänen и т. д.

147) См. Соловьевъ, ч. II, стр. 362 и 336 и сл.

148) Bonnell, Chronogr. S. 36 и Comment. S. 60 и слѣд.

149) Генрихъ, XXIV, 1. Et missis nunciis in Russiam, episcopus verbis pacificis cum Nogardensibus locutus est.

былъ утвержденъ по крайней мѣрѣ во Псковѣ. Затѣмъ двѣнадцатитысячное русское войско явилось подъ предводительствомъ великаго князя Всеволода Мстиславича *въ землю леттовъ*, производя страшныя опустошенія; князь подступилъ къ *Вендену*, былъ опять побѣжденъ рыцарями ордена, перешелъ Аа и вступилъ въ мѣстность *Торейду*, заселенную ливами. Здѣсь присоединился къ нему отрядъ литовцевъ, которыхъ русскіе поджидали еще въ странѣ леттовъ, и которые, переправившись черезъ Аа у Вендена вслѣдъ за русскими, разграбили всю мѣстность до самаго моря. Но ничего существеннаго не могли сдѣлать русскіе и на этотъ разъ. Подвергаясь нападеніямъ со стороны нѣмцевъ и ливовъ, они вмѣстѣ съ литовцами прошли черезъ Имеру и Угаунію, продолжая грабить, и вернулись во Псковъ. 198
Литовцы пробыли во Псковѣ мѣсяцъ и, когда они на обратномъ пути хотѣли пробиться черезъ землю леттовъ, они были истреблены нѣмцами. Послѣ этого, осенью 1221 г. и слѣдующей зимою, предприняли нѣмцы, ливы и латыши, съ ними и эсты изъ Угауніи и Сакалы, рядъ походовъ въ псковскую и новгородскую области, чтобы отомстить русскимъ, проникли какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ Пейпуса до Ингріи (Ингерманландіи) и почти до Великаго Новгорода; невдалекѣ отъ него, какъ разсказываетъ хроника, латыши между прочимъ разграбили церковь и унесли иконы, колокола, церковные сосуды и другіе предметы, при этомъ много русскихъ было уведено въ плѣнъ въ Лифляндію и Эстляндію [150]).

Союзъ эстовъ съ русскими прекратился, съ тѣхъ поръ какъ эсты были 199
покорены нѣмцами и датчанами, и они не разъ, какъ было только что показано, сражались противъ русскихъ. Но скоро отношенія перемѣнились.

Лѣтомъ 1222 г. датскій король, Вальдемаръ II, высадился на островъ Эзель, овладѣлъ имъ и построилъ тамъ каменное укрѣпленіе. Тогда же состоялось новое соглашеніе между нимъ и нѣмцами: между прочимъ они обязались помогать другъ другу противъ русскихъ и язычниковъ (XXVI, 2). Но когда король удалился, возстали, вѣроятно, въ концѣ лѣта 1222 г., *жители Эзеля*; датскій замокъ долженъ былъ имъ сдаться и былъ ими 200
разрушенъ. Тогда возстаніе распространилось и на континентъ; эсты поднялись какъ противъ датскаго, такъ и противъ нѣмецкаго владычества, и области Сакала и Угаунія были снова потеряны нѣмцами: къ началу 1223 г. во всей Эстляндіи оставалось *одно* укрѣпленное мѣсто, датское укрѣпленіе

---

150) Генрихъ XXV, 3—6: первая и четвертая новгородская, троицкая, первая псковская и софійская лѣтописи (Полное собраніе русск. лѣт. т. V) подъ 6730 годомъ. Bonnell, Chronogr. Comment. S. 59—64, Nachträge, S. 237. Возможно, что русское войско отправилось въ это время на югъ, гдѣ, по Боннелю, весной 1222 г., а по Кунику годомъ позже, произошла битва съ Татарами на р. Калкѣ, о которой упоминаетъ и Генрихъ — XXVI, 1. (См. также цитируемыя Боннелемъ работы ак. Куника). Ср. Pabst, S. 301, Anm. 5 къ XXVI, 1.

Ревель, одиноко стоявшее на сѣверѣ[151]). «У эстовъ достало силъ сбросить
201 съ себя иго христіанъ, но гораздо труднѣе было удержать занятое положеніе, ибо было ясно, что христіане снова будутъ стремиться покорить ихъ себѣ. Тогда эсты призвали на помощь *русскихъ изъ Пскова и Новгорода,* подѣлились съ ними захваченной добычей, передали имъ *Дерптъ, Феллинъ* и другія укрѣпленія [не Оденпе ли?] для защиты, укрѣпивъ ихъ очень сильно[152]), и приготовились сами къ борьбѣ; захваченныя у нѣмцевъ военныя машины они подѣлили между собою, изготовили также но-
202 выя и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ самострѣловъ. Наконецъ послѣдовало съ ихъ стороны полное отпаденіе отъ христіанства: прежнія языческія жены вернулись къ своимъ мужьямъ, похороненные по христіанскому обряду были сожжены по обычаю язычниковъ, и истреблены эстами всѣ слѣды христіанства въ домахъ и укрѣпленіяхъ.... Сакаланы торжественно объявили въ Ригѣ, что они согласны на миръ, но *низачто не примутъ христіанства,* пока хоть одинъ мальчикъ, имѣющій годъ отъ роду или одинъ локоть росту, остается въ ихъ странѣ. Рыцарей, захваченныхъ ими въ плѣнъ, и христіанскихъ купцовъ они предложили отпустить на свободу взамѣнъ ихъ сыновей, остававшихся въ Ригѣ заложниками. Нѣмцы согласились на это предложеніе, что говоритъ объ ихъ слабости, ибо такимъ образомъ лучшее обезпеченіе покорности эстовъ уходило у нихъ изъ рукъ.
203 Все будущее христіанской колоніи было теперь поставлено на карту: если бы возстаніе эстовъ увѣнчалось успѣхомъ, то не одна Эстляндія была бы потеряна, Лифляндія также угрожала бы отпаденіемъ»[153]).

Скоро однакожъ пришла къ нимъ помощь: весною 1223 г. Бернгардъ, епископъ Зелоніи[154]), привелъ сильное войско крестоносцевъ изъ за моря. Прежде всего удалось нѣмцамъ при Имерѣ нанести рѣшительное пораженіе Сакаланамъ и Угаунцамъ, которые передъ тѣмъ опустошили вдоль и попе-

---

151) Ревель (Revale и пр.) — первоначальное названіе мѣстности. Генрихъ называетъ его «Lyndanise», что основывается на недоразумѣніи, потому что это слово обозначаетъ буквально по-эстонски: «въ укрѣпленіе» (отъ старинной формы «linda», вм. «linn» = городъ, укрѣпленіе). Старинное русское названіе Колывань также эстонскаго происхожденія. См. мои замѣчанія «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oertlichkeiten» въ «Sitzungsberichte» и пр. за 1887 годъ, стр. 24 и сл., и приведенную тамъ же литературу (также работу P. Jordan'a: «Ueber die Bauernburgen in Estland» въ «Beiträge zur Geographie und Statistik» и проч.).

152) Ruthenos vero tam de Nogardia quam de Plescekowe sibi vocaverunt in auxilium firmantes pacem cum eis, et locantes quosdum ex eis in Tharbata, quosdam in Viliende et in aliis castris contra Theuthonicos et Latinos et omnes christianos pugnaturos, dividentes cum eis equos et pecunias et omnem substantiam fratrum militie.... et muniverunt castra sua firmissime. Heinr. XXVI, 8.

153) Hausmann, S. 49.

154) Объ епископѣ Бернардѣ см. у F. G. v. Bunge, Livland, die Wiege der deutschen Weihbischöfe (Leipzig, 1875).

рекъ Леттляндію (XXVII, 1). Затѣмъ 15-го августа 1223 г. послѣ двух-
недѣльной осады сдался Феллинъ: эстамъ была подарена жизнь, русскіе
же, сколько ихъ нашлось въ укрѣпленіи, были повѣшены[155]) для устра-
шенія ихъ *единоплеменниковъ*. Когда же черезъ нѣсколько дней эстонское 204
укрѣпленіе при Палѣ сдалось нѣмцамъ, Сакала снова оказалась въ ихъ
власти (XXVII, 2).

Очевидно, уже гораздо раньше, хотя Генрихъ сообщаетъ объ этомъ
только въ гл. XXVII, 3, старшины изъ Сакалы были отправлены «въ
Россію» съ золотомъ и многими подарками — приглашать «королей рус-
скихъ» къ открытой борьбѣ «противъ нѣмцевъ и латинянъ»; заведены были
сношенія даже съ вел. княземъ суздальскимъ Юріемъ. И вотъ въ сентябрѣ
появилось двадцать тысячъ русскихъ въ Угауніи. Ихъ привелъ Ярославъ
Всеволодовичъ[156]) переяславскій, который въ это время опять княжилъ въ 205
Новгородѣ; Владиміръ псковской также присоединился къ его рати, кото-
рую подкрѣпляли также многіе суздальцы. Угаунцы встрѣтили русскихъ съ
большой радостью: принесли имъ большіе дары и выдали имъ нѣмецкихъ
плѣнниковъ. Въ *Дерптѣ* и *Оденпе* великій князь оставилъ отряды войска,
для того чтобы, говоритъ хроника, *господствовать надъ Угауніей и всей
Эстляндіей — слѣдовательно не оказать помощь* эстамъ имѣли на самомъ
дѣлѣ цѣлью русскіе, а пріобрѣсть снова во свое владѣніе край, который
давно они имѣли въ виду. — Подкрѣпленный угаунцами, Ярославъ пошелъ
на Лифляндію; но при «Puidise»[158]) съ нимъ сошлись эзельцы и «совѣтовали 206
ему сперва осадить ревельское укрѣпленіе и, уже завоевавъ его, идти въ
Лифляндію... Русскій князь послушался совѣта. Серьезная опасность, ко-
торая грозила нѣмцамъ и могла имѣть для нихъ роковыя послѣдствія, ми-
новала; оставивъ свой первоначальный, совершенно вѣрный планъ — сперва
нанести ударъ болѣе сильному непріятелю на югѣ, русскіе погубили этимъ
все свое предпріятіе, тѣмъ болѣе, что были не искусны въ осадныхъ рабо-
тахъ. — Путь русскихъ на сѣверъ шелъ черезъ *Сакалу*. Князь огорчился,
когда узналъ, что эта мѣстность покорена, когда же въ Феллинѣ онъ уви-

---

155) ... ad terrorem aliorum Ruthenorum — Heinrich, XXVII, 2. Начальникъ русскаго гарнизона въ Феллинѣ «Waremarus» (порусски, должно быть, Варемиръ) вмѣстѣ съ многими русскими и эстами» былъ раньше этого убитъ латышскимъ старшиною Рамеке въ сраженіи при Палѣ въ то время, какъ русскіе и эсты грабили (въ Идумеѣ). — XXVII, 1 О происхожденіи имени Варемаръ см. замѣчанія ак. Куника въ: B. Dorn, «Caspia» (Mémoires de l'Académie Imp. des sciences de Saint-Pétersbourg. VII Série. Tome XXIII (1877), стр. 402, столб. 2 и стр. 405, столб. 2).

156) Bonnell, Chronogr. S. 41. Comment. S. 247.

157) ... ut haberet dominium in Ugaunia et per totam Estoniam.

158) Искаженное эстонское названіе, которое значитъ буквально «по деревьямъ» или «при деревьяхъ» (ср. обозначеніе «Lyndanise» для Ревеля). Мѣсто это лежало вблизи Wirzjerw. Подробнѣе у Pabst'a S. 239, Anm. 10 къ XXII, 2.

дѣлъ повѣшенные трупы своихъ, онъ пришелъ въ большую ярость и подвергъ страну самому страшному опустошенію, не встрѣчая въ этомъ препятствій со стороны нѣмцевъ. Не думая о возвращеніи Феллина, онъ по-
207 шелъ дальше, призвалъ къ себѣ вспомогательные отряды изъ Ервена, Вирлянда, Варболы и съ Эзеля и осадилъ датское укрѣпленіе Lyndanise [т. е. *Ревель*]. Большое и сильное войско облегло Ревель; осада велась нѣмецкимъ искусствомъ, т. е. помощью камнеметательныхъ и другихъ осадныхъ машинъ, которыя неоднократно упоминаются въ исторіи этого возстанія. Но датчане защищались храбро и стрѣльбой изъ самострѣловъ причинили непріятелю особенно много ущерба. Четыре недѣли простояли русскіе и эсты подъ крѣпостью и не могли взять ея; тогда они отступили за позднимъ временемъ, такъ какъ наступилъ уже октябрь 1223 г., а можетъ быть, какъ позволяютъ *догадываться источники*, и склоненные къ тому деньгами»[159]).
208 Производя новыя опустошенія, оставили они страну. «Самое сильное войско, изъ до сихъ поръ вступавшихъ въ этотъ край, сокрушилось о сопротивленіе датчанъ и не сдѣлало ничего существеннаго; только *Угаунія была закрѣплена* за русскими»[160]).

Въ то же время рыцари пять дней осаждали безъ успѣха Дерптъ; по выраженію хрониста, они были не въ состояніи взять «такое сильное укрѣпленіе съ такими малыми силами»—XXVII, 4. Мы знаемъ, что приблизительно за годъ до возстанія сами рыцари укрѣпили особенно сильно Дерптъ,
209 именно «изъ страха передъ русскими», снабдили его воинскимъ снарядомъ и самострѣлами (XXV, 5 и XXVIII, 3); кромѣ того князь Ярославъ оставилъ тамъ гарнизонъ.

Дерптъ и долженъ былъ сдѣлаться опорнымъ пунктомъ русскаго владычества въ Эстляндіи и резиденціей князя, зависящаго, очевидно, отъ Новгорода. И вотъ осенью 1223 г. новгородцы послали туда бывшаго куконосскаго князя *Вячко*, дали ему денегъ и двѣ сотни людей и поручили ему *княжить надъ Дерптомъ и надъ другими мѣстностями, которыя ему возможно будетъ подчинить своей власти*. Въ Дерптѣ его приняли охотно, какъ защитника отъ нѣмцевъ, и окружныя мѣстности платили ему дань, т. е. прежде всего Угаунія и, можетъ быть, еще сосѣднія болѣе мелкія области (напр. Nurmegunde и др.), потому что дальше разсказывается, что

---

159) Hausmann, S. 53 и 54. У Генриха XXVII, 3 и въ троицкой, первой [и четвертой] новгородской, первой псковской [и софійской] лѣтописяхъ подъ 6731 г. По послѣднимъ источникамъ представляется *въ высшей степени вѣроятнымъ*, что «отъ русскихъ откупились»; см. замѣчанія Hausman'a и относящееся сюда мѣсто первой новгородской лѣтописи, подъ 6736 г., приведенное мною на стр. 222, пр. 170.

160) Hausmann, l. c. Что русскіе на обратномъ пути прошли «къ сѣверу отъ Пейпуса», какъ полагаетъ Hausmann, не видно изъ источниковъ. Но должно быть путь ихъ былъ таковъ, потому что они сперва попали въ Дерптъ, а потомъ въ Оденпе.

противъ тѣхъ, которыя не платили, онъ снарядилъ войско и опустошалъ
всѣ подчиненныя ему земли отъ Вайги до Вирлянда и отъ Вирлянда до 210
Ервена и Сакалы, и совершалъ надъ христіанами всякое зло, какое только
могъ[161]). Ливы и летты нѣсколько разъ выступали противъ него и «дерптчанъ», но ничего не могли сдѣлать; также безуспѣшно осаждали рыцари Дерптъ во второй разъ втеченіе пяти дней, послѣ пасхи 1224 г. (XXIII, 1). Тѣмъ временемъ остальныя части эстонскаго континента одна за другою переходили окончательно подъ власть западныхъ христіанъ, пока наконецъ одна только Угаунія, да одна часть Вирлянда, должно быть, зависѣвшая отъ князя Вячко, оставались имъ непокорны (XXXIII, 5); когда же угаунцы 211
въ Оденпе хотѣли признать своимъ господиномъ брата епископа Альберта, Германа, котораго Альбертъ послѣ смерти Теодориха сдѣлалъ епископомъ Эстляндіи[162]), имъ воспрепятствовалъ въ этомъ князь «со своими дерптчанами» (XXVIII, 2). Лифляндскій хронистъ рѣзко порицаетъ и жителей Дерпта, и князя Вячко; онъ часто упоминаетъ объ ихъ грабежахъ и указываетъ особенно на то, что Дерптъ сдѣлался, какъ онъ говоритъ, сборнымъ мѣстомъ всѣхъ злодѣевъ изъ сосѣднихъ мѣстностей и Сакалѣ, всѣхъ предателей, убійцъ и зачинщиковъ злыхъ замысловъ противъ лифляндской церкви (XXVIII, 3).

Во второй половинѣ апрѣля епископъ Альбертъ возвратился со своимъ
братомъ Германомъ и многими пилигримами, послѣ полуторагодичнаго пре- 212
быванія въ Германіи (XXVIII, 1). Съ тѣхъ поръ какъ его опасный соперникъ, Вальдемаръ, король датскій, находился въ плѣну у графа Шверина[163]), онъ могъ посвятить все свое вниманіе упорядоченію эстляндскихъ дѣлъ. Онъ вошелъ съ орденомъ и своимъ братомъ въ соглашеніе, договоры котораго дошли до насъ, относительно дѣлежа земель (XXVIII, 2), а къ князю Вячко отправилъ посольство, требуя, чтобы онъ оставилъ бунтовщиковъ, которые находились въ укрѣпленіи (ut recederet a rebellibus illis, qui erant in castro), т. е. очистилъ Дерптъ. Но эта попытка покончить дѣло мирнымъ образомъ не привела къ результату: князь не хотѣлъ оставлять укрѣпленія, потому что Дерптъ и прилежащія земли были ему даны
новгородцами и королями русскими навсегда, причемъ они обѣщали защи- 213

---

161) Post hoc Nogardenses miserunt regem Wiesceka ... et dederunt ei pecuniam et viros ducentos secum, committentes ei dominium in Darbeta et in aliis provinciis, quas sibi posset subjugare. Et venit idem rex cum viris suis in Darbetam, et receperunt eum cum gaudio, ut fortiores contra Theuthonicos efficerentur, et dederunt ei tributa de circumiacentibus provinciis, et quicunque tributa non prebebant, exercitum contra eos direxit et devastavit omnes terras.... Генрихъ XXVII, 5.

162) Bar. Toll und Schwartz, Briefladе, Th. III, S. 216 f.

163) Hausmann S. 56 f. Король былъ взятъ въ плѣнъ 7 мая 1223 г.

щать его отъ нападеній нѣмцевъ[164]). Кромѣ того онъ разсчитывалъ на хорошія укрѣпленія Дерпта, который, по замѣчанію Генриха, дѣйствительно былъ крѣпче всѣхъ другихъ укрѣпленныхъ мѣстъ Эстляндіи, также на запасъ оружія, оставленный нѣмцами, и на многочисленность русскихъ стрѣлковъ (sagittarios Ruthenos quam plures); вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раньше эзельцы, дерптчане изготовили камнеметныя машины и другіе военные снаряды (XXVIII, 3). Такимъ образомъ крѣпость могла, до прихода русскихъ, защищаться противъ очень сильнаго врага.

Когда переговоры не привели ни къ чему, нѣмцы рѣшили дѣйствовать противъ князя силою, тѣмъ болѣе что устраненіе русскаго владычества въ Угауніи являлось необходимымъ условіемъ прочности нѣмецкаго господства
214 надъ Эстляндіей. Тогда было сдѣлано воззваніе, призывавшее на войну всѣхъ нѣмцевъ въ Лифляндіи, людей епископа, рыцарей ордена, пилигримовъ, купцовъ, гражданъ Риги, также ливовъ и латышей. 15-го августа 1224 г. большое войско приступило къ *осадѣ Дерпта*, въ подробности которой здѣсь *нѣтъ надобности входить*. На девятый день, должно быть, узнавъ о приближеніи русскаго войска, спѣшившаго на выручку своихъ, осаждающіе отрядили посольство въ городъ: князю предлагали свободный выходъ со всѣми его людьми, лошадьми и со всѣмъ добромъ, лишь бы онъ оставилъ укрѣпленіе и отступился отъ мятежниковъ эстовъ. Но разсчитывая, что новгородцы выручатъ его, князь объявилъ съ упорствомъ, что
215 онъ низачто не оставитъ Дерпта[165]). Дѣйствительно въ это время русскіе грабили въ странѣ [Угауніи], такъ что пришлось часть осаждающаго войска отрядить противъ нихъ; но отрядъ этотъ не нашелъ ихъ, и скоро всѣ силы нѣмцевъ опять соединились для блокады крѣпости[166]). Осажденные очень храбро оборонялись, но нѣмцы день и ночь вели осадныя работы: ни тѣ, ни другіе не спали вовсе, и такимъ образомъ, по словамъ хроники, прошло много дней. На общемъ совѣтѣ христіанъ было принято рѣшеніе въ противоположность кроткому образу дѣйствій въ раньше бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій, не внушившаго достаточнаго страха,
216 на этотъ разъ поступить самымъ *суровымъ образомъ* съ осажденными; тотъ, кто первымъ проникнетъ въ укрѣпленіе, долженъ былъ быть награжденъ

---

164) Et nolebat rex ab eis recedere, eo quod Nogardenses et reges Ruthenorum sibi castrum ipsum cum adiacentibus terris perpetua donatione donaverint et liberationem Theutonicorum impugnatione promiserint.

165) .... promittitur ei via libera, ut exeat cum viris et equis et omnibus rebus suis, si tantum recedat de castro et gentem illam apostatricem derelinquat. Sed rex a Nogardensibus liberationem expectens, nullatenus se castrum derelinquere pertinaciter affirmat.

166) Можетъ быть, какъ думаетъ Pabst, (S. 331, Anm. 20), эти русскіе еще раньше вышли изъ Дерпта на добычу, потому что большое русское войско, шедшее на выручку, дошло впослѣдствіи только до Пскова. Или: не были ли это псковичи, которые уклонились отъ битвы съ сильнымъ лифляндскимъ войскомъ и ушли обратно?

особымъ почетомъ и богатой добычей и плѣнниками, князя же рѣшено было повѣсить на самомъ высокомъ деревѣ, чтобы вознести его надъ другими (XXVIII, 5). — При окончательномъ штурмѣ Дерпта особенно личной храбростью отличился рыцарь Іоаннъ Аппельдеринъ, также братъ епископа Альберта: всего съ однимъ товарищемъ взобрался онъ на валъ и оттуда проникъ въ укрѣпленіе. Примѣръ его увлекъ другихъ, сперва нѣмцевъ, потомъ латышей и ливовъ; началась страшная рѣзня. Около тысячи эстовъ было убито, въ числѣ ихъ и женщины; тогда только добрались до русскихъ, которые защищались особенно долго — ихъ перебито было около двухъ сотъ, между ними и *князь Вячко*[167]). Изо всѣхъ людей, бывшихъ 217
въ укрѣпленіи, говоритъ буквально хроника, остался въ живыхъ *только одинъ*, который былъ дружинникомъ (vasallus) великаго короля суздальскаго, посланный своимъ господиномъ въ это укрѣпленіе. Его потомъ рыцари одѣли и послали домой въ Новгородъ и Суздаль на добромъ конѣ возвѣстить своимъ господамъ о томъ, что совершилось[168]).

Надежды осажденныхъ на то, что свои ихъ выручатъ, не были безосновательны: изъ Новгорода шло уже сильное войско и уже достигло 218
Пскова, но здѣсь встрѣтило ихъ извѣстіе, что Дерптъ взятъ нѣмцами. И наконецъ осенью 1224 г. въ Ригѣ состоялся *миръ съ новгородцами и псковичами*, о которомъ также уже шла рѣчь[169]).

Мы видѣли, что грамата этого мирнаго договора не сохранилась, и что мы знакомимся съ нимъ исключительно изъ соотвѣтствующаго мѣста хроники Генриха Летляндскаго, изъ котораго слѣдуетъ, что по крайней мѣрѣ старая дань съ Толовы была сохранена за русскими (XXVIII, 9); и такъ какъ при этомъ ни однимъ словомъ не упоминается про Угаунію и остальную Эстляндію, то надо заключать, что русскіе *отказались отъ всего, чѣмъ они когда либо* (хотя бы временно) *непосредственно владѣли въ эстонскомъ* 219
краѣ, и отъ всякой дани съ эстовъ — слѣдовательно, былъ признанъ прямо или непрямо status quo, на что я особенно обращаю вниманіе. Этому выводу находимъ мы и *иного рода подтвержденія*.

Какъ непосредственное владѣніе русскихъ мы можемъ разсматривать

---

167) Можетъ быть, въ этомъ перечисленіи имѣются въ виду только эсты и русскіе, убитые въ самомъ укрѣпленіи, не считая бѣглецовъ, которые были пойманы и убиты внѣ его; навѣрно не мало народа было перебито и во время продолжительной осады. Истребленъ былъ собственно гарнизонъ; если и упоминаются эстонскія женщины, то, навѣрно, онѣ принимали участіе въ сопротивленіи. Что женщинъ и дѣтей обыкновенно щадили, это ясно изъ разсказываемаго въ концѣ этого отрывка.

168) Генрихъ XXVIII, 6, первая и четвертая новгородская лѣтописи подъ 6732 г. упоминаютъ одной короткой фразой о смерти князя Вячко и потерѣ Дерпта. Ср. Соловьевъ, т. III, стр. 363—365.

169) См. гл. II, стр. 139 этого изслѣдованія.

Не столько превосходству въ военномъ искусствѣ надъ русскими, не 223
столько самой храбрости, сколько цѣлесообразно направленной и упорной энергіи, которую питало религіозное одушевленіе крестоносныхъ воиновъ, обязаны нѣмцы тѣмъ, что имъ удалось устранить русское вліяніе изъ теперешняго балтійскаго края. И только *подъ нѣмецкимъ владычествомъ* суждено было кореннымъ обитателемъ этого края не только обратиться въ христіанство — правда на первыхъ порахъ большею частію путемъ принужденія — но и перейти въ упорядоченныя, государственныя формы быта, которыя прежде всего, положивъ конецъ царившей въ краѣ безпрерывной войнѣ, обезопасили ихъ жизнь и обезпечили собственность, впослѣдствіи же сдѣлали возможнымъ ихъ культурное перевоспитаніе въ духѣ христіанства. Русскимъ были чужды такого рода культурныя стремленія; они не думали о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство введеніемъ христіанства: это обстоятельство и имѣло роковыя послѣдствія 224
для ихъ власти. Совершенно *разрозненныя*, такъ сказать, случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями въ Толовѣ и Угаувіи, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій.

Когда же съ началомъ сороковыхъ годовъ тринадцатаго столѣтія, духъ завоеванія сталъ руководить нѣмцами и направилъ ихъ предпріимчивость уже на коренныя русскія земли, изъ среды русскаго народа выступилъ герой — великій князь новгородскій, Александръ Невскій, который и положилъ предѣлъ ихъ поступательному движенію.

не взисте, а у Кѣси такоже, а у Медвѣже Головѣ такоже а за то братью избиша на озерѣ, а иниѣ поведени; а вы раздравше та прочъ; или есте на насъ удумали, тъ мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ; то вы луче насъ посѣчите, а жены и дѣти поемлите собе, а не луче погани. Тъ вамъ ся кланяемъ»). Очень неточно и съ неосновательными измѣненіями это мѣсто было уже переведено. Th. Schiemann'омъ въ его сочиненіи: «Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhunderts», Bd. I. (Berlin 1886), S. 193 f. (въ Onken's «Weltgeschichte in Einzeldarstellungen»).

225

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Нѣкоторые спорные вопросы географіи старинной Лифляндіи.

Въ своемъ недавно явившемся весьма фундаментальномъ сочиненіи: «Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im XIII. Jahrhundert» (St. Petersburg 1892) Dr. A. Bielenstein ссылается много разъ на мои работы: «Die Tributpflichtigkeit der Landschaft Tolowa an die Pleskauer» и «Das livische und lettische Dünagebiet und die Fürsten von Polozk, Gercike und Kokenhusen am Ausgang des XII. und zu Beginn des XIII. Jahrhunderts», напечатанныя въ XIV и XV томахъ изданія «Mittheilungen aus der livländischen Geschichte». Нѣкоторыя разногласія съ достопочтеннымъ авторомъ даютъ мнѣ поводъ
226 еще разъ вернуться къ спорнымъ вопросамъ.

Дѣло идетъ прежде всего о протяженіи *земли Толова* и, въ частности, о томъ, какія области къ ней относились.

Я полагалъ (см. стр. 114 и сл. этого изслѣдованія и «Mitth.» Bd. XIV, S. 82 f.), считая себя въ правѣ ограничиться лишь общими указаніями, что: «Во время Генриха хрониста Толова обнимала область по верхнему и среднему теченію Аа, граничила на востокѣ съ русскими владѣніями и простиралась къ западу до озера Буртнекъ, такъ что Трикатуа (около имѣнья Трикатенъ) и Адзеле (около имѣнья Адзель), которыя упоминаются при случаѣ рядомъ съ Толовой, должны быть включены въ нее какъ части ея.» Возражая на это, Dr. Bielenstein противопоставляетъ слѣдующее мнѣніе: es lasse sich «so viel klar erkennen dass Tolowa die heutigen Parochien Trikaten, Wolmar, Burtneek (wohl ganz), ebenso Papendorf, (zum Theil)

Wohlfahrt, Luhde-Walk, Adsel, Palzmar und Smilten umfasste. Ob die 227
Grenzen von Tolowa sich noch weiter nach Osten oder Südosten erstreckt, bleibt sehr fraglich» (S. 83)—и въ примѣчаніи дѣлается ссылка на стр. 99-ую первой изъ моихъ выше названныхъ статей, гдѣ въ примѣчаніи я признаю область верхняго теченія Аа принадлежащею къ Толовѣ. Если поставить вопросъ: какъ же г. Биленштейнъ представляетъ себѣ въ частностяхъ предѣлы Толовы, то отвѣтъ находимъ на таблицѣ IV (ср. таблицу II) приложеннаго къ сочиненію «Атласа: мѣстностью Адзеле соприкасалась Толова на сѣверѣ съ эстонскимъ краемъ, къ сѣверозападу со страною Имерскихъ леттовъ и съ Astijerwe (= озеро Буртнекъ), къ западу съ мѣстностями Метсеполе (Metsepole) и Идумея, къ юго-западу съ областью вендовъ[171]). На стр. 81 и сл. Биленштейнъ отвергаетъ, какъ это сдѣлалъ уже раньше и я (l. c. 228
S. 90 f. Anm.), тождество владѣнія «Rameke» съ теперешнимъ «Ramkau» и встрѣчающихся въ документахъ «Gulbana» и «Prebolge» съ теперешнимъ мѣстомъ Schwanenburg (= лат. «Gulbene») и Pebalg[172]) и заключаетъ далѣе (возражая противъ мнѣнія, котораго я, должо замѣтить, не защищалъ), что Pebalg (къ юго-востоку отъ истоковъ Аа), отстоя «слишкомъ далеко» отъ 229
озера Буртнекъ, «лежалъ навѣрно внѣ предѣловъ Толовы» — такимъ образомъ г. Биленштейнъ не опредѣляетъ точнѣе южной границы; правда еще на стр. 81 (вверху) онъ замѣчаетъ, что въ юговосточномъ направленіи границу слѣдуетъ искать «между приходами Адзель и Маріенбургъ». «Относительно распространенія Толовы къ востоку», по мнѣнію Биленштейна «имѣется всего одно (непрямое) указаніе», именно то, что платилась дань Пскову; дальше мысль развивается слѣдующимъ образомъ: «Die Abhängigkeit von Pleskau könnte schliessen lassen, dass zwischen Tolowa und den Russen nicht gerade grosse Zwischenräume oder wenigstens nicht mächtige Häuptlinge gewesen, die das Vordringen der Russen hätten aufhalten können. Die Hügellandschaft von Oppekaln und Marienburg und die Gegend um die Peddez und die anderen oberen Zuflüsse von Ewst mögen damals von riesigen Wäldern bedeckt und überhaupt wenig bevölkert gewesen sein. 230

---

171) По вопросу о происхожденіи вендовъ C. Schirren въ своемъ отзывѣ о разсматриваемомъ нами сочиненіи Биленштейна («Göttingische gelehrte Anzeigen» 1893, № 5), пользуясь отчасти матеріаломъ, который былъ неизвѣстенъ балтійскимъ изслѣдователямъ, высказываетъ новую, достойную вниманія гипотезу. Статья Ширрена перепечатана въ изданіи «Magazin der lettischen litterarischen Gesellschaft», Bd. XIX, Stück 3 (Mitau, 1894), S. 57 f.; сравни «Bemerkungen» Биленштейна, стр. 76 и сл.

172) Предположеніе, за которое склоненъ теперь стоять и Биленштейнъ, стр. 93, что подъ «Gulbana» можно понимать теперешнюю почтовую станцію Gulben, приблизительно въ милѣ отъ Валка въ юговосточномъ направленіи, я высказалъ уже въ статьѣ «Ueber früher gebräuchliche russische Benennungen baltischer Oertlichkeiten» въ изданіи: «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands» за 1887 г., стр. 24 и слѣд.

Jedenfalls war das Ost-Ende von Tolowa, und was dahinter lag, zur Zeit Heinrichs für die Deutschen eine terra incognita, und wir müssen in Ermangelung von Zeugnissen aus dem Anfang des 13. Jahrhunderts uns bescheiden, nicht in allen Stücken klar sehen wollen, so auch in Betreff der Ost-Grenze Tolowas». — Какъ видно изъ подробно разсмотрѣннаго раньше и изъ только что изложеннаго, мы сходимся съ д-ромъ Биленштейномъ во взглядахъ на сѣверную и западную границу Толовы, но мы расходимся *въ опредѣленіи ея восточной и южной границы.* За разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ слѣдуетъ еще разъ обратиться къ подробному разсмотрѣнію относящихся сюда источниковъ.

На первомъ мѣстѣ стоитъ раздѣльный актъ (Bunge, Urkundenbuch № LXX) 1224 (или 1225) г., исправленный текстъ котораго теперь ста-
231 рается возстановить д-ръ Биленштейнъ на стр. 416. Уже въ свое время G. Berkholz, Mittheilungen, Bd. XIII, s. 47—обратилъ вниманіе на то, что изъ буквальнаго смысла документа не ясно, принадлежало ли вообще Адзеле еще къ Толовѣ или только въ этомъ случаѣ названо вмѣстѣ съ нею. Это именно возраженіе я и имѣлъ въ виду, когда я (l. c. стр. 83) говорилъ: «Въ связи съ разсматриваемымъ ниже извѣстіемъ отъ 1285 г. то обстоятельство, что названное въ документѣ Agzelc (= Adzele) не упомянуто вовсе у Генриха, мнѣ кажется, какъ разъ подтверждаетъ его принадлежность какъ части къ землѣ Толова, подобно тому какъ Трикатуа была также ея частью» (см. стр. 116 этой работы, внизу). Подобнымъ же образомъ Биленштейнъ (стр. 82) хотѣлъ бы выраженіе «terra, quae Adzele dicitur» перевести просто словомъ «Landgut» (= помѣстье, имѣнье); слѣдовательно для него «terra» Adsele есть самая восточная часть Толовы. Но
232 признавая это, онъ тѣмъ самымъ признаетъ его сопредѣльность съ прежнимъ псковскимъ княжествомъ. Не говоря уже о выдвинутомъ мною немаловажномъ доводѣ — въ которомъ однако Биленштейнъ напрасно видитъ «единственное (непрямое) указаніе» — именно, что Толова платила дань Пскову, мнѣ удалось l. c. стр. 129 (ср. стр. 106 и сл. — тамъ именно подробно разбирается извѣстіе 1285 г.) доказать, сопоставляя указанія вышеназваннаго документа и разсказа нашего старѣйшаго хрониста съ данными позднѣйшихъ хроникъ и документовъ, что упоминаемый псковскою лѣтописью во второй половинѣ XIII в. «Алыстъ», позднѣйшій Маріен-
233 бургъ[173]), находился безспорно въ «terra adzele»; а такъ какъ только что

173) Замокъ Маріенбургъ построенъ только въ четырнадцатомъ столѣтіи; 25-го марта 1342 г. онъ былъ «оконченъ» — см. «Sitzungsberichte» за 1887 г. l. c. Подъ рубрикою «Urkunden des 13. Jahrhunderts und die Reimchronik» д-ръ Биленштейнъ на стр. 98 передаетъ русское «Алыстъ» по-латышски «Aluikste». На мой запросъ въ письмѣ, откуда взята эта форма, я получилъ любезный отвѣтъ, что это есть попытка «обратнаго образованія

названное мѣсто находилось самое большее въ трехъ миляхъ *отъ русской границы*, то *до этихъ же поръ должна была простираться и земля Толова.* Мы знаемъ также, что въ позднѣйшее время, какъ это можетъ быть съ точностью доказано, эта восточная область принадлежала къ землямъ ордена: это обстоятельство согласуется съ документомъ 1224 г., изъ котораго узнаемъ, что *тогда уже* — говоря словами д-ра Биленштейна на стр. 82 — «das Land(gut) Agzele mit Ausnahme von vier Orten, Dörfern oder Gebieten», которыя составляли вмѣстѣ двѣ трети этой «terra», и въ 234
числѣ которыхъ «Алыстъ» *не названъ*, достались на долго *ордену.*

Если такимъ образомъ и по г. Биленштейну распространеніе земли Толова до границъ псковскаго княжества можетъ считаться доказаннымъ, то относительно ея протяженія въ южномъ направленіи приходится придти къ иному результату, основываясь на сообщеніи Генриха Леттляндскаго, XXVIII, 9, которому я на стр. 82, въ примѣчаніи, удѣляю не меньше вниманія, именно что при раздѣлѣ 1224 г. епископу достались двѣ трети, а ордену одна треть этой мѣстности. Тогда именно *орденъ* получилъ: 1) *одну треть* Adzele — во всякомъ случаѣ весьма крупный участокъ, о размѣрахъ котораго можно судить по тому, что между теперешнимъ Маріенбургомъ и мѣстомъ Adsel было около шести миль разстоянія; 2) деревню 235
на р. Вива (Viwa), т. е. теперешній Wihzemhof въ приходѣ Трикатенъ; 3) очевидно, къ западу лежащія владѣнія Рамеке, сына старшины Талибальда, о которомъ Генрихъ Леттляндскій XXIV, 12 упоминаетъ въ послѣдній разъ въ 1223 г.; 4) всѣ прежнія владѣнія епископа (къ западу отсюда), которыя онъ имѣлъ до озера Буртнекъ раньше 1224 г. (см. «Mittheilungen» Bd. XIV S. 90 f. и 98 f., также Bielenstein S. 81); еще принадлежала ордену 5) еще съ 1213 г. (см. документъ № XXXVIII въ изд. Bunge, Urkundenbuch; далѣе «Mittheilungen» Bd. XV, S. 31 f. и Bielenstein S. 416) область много разъ упомянутаго въ хроникѣ Генриха и въ документахъ укрѣпленія Аутине, которое Биленштейнъ относитъ къ округу Вольмара и равнымъ образомъ къ землѣ Толова; — сверхъ этого, можетъ быть, еще другіе участки земли, такъ съ конца 1211 или начала 1212 г. (см. «Mittheilungen» Bd. XV, S. 30), если *не* вѣрны догадки 236
Биленштейна на стр. 92 и 96, — навѣрно укрѣпленіе Zerdene, теперешнее Zehrten въ приходѣ Смильтенъ; въ то же время намъ недостаетъ

латышской формы изъ русской формы «*Алыстъ*». «Das russische ы» — пишетъ далѣе д-ръ Биленштейнъ — «halte ich nicht für eine russische Zuthat oder Wandlung, sondern für echt hochlettisch, wie man auf Grund lettischen Umlautgesetzes im Hochlettischen uidens für udens (= Wasser) sagt». Какъ «современныя латышскія названія» приводятся «Alukste, Aluksne». — Въ позднѣйшихъ русскихъ источникахъ Маріенбургъ часто называется «Алыстъ». См. напр. въ «Mittheilungen» Bd. I, S. 108 f.

писывать только что примѣненному нами способу опредѣленія размѣровъ земли Толова — потому уже, что наши источники говорятъ довольно неопредѣленно насчетъ принадлежности «terra» Adzele къ Толовѣ: возможно, что это былъ не «участокъ» Толовы и не «помѣстье» въ ней, а отдѣльная отъ нея область. Далѣе бросается въ глаза и то, что Генрихъ Летляндскій не упоминаетъ о томъ, чтобы и Адзеле платила дань псковичамъ, не говоритъ о ней даже и тогда, когда епископъ и орденъ дѣлились между 240
собой, и Адзеле было пріобрѣтено нѣмцами и притомъ такъ же, какъ и Толова, сохраняя обязательство уплачивать дань Пскову.

На вопросѣ: имѣлся ли въ Толовѣ, «округъ» *Трикатуа* (подобно тому какъ напр. Aliste, должно быть современное Hallist, было особымъ округомъ въ эстонской мѣстности Сакала, — см. «Mitth.» Bd. XIV, S. 107), д-ръ Биленштейнъ не останавливается; не ясно, сдѣлано ли это намѣренно, или нѣтъ, я постараюсь только въ краткихъ чертахъ изложить положеніе вопроса. Дѣло въ томъ, что по Генриху Летляндскому слѣдуетъ различать *мѣсто* Трикатуа отъ *«земли»* Трикатуа, какъ выражается Пабстъ въ своемъ переводѣ хроники Генриха, стр. 103, прим. 3 (Reval 1867): первое упоминается въ XVIII, 2, «земля» же (или «округъ») Трикатуа — въ XII, 6 («in finibus Tricatue») и XXIX, 3 («provenientes usque in Trica- 241
tuam, Thalibaldum seniorum illius provincie ceperunt»); наконецъ въ XV, 7 и XIX, 3 нельзя разобрать, идетъ ли рѣчь о «мѣстѣ» или о «землѣ». Такимъ образомъ названіе Трикатуа слѣдуетъ понимать *въ двухъ смыслахъ* (нѣтъ вовсе необходимости, чтобы названія мѣста и страны различались непремѣнно самыми окончаніями); этого различія не проводитъ нигдѣ д-ръ Биленштейнъ. Въ свою очередь C. von Löwis of Menar принимаетъ Трикатуа только за названіе страны и думаетъ даже, что латышское укрѣпленіе Беверинъ стояло на томъ холмѣ, на которомъ потомъ былъ построенъ рыцарями замокъ Трикатенъ (въ статьѣ «Die Deutsch-Ordensburg Trikaten in Livland» — «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Gesch.» и пр. за 1890 г. стр. 37 и сл.). Уже въ «Mitth.» Bd. XIV, S. 90, Anm. 1— я замѣтилъ: «Если-бы можно было доказать, что Талибальдъ былъ стар- 242
шиной только надъ Трикатуа, а не надо всей Толовой, то тогда выше означенный округъ долженъ бы былъ простираться къ западу за рѣку Аа (можетъ быть, до озера Буртнѣкъ)» и т. д. [175]).

Что касается весьма спорнаго вопроса *о мѣстонахожденіи латышскихъ укрѣпленій Autine, Beverin и Sotekle*, то я въ болѣе обширной моей работѣ о землѣ Толова, на которую не разъ ссылаюсь, могъ отвѣчать на него лишь *гадательно*. Вопросъ былъ еще болѣе затрудненъ сообщеніями

175) См. стр. 126 пр. 88 этого изслѣдованія.

доказать, что *отождествленіе его съ современнымъ Вольмаромъ не состоятельно.*

По словамъ д-ра Биленштейна — стр. 85 и сл. — д-ръ Г. Беркгольцъ въ свое время въ письмѣ къ нему обратилъ его вниманіе на то, что названіе Autine столько разъ упомянутое «до 1215 г.» [должно стоять: 246
1213], съ этого года совершенно исчезаетъ, между тѣмъ какъ самое укрѣпленіе («castrum» и «urbs») не могло также исчезнуть. «Въ это самое время (зимой 1214—1215 г.)» изгнанный псковской князь Владиміръ «былъ фогтомъ Аутине и Идумеи въ Metimne (правильнѣе читать: Metinine)». Это имя, попадающееся всего въ одномъ мѣстѣ, есть, навѣрно, описка вмѣсто «Autinene» (= округъ Autine); наконецъ, послѣ Владиміра, это мѣсто, по мнѣнію д-ра Биленштейна, было переименовано въ Вольмаръ, который упоминается въ документахъ уже въ XIII столѣтіи. Однако самъ Биленштейнъ на стр. 416 приводитъ извлеченіе изъ извѣстнаго найденнаго Гильдебрандомъ документа, относящагося къ учрежденію лена въ 1224 г., гдѣ «Autene» снова встрѣчается. Впрочемъ, этимъ однимъ еще не опровергается гипотеза: одиннадцатъ лѣтъ спустя старое имя могло быть 247
употреблено рядомъ съ именемъ «Woldemaria». Но изъ точнаго смысла хроники вытекаетъ, что князь Владиміръ *ни въ какомъ случаѣ* не былъ *одновременно* фогтомъ въ Аутине и въ Идумеѣ. Онъ былъ фогтомъ короткое время (зимою 1212—1213 г.) сперва въ Аутине, *пока не произошелъ обмѣнъ* и рыцари ордена не получили, вмѣсто своей части въ Куконосѣ, епископское владѣніе Аутине, т. е. въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1213 г. (см. стр. 60 этого труда); *тогда* князя Владиміра вознаградили тѣмъ, что епископомъ Альбертомъ ему было передано только что ставшее свободнымъ мѣсто фогта въ Идумеѣ, гдѣ жили ливы (= идумейцы) и латыши (XVI, 7). Какъ фогтъ «идумейцевъ и леттовъ» (или «въ Идумеѣ и Летляндіи») онъ встрѣчается въ 1213 и 1214 гг. всего три раза (XVII, 248
4, XVII, 6, и XVIII, 2); въ XVII, 6 именно сказано, что онъ имѣетъ свое мѣстопребываніе въ Метимне (sedit Metimne). Уже Pabst (S. 185, Anm. 6 zu § 6) замѣчаетъ по поводу имени «Metimne», которое по Codex Zamoiscianus можно также читать «Metinme, Metinine, Metinuje»: «Etwa Mojahe, lett. Muhjene; oder gar Wolmar (ehemals auch Woldemar), lett. Wolmere, russ. Wlademerez». Слѣдовательно «Metimne» и Autine были два различныхъ мѣста.

Прямо противъ меня, впрочемъ меня не называя, полемизируетъ д-ръ Биленштейнъ на стр. 84, пунктъ 1, гдѣ рѣчь идетъ объ «Аутине». Разбирается точка зрѣнія, выставленная мною въ противоположность утвержденію графа К. Г. Сиверса, будто Аутине находилось въ шести миляхъ къ юговостоку отъ Вольмара у истоковъ р. Аа, слѣдовательно на лѣвомъ ея 249

берегу; я же ставлю на видъ, что согласно двумъ мѣстамъ въ хроникѣ Генриха — XIII, 5 (въ концѣ) и XVI, 3 (въ началѣ) — *Аутине* должно было лежать на *правомъ*, а *Зотекле* на *лѣвомъ* берегу Аа. Д-ръ Биленштейнъ не останавливается однако на этихъ *двухъ* мѣстахъ и сверхъ того упускаетъ изъ виду, что Аутине уже въ 1209 (или началѣ 1210) г. перешло во владѣніе епископа Альберта. Кромѣ того, если по г. Биленштейну Аутине стояло на возвышенности «Walterhügel» (значитъ на *правомъ* берегу Аа), то войско сакаланъ и уганцевъ въ 1215 г. два раза должно было переходить Аа; на этомъ и остановился г. Биленштейнъ по примѣру графа Сиверса (S. 84, Punkt 8, внизу). Что касается меня, то соображеніе графа Сиверса съ самаго начала уже не было упущено мною изъ виду, только я не приписывалъ ему такого большого значенія, такъ какъ
250 болѣе важныя свидѣтельства дѣлаютъ для меня теперь еще болѣе вѣроятнымъ, что Аутине стояло на правомъ берегу Аа. Не смотря на это я думаю, что, въ виду неполноты доставляемаго намъ источниками матеріала, мы все еще не имѣемъ права переносить имена Аутине, Беверинъ и Зотекле на опредѣленныя, сохранившіяся отъ глубокой старины туземныя укрѣпленія.

По поводу другой моей работы «Mitth.» Bd. XV, S. 48 Anm. нахожу у д-ра Биленштейна — стр. 474, замѣч. 71 — слѣдующее недоразумѣніе: *не я* отождествляю ручей «Reciza» съ ручьемъ «Iwah», близь Нитцегаля, а I. Дёрингъ, котораго я цитирую; напротивъ того я въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ какъ разъ утверждаю то, что предполагаетъ теперь д-ръ Биленштейнъ.

Достойно сожалѣнія то, что д-ръ Биленштейнъ тамъ, гдѣ — на
251 стр. 76 — онъ объясняетъ производство и значеніе слова «Lettgallia», не входитъ въ разсмотрѣніе толкованія, предложеннаго мною, но ограничивается только указаніемъ въ примѣчаніи, что я «Mitth.» Bd. XIV, S. 84 Anm. предложилъ «подобное же». Разногласіе разрѣшается, повидимому, довольно легко, но было бы желательно услышать рѣшеніе отъ ученаго авторитета въ области латышскаго языкознанія, которому исторія прибалтійскаго края также обязана столькими чрезвычайно цѣнными вкладами.

Съ особеннымъ удовольствіемъ могу здѣсь отмѣтить, что д-ръ Биленштейнъ позднѣе присоединился къ вышеизложеннымъ моимъ соображеніямъ, именно по скольку они касаются опредѣленія размѣровъ земли То-
252 лова — см. «Protokoll der fünfundsechzigsten Jahresversammlung der Let-

tisch-Litterärischen Gesellschaft S. 10 и много разъ цитированный выпускъ изданія «Magazin» (Mitau 1874) S. 152. Кромѣ этого вопроса, когда появилось сочиненіе д-ра Биленштейна, я въ началѣ не находилъ возраженій противъ того, что высказано въ немъ по поводу Аутине, Беверина и Зотекле; однако новое внимательное изученіе вопроса привело меня къ только что высказанному скептическому воззрѣнію, которое я и изложилъ — по крайней мѣрѣ что касается Аутине — въ присланной мною въ «Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen» статьѣ, прочитанной тамъ 13 сентября 1895 года. Къ этому моему мнѣнію, повидимому, присоединился и д-ръ Биленштейнъ: по крайней мѣрѣ онъ не признаетъ уже тождественности «Autine» и «Metimne» (см. «Düna-Zeitung» 1895 № 283, затѣмъ «Protokoll der siebenundsechzigsten Jahresversammlung der Lettisch-Litterarischen Gesellschaft», S. 23,— Mitau, 1896) Не вытекаетъ ли изъ этого и *нетождественность* Аутинэ и *Вольмара*? Можно ли считать достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы отождествить ихъ, фактъ пребыванія князя Владиміра въ Аутинэ, продолжавшагося, какъ извѣстно, самое большее нѣсколько мѣсяцевъ? Не правдоподобнѣе ли было бы предположеніе, что Метимнэ получило новое названіе отъ имени князя: Володиміръ?!

эпиграфъ: «carissima veritas!». Также и раньше, на стр. 81, говорится уже, что я *«вполнѣ довѣряю Генриху Летляндскому»* и т. д. И вообще, какъ то должно явствовать изъ приводимыхъ ниже безчисленныхъ возраженій г. Сапунова, мое изложеніе событій *въ весьма многихъ и существенныхъ пунктахъ* никакъ не можетъ претендовать на правдивость — съ одной стороны по причинѣ моихъ «предвзятыхъ взглядовъ», съ другой вслѣдствіе моего слишкомъ большого довѣрія къ хроникѣ Генриха Летляндскаго.

Не признавъ нигдѣ положительной цѣны за тѣмъ или другимъ моимъ выводомъ, г. Сапуновъ нагромождаетъ свои возраженія въ такомъ внушительномъ количествѣ, что читатель можетъ прямо таки придти въ недо- 256
умѣніе, когда послѣ выше приведенныхъ, довольно безразличныхъ одобреній научныхъ достоинствъ моей работы, встрѣтитъ заключеніе г. Сапунова, что работа моя достойна получить премію гр. Уварова! Невольно напрашивается вопросъ, *не можетъ ли упрекъ въ предвзятости сужденій обращенъ быть на самого критика*, который въ своей рецензіи умѣлъ только порицать и порицать, такъ какъ непонятно, что же побудило его въ концѣ концовъ объявить мой трудъ достойнымъ искомой награды.

Но остановимся ненадолго на двухъ главныхъ и весьма существенныхъ обвиненіяхъ противъ меня, на которыя было только что указано. Руководился ли я предвзятыми взглядами? Въ отвѣтъ на это сошлюсь на сужденіе безпристрастнаго и высокоавторитетнаго судьи, выраженное имъ гдѣ слѣдовало. *Съ разрѣшенія академика Куника я могу сообщить, что въ засѣданіи Императорской Академіи 25 февраля 1898 г. знаменитый уче-* 257
ный самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ заслуженности сдѣланнаго мнѣ упрека въ «предвзятости взглядовъ». Въ подтвержденіе этого академикъ Куникъ сослался на различныя мѣста другихъ моихъ работъ, которыя могутъ свидѣтельствовать, наоборотъ, о моемъ *безпристрастіи*, — особенно на указанное мною русское происхожденіе нѣсколькихъ важныхъ въ культурномъ отношеніи латышскихъ словъ, какъ «basniza» (божница, церковь) и «grehks» (грѣхъ), о чемъ я писалъ въ изданіи «Sitzungsberichte für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands», 1891 г., стр. 119; — а также на мои соображенія насчетъ латышскихъ и эстонскихъ названій дней недѣли, и ихъ совпаденія со счисленіемъ восточной церкви — въ «St. Petersburger Zeitung», № 212 отъ 30-го іюля 1896 года[180]). *Переходя затѣмъ къ характеристикѣ Генриха* 258

180) Эти и другія относящіяся къ дѣлу подробности я разсмотрѣлъ недавно обстоятельнѣе въ небольшой статьѣ: «Zur Frage der kulturellen Beeinflussung der Letten durch die Russen in der vordeutschen Periode», напечатанной въ изданіи: «Magazin herausgegeben von der Lettisch-Litterärischen Gesellschaft» Bd. XX, Stück 1, S. 14 f. (Mitau 1897). По поводу предпосланнаго редакціей примѣчанія см. Протоколъ 69-го годичнаго собранія вышеука-

не однажды рѣшительно высказываться противъ достовѣрности сообщаемыхъ Генрихомъ подробностей, напр. на стр. 42 по поводу договора, заключеннаго въ Троицынъ день 1207 г. епископомъ Альбертомъ и куконосскимъ княземъ Вячко. Здѣсь было бы слишкомъ длинно пускаться въ болѣе подробныя указанія. Но отмѣчаемые мною недочеты хроники Генриха все же *въ цѣломъ не подрываютъ существенно ея достовѣрности*, таково мнѣніе извѣстныхъ изслѣдователей и въ особенности Гильдебранда въ его прекрасной монографіи, на которую я ссылаюсь на стр. 29; у него вопросъ разсмотрѣнъ обстоятельно, хотя и не въ примѣненіи спеціально къ темѣ моего изслѣдованія. Какъ бы то ни было, и имѣя дѣло съ хроникой Генриха Летляндскаго, каждый изслѣдователь *обязанъ, подвергать въ каждомъ данномъ случаѣ ея свидѣтельства провѣркѣ, насколько* 262
такая провѣрка возможна, и я не думаю, чтобы я пренебрегъ этой обязанностью.

Критика г. Сапунова весьма своеобразна. Послѣдуемъ за нимъ шагъ за шагомъ, что облегчитъ намъ трудъ разысканія отдѣльныхъ возраженій; пусть читатель самъ сдѣлаетъ окончательный выводъ, отъ котораго я лично воздержусь.

Необходимо предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній. Въ то время, какъ я пользовался новымъ изданіемъ Генриха, а именно изданіемъ Вильг. Арндта, напечатанномъ въ «Monumenta Germaniae historica», г. Сапуновъ положилъ въ основу своей рецензіи устарѣлое изданіе А. Гансена въ «Scriptores rerum Livonicarum» Bd. I, 1853), сдѣланное съ болѣе позднихъ рукописей Грубера и I. Г. Арндта; этимъ объясняется *различіе цитированныхъ* мною и г. Сапуновымъ *мѣстъ текста*. Можно найти также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *разницу между моими собственными сло-* 263
вами въ русской рукописи моей работы и явившемся въ позднѣйшее время нѣмецкомъ ея изданіи[182]); эти измѣненія редакціи сдѣланы мною лишь съ той цѣлью, чтобы отдѣльныя мысли выступили съ большею силою и, что я старательно подчеркиваю, сдѣланы отнюдь не подъ вліяніемъ критики г. Сапунова; эти измѣненія внесены мною и въ это русское изданіе. Съ другой стороны г. Сапуновъ не всегда цитируетъ меня съ буквальной

---

182) Это нѣмецкое изданіе явилось подъ заглавіемъ: «Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert» въ годовомъ отчетѣ училища Св. Анны 1897 г., а также отдѣльнымъ оттискомъ у Эггерса и Ком., въ С.-Петербургѣ; далѣе, также на нѣмецкомъ языкѣ, мною напечатано возраженіе на критику г. Сапунова подъ заглавіемъ: «Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen im XIII. Jahrhundert in der Beleuchtung des Herrn A. Ssapunow», St. Petersburg, Eggers & K°. 1898.

князей Герцике и Куконоса, удѣльныхъ по отношенію къ Полоцку! Дальше слѣдуетъ у г. Сапунова цитата со стр. 144 (съ превращеніемъ придаточнаго предложенія въ главное): «Зависимость Толовы отъ сосѣднихъ русскихъ князей [прибавлено: псковскихъ и новгородскихъ] съ самаго начала была очень слаба»; а непосредственно затѣмъ цитата со страницы 145-ой: «Въ то время какъ нѣмцы приходятъ въ соприкосновеніе съ эстами, т. е. въ первое десятилѣтіе XIII вѣка, они застаютъ этихъ послѣднихъ независимыми». Замѣчу сверхъ того, что г. Сапуновъ *рѣшительно нигдѣ въ своей рецензіи* даже не упоминаетъ о приводимыхъ мною *основаніяхъ*, не говорю ужъ о серьезной оцѣнкѣ имъ этихъ послѣднихъ, — *почему* одни только двинскіе ливы обложены были данью, *почему* зависимость Толовы была слабая, *почему*, наконецъ, къ началу XIII столѣтія эсты не были совсѣмъ данниками Новгорода; между тѣмъ все это — вопросы, которые 268
имѣютъ въ данномъ случаѣ величайшую важность! — Приведя точно такимъ же неудовлетворительнымъ образомъ цитаты изъ моего труда также подъ 2) и 3) пунктами, на которыхъ я пока не останавливаюсь, такъ какъ въ I отдѣлѣ рѣчь идетъ только о пространственномъ распространеніи владычества русскихъ, г. Сапуновъ кратко резюмируетъ ихъ содержаніе и затѣмъ заявляетъ: «*Ни съ однимъ изъ этихъ положеній автора безусловно нельзя согласиться*».

Послѣ этого г. Сапуновъ приводитъ *рядъ мѣстъ изъ весьма разнообразныхъ источниковъ*, будто бы меня опровергающихъ. Но значительная часть ихъ вовсе не можетъ даже относиться ко мнѣ, на томъ уже простомъ основаніи, что я въ своемъ трудѣ устанавливаю только фактъ «распространенія русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ *въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій*», что весьма опредѣленно подчеркиваю на стр. 3 и въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ мнѣ нечего 269
дѣлать ни съ «Эймундовой сагой» (стр. 82), ни съ «Snorre Sturlusons» (стр. 83), ни съ русскими лѣтописями отъ «Лаврентьевской» до первой Новгородской: «Въ лѣто 6700» (стр. 84 и 85) — включительно: они не могутъ говорить противъ меня, потому что излагаютъ событія *болѣе ранняго* періода. Что же касается цитатъ изъ грамоты № XV въ Собраніи Бунге, изъ Генриха Летляндскаго, Арнольда Любекскаго и, наконецъ, позднѣйшихъ отдѣловъ русскихъ лѣтописей, то среди нихъ не найдется ни одного мѣста, *которымъ бы я не воспользовался въ надлежащей мѣрѣ*. Равнымъ образомъ не имѣетъ значенія, какъ будетъ показано въ концѣ, и документъ № X Собранія. Для внимательнаго разбора слѣдуетъ остановиться только на цитатахъ изъ *трехъ другихъ источниковъ*, а именно:

1. Въ старинной лифляндской хроникѣ, написанной стихами («Reimchronik») находимъ такіе стихи (645—648):

устарѣлыхъ указаній г. Сапунова, — уже въ 1874 г. былъ напечатанъ въ своемъ *«первоначальномъ и полномъ видѣ»* въ V томѣ изданія «Scriptores rerum Prussicarum» Т. Гирша — подъ заглавіемъ: *«Die jüngere Hochmeisterchronik»*. Приводимое г. Сапуновымъ мѣсто читается на стр. 73 такъ: «Dese meister [Vinne] was seer wys van opset, van rade ende stout van moede, *ende in desen tyden stont der Oselen lant, Lieflant ende der* 273 *Letten lant al onder den Ruysschen, sonder dat die kersten ingewonnen hadden»* и т. д. Хроника составлена только въ послѣдней четверти XV столѣтія и, кромѣ того составлена она далеко на западѣ, въ одной изъ нидерландскихъ баллей нѣмецкаго ордена. Т. Гиршъ, издавшій и обработавшій ее, считаетъ ее совершенно незначительной. Такъ напр. на стр. 41 онъ говоритъ: «Nach allen diesen dargelegten Momenten kann diese Chronik *in keiner Beziehung auf den Namen einer Quellenschrift für die ältere, der Mitte des fünfzehnten Jahrhunderts voraufgehende preussische Geschichte Anspruch machen* [а какъ доказываютъ соображенія Гирша, то же относится *и къ лифляндской исторіи*]; *sie kann so wenig dafür gelten, dass vielmehr jede für die angegebene Zeit in ihr enthaltene Thatsaehe erst dann Glauben verdient, wenn sie auf eine andere glaubwürdigere Quelle zurückgeführt werden kann»*. Кромѣ того приведенный выше отрывокъ хроники, въ которомъ идетъ рѣчь о первомъ лифляндскомъ магистрѣ 274 ордена Венно († 1209), заимствованъ, по словамъ того же Гирша, изъ лифляндской стихотворной хроники (стихи 625—685), непригодность которой какъ источника для исторіи начала XIII столѣтія была только что отмѣчена нами. Впрочемъ г. Сапуновъ на стр. 87 пробуетъ замѣнить слова «der Oselen lant» словами «земля селоновъ»; такая поправка дѣйствительно подтверждала бы его предположеніе. Но прибавка: «sonder dat die kersten ingewonnen hadden» (т. е. «кромѣ той [страны], которую заняли христіане») содержитъ *ограниченіе*, которое г. Сапуновъ *опускаетъ* и, подводя итогъ на стр. 87, совершенно невѣрно утверждаетъ, будто по свидѣтельству «Chronicon» — «вся земля Озельская (Селоновъ?), Ливская и Латышская состояла подъ властью русскихъ».

3. Наконецъ, на стр. 83 г. Сапуновъ приводитъ по Гансеновскому изданію хроники Генриха Летляндскаго въ «Scr. rer. Liv.», Bd., I S. 250 одно 275 мѣсто изъ *«Chronicon Episcoporum Lincopensium»* Іоганна Мессеніуса, въ которомъ упоминается о походѣ шведовъ въ область Викъ (Wiek) въ 1220 г. (ср. Генрихъ XXIV, 3). Тамъ говорится именно, что этотъ походъ былъ предпринятъ *«in Russiam»* и что епископъ Линкöпингскій былъ убитъ «a furiosa *Ruthenorum* gente in Recalom». Подъ «Recalom» слѣдуетъ понимать Роталія въ Викѣ, а подъ «Russia, и «Rutheni» — Эстляндію и эстовъ. Слѣдовательно — такъ заключаетъ г. Сапуновъ — «Messenius Эстонію причисляетъ

къ Россіи» (стр. 87). Но что же это доказываетъ? Іог. Мессеній былъ извѣстный и весьма плодовитый шведскій писатель первой половины XVII столѣтія и умеръ въ 1637 г. (см. A. A. Stierman, Bibliotheca Suiogothica, tom. II, S. 128 f. Holmiae anno MDCCXXXI); «Chronicon Episc. Lincop.» составляетъ VII главу его «Chronicon apud Sueones Gothosque episcoporum». Я сожалѣю, что мнѣ не удалось доискаться, взялъ ли Мессе-
276 ній выраженія «Russia» и «Rutheni» изъ болѣе ранняго источника и, если это такъ, то изъ какого, или самъ обмолвился этими ошибочными терминами. (Г. Сапуновъ на стр. 83, примѣч. 4 — приводитъ, что на одной картѣ 1459 г., составленной «fra Mauro», «въ Лифляндіи» подъ обозначеніемъ «Revele» сдѣлано замѣчаніе: «это портъ Россіи». Въ какомъ смыслѣ составитель карты понималъ это замѣчаніе, я не могу рѣшить изъ приведеннаго сообщенія: понималъ ли онъ это въ томъ смыслѣ, что Ревель принадлежитъ русскимъ или что они имъ пользуются для ввоза или вывоза?). *Во всякомъ случаѣ указаніе, находимое нами у Мессенія, не имѣетъ никакой важности по сравненію съ столь подробными данными, которыя сообщаетъ* объ эстахъ въ первую четверть XIII столѣтія *лифляндскій хронистъ!* — Долженъ исправить также ошибку Гансена въ цитирован-
277 номъ г. Сапуновымъ отрывкѣ: будто подъ этимъ именемъ [Russia] и въ другихъ мѣстахъ подразумѣвается Эстонія — по словамъ Гр[убера] Ind. III, s. v. Silv. doc. N. V. b. Cp. Arndt. VII, 7». Справившись съ I. O. Gruber, Origines Livoniae (Francoforti et Lipsiae, anno MDCCXL), я убѣдился, что тамъ рѣчь идетъ не объ «Эстоніи», а о Ливоніи и что тотъ документъ «N. V. b.» есть № X «Собранія» Бунге.

Сообразивъ все вышеприведенное, видимъ, что выводы г. Сапунова относительно пространственнаго распространенія русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ привели къ странному результату: *получилось хаотическое смѣшеніе научно допустимаго съ научно недопустимымъ.* Научно допустимое относится отчасти къ вопросамъ изъ такого періода времени, который не входитъ въ область моего изслѣдованія; съ другой же стороны онъ сообщаетъ такіе факты, которые совпадаютъ съ моимъ изложеніемъ предмета. *Среди же научно допустимаго нѣтъ ничего, что бы противорѣчило моимъ выводамъ!*

278 Въ подкрѣпленіе *своихъ* выводовъ г. Сапуновъ приводитъ на стр. 87 и слѣд. рядъ выписокъ изъ русскихъ историковъ. «Всѣ русскіе историки, замѣчаетъ онъ, признаютъ, что народы, жившіе въ прибалтійскомъ краѣ, находились въ бо́льшей или меньшей зависимости отъ князей русскихъ». Насколько справедливо такое утвержденіе въ частностяхъ, объ этомъ могутъ судить читатели сами. Я же не останавливаюсь на провѣркѣ этого утвержденія прежде всего потому, что указанные здѣсь авторы, собственно

говоря, не разрабатываютъ *моей темы*: владычество русскихъ въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія, — а ведутъ рѣчь о такихъ историческихъ отношеніяхъ, которыя имѣли мѣсто на нѣсколько столѣтій *раньше*. Переходя на стр. 88 къ *нѣмецкимъ историкамъ прибалтійскаго края*, г. Сапуновъ замѣчаетъ: «вообще говоря, только въ послѣднее время замѣчается *тенденція* ихъ ослаблять какъ въ объемѣ, такъ и въ степени первоначальное вліяніе русскихъ въ прибалтійскомъ краѣ». Именъ и цитатъ рецензентъ 279
не приводитъ; между тѣмъ то, что обозначено здѣсь словомъ «тенденція», является въ большинствѣ случаевъ просто *результатомъ успѣховъ научной исторической критики*, которая между прочимъ и въ разбираемыхъ мною вопросахъ заставила отбросить не одно наивное воззрѣніе прежняго времени.

Наконецъ, по утвержденію критика на стр. 88 и слѣд., *и у меня* можно указать такія мѣста, гдѣ я *противорѣчу первоначальнымъ моимъ утвержденіямъ* (относительно пространственнаго протяженія владычества русскихъ)! Но что же находимъ далѣе? Рядъ цитатъ изъ моей работы, которыя на самомъ дѣлѣ *ровно ничего такого не содержатъ*, что бы сколько нибудь стояло въ противорѣчіи съ моими выводами. Въ этомъ могутъ убѣдиться сами читатели; а для облегченія справокъ привожу двойное обозначеніе страницъ: по русскому манускрипту и по нѣмецкому печатному тексту 280
моей работы: стр. 40 русскаго перевода соотвѣтствуетъ стр. 20 (внизу)— нѣмецкаго изданія; стр. 125 — стр. 61 (внизу) и 62 (вверху); стр. 188— 189 — стр. 90; стр. 200 — стр. 95; стр. 208 — стр. 99; стр. 209 — стр. 99. Только въ одномъ мѣстѣ, можетъ быть, *на первый взглядъ покажется* читателю, что противорѣчіе есть. На стр. 40 (вверху) я говорю о томъ, что ливы изъ мѣстности Торейда въ 1206 г. «по зову князя Владиміра Полоцкаго приняли участіе въ осадѣ Икскуля». Г. Сапуновъ на это замѣчаетъ: «Слѣдовательно Торейда зависѣла отъ Владиміра». Смѣлое заключеніе! Если я кого нибудь *«зову»* на помощь и онъ приходитъ, это еще не значитъ, что онъ отъ меня зависитъ. Если же мое выраженіе само по себѣ неясно г. Сапунову, то онъ могъ бы убѣдиться, справившись съ Генрихомъ X, 12, что тамъ нѣтъ употребленнаго мною слова« auffordern», а сказано: «Misit itaque rex nuncios Thoredensibus et Lethhis et paganis in circuitu, ut omnes contra Rigenses venirent in expeditionem. 281
Unde gavisi [?] Thoredenses conveniunt» и т. д. — *Почти невѣроятной небрежностью* со стороны г. Сапунова является то, что онъ *«противорѣчіе съ предыдущимъ изложеніемъ»* усматриваетъ въ моемъ замѣчаніи (на стр. 61 — внизу), что укрѣпленіе Аутине находилось во владѣніи князя Герцике! Въ чемъ же однако противорѣчіе, если я уже *гораздо раньше, многократно и еще обстоятельнѣе* говорилъ про этотъ полоцкій удѣлъ

духовнаго, такъ и матеріальнаго характера, — *владычество ли русскихъ* до начала XIII столѣтія, которое выражалось только въ полученіи дани да, можетъ быть, еще въ войсковой повинности, или же *господство нѣмцевъ*, пришедшее на смѣну первоначальному русскому владычеству, господство, культурное значеніе котораго я уже характеризовалъ кратко на стр. 223 моего сочиненія? — Далѣе г. Сапуновъ говоритъ такъ: «Тѣмъ не менѣе зависимость эта была въ то время для всѣхъ очевидна и не возбуждала никакихъ сомнѣній. Надѣюсь, авторъ не заподозритъ папу Климента III ни въ пристрастіи къ русскимъ, ни въ томъ, что онъ пользовался въ данномъ случаѣ невѣрными свѣдѣніями, а между тѣмъ этотъ папа говоритъ прямо, что *епископство Икскюльское* находится in Ruthenia».

Г. Сапуновъ здѣсь *не знаетъ* — такъ по крайней мѣрѣ я готовъ ду- 285
мать, хотя и трудно предположить это — *противъ кого возражаетъ*. Ему стоило только перечитать стр. 3—5 моей работы, чтобы убѣдиться, что я какъ разъ *возстаю* и возстаю съ доказательствами противъ того мнѣнія, будто бы до XIII столѣтія «владычества» русскихъ *не было*. Булла папы Климента III слѣдовательно не опровергаетъ меня, а напротивъ *подтверждаетъ* выводъ, къ которому я *пришелъ самъ!* — положимъ сперва на основаніи общихъ соображеній.

Во *II отдѣлѣ* рецензіи (стр. 89—100) г. Сапуновъ разсматриваетъ вопросъ о прекращеніи русскаго владычества, въ частности — вопросъ о томъ, *отказались ли русскіе отъ своего господства въ двинскомъ краѣ и въ Эстляндіи*, между тѣмъ какъ я вопросъ объ отказѣ ихъ владѣть Толовой, 286
какъ то упоминаетъ и г. Сапуновъ на стр. 81 (на первой строкѣ которой нужно впрочемъ вмѣсто «1210» г. поставить 1212), оставилъ открытымъ въ виду неполноты матеріала, доставляемаго источниками.

Г. Сапуновъ прежде всего возражаетъ противъ того мѣста хроники Генриха Летляндскаго XVI, 2, гдѣ говорится о томъ, какъ *князь Владиміръ полоцкій отступился отъ владѣнія двинскимъ краямъ* въ 1212 г. подъ условіемъ — какъ тамъ сказано — «чтобы былъ заключенъ между ними вѣчный миръ, какъ противъ литовцевъ, такъ и противъ другихъ язычниковъ, и чтобы купцамъ всегда былъ открытъ свободный путь по Двинѣ». Противъ факта отреченія отъ господства г. Сапуновъ приводитъ слова Костомарова: «Фактъ самъ по себѣ невѣроятный и темный, безъ подробностей, которыя отъ насъ укрылись» («Сѣверно-русскія народоправства», стр. 337), указываетъ въ примѣчаніи также на Соловьева, возраженія котораго однако были уже опровергнуты мною на стр. 88 и слѣд., и 287
далѣе, отмѣтивъ содержаніе заключеннаго русскими договора, разсуждаетъ

который князь Мстиславъ Давыдовичъ Смоленскій отъ своего имени и отъ имени князей Витебска и Полоцка заключилъ съ купцами Риги и Готланда; договоръ этотъ — на этотъ разъ въ наибольшемъ объемѣ — установилъ безпрепятственную торговлю обѣихъ сторонъ на началахъ полной взаимности и самой широкой свободы[186]).

Наконецъ, г. Сапуновъ выдвигаетъ еще слѣдующее. *Во первыхъ.* Еще въ разсказѣ о послѣднемъ нападеніи, предпринятомъ княземъ Владиміромъ въ 1216 г., Генрихъ (XIX, 10) говоритъ опредѣленно, что «онъ всегда искалъ, какъ бы ниспровергнуть ливонскую церковь». Между тѣмъ 291
замѣчаніе хрониста: «qui semper Lyvonensem ecclesiam querebat disturbare», выраженное *относительнымъ придаточнымъ предложеніемъ*, даетъ на самомъ дѣлѣ лишь *самую общую* характеристику факта, причемъ нужно обратить вниманіе еще на то, что Владиміръ предпринялъ походъ не по собственному почину, но *побуждаемый къ тому эстами* и *въ союзѣ* на этотъ разъ *съ литовцами*.

Во вторыхъ. Г. Сапуновъ удивляется, что хронистъ не упоминаетъ, при этомъ случаѣ, ни однимъ словомъ о мирѣ 1212 г. и не дѣлаетъ князю никакого упрека за нарушеніе мира; но такое недоумѣніе рецензента совершенно субъективно, настолько же субъективно, какъ то, что онъ этотъ миръ называетъ почему то «пресловутымъ»! Притомъ я могъ бы напомнить то, что сказано въ моемъ сочиненіи, а именно, что, по мнѣнію Генриха (XXV, 2), Божія Матерь *Повелительница* (слѣдовательно, особая 292
Покровительница) *Лифляндіи*, вмѣстѣ Царица Небесная и Повелительница міра и всѣхъ странъ, «*покарала*» русскаго князя внезапной смертью, какъ только онъ вторгся въ Лифляндію.

Разсказъ Генриха о томъ, что русскій князь отказался отъ дани, которую платили ливы, при ближайшемъ разсмотрѣніи не заключаетъ въ себѣ — вопреки мнѣнію Костомарова — ничего «невѣроятнаго», ни особенно «темнаго»; и я думаю, что приведенныя при томъ «подробности» только подкрѣпляютъ и усиливаютъ правдоподобіе разсказа. При оцѣнкѣ положенія вещей мы должны прежде всего исходить изъ того факта, который г. Сапуновъ упускаетъ изъ виду, — что князь Владиміръ *уже тогда, когда онъ приглашалъ епископа* Альберта на свиданіе въ Герцике, могъ вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить послѣдняго о томъ, что онъ хотѣлъ бы не 293
только «привлечь его къ отвѣту» по поводу ливской дани, но и договориться

186) Bunge «Urkundenbuch» Bd. I, Nr. CI. Сохранилось нѣсколько редакцій въ Ригѣ; онѣ составляютъ, какъ извѣстно, въ то же время древнѣйшіе изъ сохранившихся въ подлинникѣ русскихъ грамотъ и описаны съ соотвѣтствующими указаніями въ «Katalog der Ausstellung zum X. archäologischen Kongress in Riga 1896» (Riga, W. F. Häcker 1896), стр. 176 и слѣд. О торговлѣ на Двинѣ см. H. Hildebrand, «Das deutsche Kontor zu Polozk» въ «Balt. Monatschrift», 1873, стр. 342 и слѣд.

его притомъ подарками) — крестить язычниковъ - ливовъ. Достаточно сказать, что, когда князь Владиміръ велѣлъ своему войску отступить, онъ явился снова передъ епископомъ Альбертомъ и при этомъ «привѣтствовалъ его», чего не было при первой встрѣчѣ, «*съ почтеніемъ*, какъ своего духовнаго отца, и самъ былъ, по словамъ хрониста, принятъ имъ какъ сынъ». Намъ сообщается лишь результатъ ихъ «устныхъ переговоровъ, при которыхъ они тщательно разсмотрѣли все, что служило дѣлу мира». При этомъ можно понять, какъ опытный, и настойчиво подвигавшійся къ своей цѣли епископъ Альбертъ, который за свое многолѣтнее управленіе одерживалъ не разъ болѣе важныя дипломатическія побѣды, могъ взять верхъ надъ неустойчивымъ и податливымъ княземъ[189]) и склонить его къ договору. Рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи былъ уже сдѣ- 297
ланъ княземъ, когда онъ отозвалъ войска и явился лично въ лагерь епископа: въ личныхъ переговорахъ съ настойчивымъ и болѣе его опытнымъ соперникомъ онъ, по складу своего характера, врядъ ли могъ оказать серьезное сопротивленіе. Да и много ли въ сущности значилъ для него отказъ отъ дани двинскихъ ливовъ, послѣ того какъ Куконосъ давно палъ, у князя Герцике была отнята значительная часть его области и онъ, съ остатками своихъ прежнихъ владѣній, сдѣлался вассаломъ епископа, если бы даже и можно было ожидать, что князь Всеволодъ, вопреки ленной присягѣ епископу, будетъ временно держать сторону полоцкаго князя? Къ этому присоединилось еще не разъ выраженное самими ливами желаніе, чтобы «епископъ освободилъ ихъ совсѣмъ отъ уплаты дани русскимъ». — *На основаніи всего изложеннаго здѣсь и еще раньше — въ моемъ сочиненіи — становится очевиднымъ, что вѣское обвиненіе* г. Сапунова, *будто раз-* 298
сказъ объ отказѣ отъ ливской дани есть вымыселъ хрониста, — совершенно несостоятельно. Правда, Генрихъ *оставляетъ сознательно въ тѣни* нѣкоторыя непріятныя ему подробности — *я допускаю* вполнѣ и въ моемъ первомъ сочиненіи *возможность* того, что князь Владиміръ имѣлъ основаніе привлечь «къ отвѣтственности» епископа по поводу дани ливовъ (чего доказать однако нельзя!); но чтобы Генрихъ *выдумалъ* столь важный *фактъ*, какъ отказъ полоцкаго князя отъ ливской дани, — на это не можемъ никакъ считать его способнымъ. Характеристично также, что только тѣ изслѣдователи, которые не знакомы ближайшимъ образомъ съ хроникой Генриха, выражаютъ сомнѣнія по поводу даннаго вопроса. Тѣ же, кто, изучая хронику Генриха долго и основательно, сумѣли оцѣнить ее по до-
стоинству, какъ напр. Е. Боннель и проницательный Эд. Пабстъ, — от- 299
носятся съ полнымъ довѣріемъ и къ этому мѣсту его разсказа.

---

189) Генрихъ (XI, 8) называетъ его: «nimium credulus».

Такое *рѣшительное* отреченіе отъ своихъ правъ, со стороны полоцкаго князя Владиміра, которое совершилось въ 1212 г. при Герцике, очевидно имѣло значеніе *фактическаго признанія* имъ верховныхъ правъ епископа Альберта, какъ единаго повелителя области *двинскихъ латышей*. Рѣчь шла въ особенности: 1) объ обладаніи упраздненнымъ кукопосскимъ княжествомъ, 2) о непосредственномъ владѣніи обширной областью, отторгнутой отъ княжества Герцике, и 3) о вассальной зависимости князя Герцике отъ Рижскаго епископства. На стр. 75 и слѣд. моего перваго сочиненія я уже указалъ на то, что по миру 1210 года во всякомъ случаѣ «могло быть достигнуто молчаливое признаніе statu quo»; къ тому же я возвращаюсь и на стр. 90 по другому поводу. Хотя хронистъ не говоритъ этого
300 прямо, но послѣдовавшій въ 1212 году отказъ русскаго князя отъ дани двинскихъ ливовъ заключалъ въ себѣ, согласно *правовымъ воззрѣніямъ эпохи*, и этотъ несомнѣнный смыслъ, что и всѣ другія прерогативы верховной власти надъ латышскимъ краемъ *утрачивались* съ этого времени русскими. Въ началѣ XIII столѣтія, навѣрно, никто не ломалъ себѣ головы надъ тѣмъ, насколько такое толкованіе совпадало буква въ букву съ договоромъ: такъ теоретически въ то время не разсуждали, а руководились въ разрѣшеніи вопроса *наличными фактами*. Въ *этомъ* именно смыслѣ я и понималъ — поскольку вопросъ касался распространенія полоцкаго владычества въ *ливскомъ и латышскомъ* краѣ — приводимую ниже тираду (со стр. 114 моей большой работы), которая возбуждаетъ сомнѣнія въ г. Сапуновѣ (на стр. 81 и 89 и слѣд.): «Мы видѣли, что, хотя во всѣхъ другихъ мѣстахъ господство нѣмцевъ было *вполнѣ признано* русскими,
301 въ одной только области [Толовѣ, платившей дань Полоцку] оно было признано невполнѣ».

Въ виду этого теряютъ всякое значеніе слова г. Сапунова, которыми онъ (на стр. 91) такъ заканчиваетъ свой краткій отчетъ о судьбѣ *Куконосскаго княжества:* «Слѣдовательно князь Вячко сжегъ городъ, но не подчинился». Послѣдняго я, вообще говоря, нигдѣ и не утверждалъ; напротивъ, на своемъ мѣстѣ (стр. 51) я выразился такъ: «Такъ перестало существовать княжество Куконосъ, оставленное самими русскими». Наконецъ, странное производитъ впечатлѣніе замѣчаніе, которое г. Сапуновъ дѣлаетъ въ заключеніе своего очерка исторіи *княжества Герцике* (на стр. 93): «И такъ, вопросъ о добровольномъ *отказѣ* князя Всеволода отъ Герцике остается, во всякомъ случаѣ, крайне неяснымъ и потому не рѣшеннымъ». Гдѣ и когда говорилъ я о «добровольномъ отказѣ» Всеволода? Еще разъ
302 мы натолкнулись на такое *элементарное недоразумѣніе*, что я не имѣю надобности даже опровергать его! Я могу, такимъ образомъ, съ твердымъ убѣжденіемъ повторить все то, что я сказалъ о судьбѣ Герцике на

стр. 51—68 и 90—112; мнѣ нужно только остановиться ненадолго на двухъ примѣчаніяхъ (1 и 3) къ стр. 92, гдѣ г. Сапуновъ хочетъ, повидимому, быть болѣе самостоятельнымъ. Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду то, что я сказалъ (на стр. 68, пр. 2; стр. 101, пр. 2 и стр. 250) *противъ* приводимыхъ имъ сужденій Пабста и Э. Деринга!

Далѣе, на стр. 93 и слѣд., г. Сапуновъ разсматриваетъ вопросъ объ *отказѣ новгородцевъ отъ эстонскаго края* въ 1224 и опять не соглашается съ моимъ изложеніемъ фактовъ. Но вмѣсто того, чтобы шагъ за шагомъ прослѣдить мой анализъ событій (на стр. 140 и 217 и слѣд.), онъ беретъ только приводимое мною мѣсто изъ первой Новгородской лѣтописи подъ 6736 (1228) годомъ и объясняетъ, по какому поводу псковичи дали свой характерный отвѣтъ князю Ярославу Всеволодовичу новгородскому (что я 303
сдѣлалъ самъ, правда кратко и ссылаясь на Бестужева-Рюмина, Соловьева и Боннеля; на стр. 150 и слѣд. и на что я ссылаюсь опять на стр. 219 моей работы). Но все это ничуть не мѣняетъ факта, а именно того, что псковичи признали въ весьма опредѣленныхъ выраженіяхъ — какъ я только что отмѣтилъ — *безплодность* своей долголѣтней борьбы съ нѣмцами!

Послѣ этого, на стр. 95—99, г. Сапуновъ приводитъ рядъ выписокъ изъ источниковъ, которыя, нельзя сказать, чтобы были выбраны съ достаточно строгой критикой и обнимаютъ періодъ отъ 1234 г. до временъ Іоанна Грознаго. Тамъ идетъ рѣчь о многочисленныхъ военныхъ предпріятіяхъ русскихъ противъ лифляндцевъ и о возобновленіи ими ихъ якобы законныхъ притязаній на земли, находившіяся во владѣніи послѣднихъ, что, конечно, было мнѣ не безъизвѣстно. Но что же все это доказываетъ? Изо 304
всего приводимаго г. Сапуновымъ, мы можемъ вывести только, что *въ послѣдующія времена* такія притязанія были неоднократно заявляемы, но все это *ничуть не опровергаетъ* моего утвержденія, что «въ 1224 г. русскіе отказались ото всего, чѣмъ они непосредственно владѣли (хотя бы и временно) въ эстонскомъ краѣ, а также и отъ всякой дани съ этого края, признавъ, въ опредѣленныхъ словахъ или безъ словъ, statum quo даннаго момента». И въ исторіи другихъ народовъ множество разъ бывало, что, даже послѣ совершенно форменнаго отреченія отъ нихъ, старыя притязанія снова воскресали, и снова пытались придать имъ законную силу. Нагляднымъ примѣромъ тому, въ той же области русско-лифляндскихъ отношеній, которая насъ интересуетъ, можетъ служить князь Владиміръ полоцкій. Въ 1212 г. онъ отказался отъ своихъ прежнихъ владѣній на Двинѣ, а спустя четыре года онъ соединяется съ эстами и литовцами для 305
того, чтобы вернуть себѣ утраченное право!

Далѣе на стр. 99 приводится нѣсколько не идущихъ въ данномъ слу-

чаѣ къ дѣлу цитатъ изъ второй главы моего сочиненія относительно дани, платимой землею *Толовой* Пскову (стр. 113—164), причемъ *я самъ* отмѣчаю, что мы не въ состояніи опредѣлить, когда состоялся и состоялся ли вообще — отказъ русскихъ отъ этой дани (см. сужденіе о томъ д-ра А. Хедерстрема ниже на стр. 366). Точно также не имѣютъ значенія: приведенная уже у меня на стр. 161—2 цитата изъ грамоты Дерптскаго епископа Бернарда II, цитата изъ сочиненія Гильдебранда «Chronik Heinrichs von Lettland», стр. 37, которую можно относить лишь ко времени, описываемому хронистомъ, но нельзя распространять на позднѣй-
306 шую эпоху, цитата изъ Соловьева[190]) и, наконецъ, цитаты изъ Бестужева-Рюмина, Иловайскаго и Костомарова, имѣющія лишь самый общій смыслъ.

Если г. Сапуновъ не могъ согласиться съ моимъ взглядомъ, что русскіе, заключая миръ въ 1224 году, должны были отказаться отъ Угауніи и остальной Эстляндіи, потому именно, что имъ тогда было возвращено право брать дань съ Толовы, то, въ виду скудости позднѣйшихъ свидѣтельствъ, онъ долженъ бы былъ поступить такъ, какъ сдѣлалъ я, а именно изслѣдовать тѣ ближайшія обстоятельства, при которыхъ миръ былъ заключенъ; г. Сапуновъ объ этомъ *не подумалъ*. Правда, одну фразу въ моемъ изложеніи онъ вырываетъ изъ общей связи, вырываетъ затѣмъ, чтобы *истолковать ее невѣрно!* На стр. 219 я говорю: «Въ то же время новгородцы были уже на пути для выручки Дерпта, когда получили въ Псковѣ вѣсть, что онъ взятъ [также вѣсть о смерти бывшаго куконосскаго, впослѣдствіи
307 дерптскаго князя Вячко]. Вмѣсто того чтобы вторгнуться сейчасъ же въ Угаунію и по крайней мѣрѣ попытаться вернуть ее, они *примирились съ совершившимся фактомъ ея окончательнаго перехода въ нѣмецкія руки и ушли обратно*, хотя, какъ замѣчаетъ Генрихъ, съ горемъ и досадой (XXIII, 6»). Г. Сапуновъ цитируетъ на стр. 81 слова: «русскіе примирились съ совершившимся фактомъ» и прибавляетъ: «т. е. съ завоеваніемъ края нѣмцами» и такимъ образомъ незаконно *обобщаетъ* то, что сказано про одинъ *спеціальный* случай.

Третій отдѣлъ рецензіи (стр. 100—109) направленъ противъ слѣдующаго мѣста моей работы: «Русскимъ были чужды такого рода куль-

190) Мнѣніе Соловьева объ обложеніи данью Дерптскаго епископства опровергнуто Георгомъ фонъ Бреверн ъ, Studien zur Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. (Dorpat. 1858) Bd. I, S. 223. — Въ дополненіе къ тому, что сказано о русско-эстонскихъ отношеніяхъ *до XII столѣтія включительно*, обращаю вниманіе на дѣльную работу A. H. Snellman'a въ «Finska Fornminnesföreningens Tidskrift», XVI (Helsingissä, 1896), который во многомъ расходится съ традиціонными русскими воззрѣніями.

турныя стремленія; *они не думали о томъ, чтобы обезпечить по крайней мѣрѣ свое господство введеніемъ христіанства:* это обстоятельство и имѣло роковыя послѣдствія для ихъ власти» (стр. 213—214), особенно же про- 308
тивъ второй половины только что приведенной цитаты. Непосредственное же продолженіе ея, которое г. Сапуновъ цитировалъ на 81 стр., онъ здѣсь — на стр. 100 — опускаетъ, а именно: «Совершенно разрозненныя, такъ сказать, случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями, въ Толовѣ и Угауніи, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій». Подобнымъ же образомъ полемизируетъ онъ и по поводу того мѣста хроники Генриха (XVI, 2), которое я привожу на стр. 15—16 и 81: «*Есть обычай у королей русскихъ, когда покорятъ они какой народъ, не подчинять его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежемъ дани и денегъ*».

Замѣчу съ самаго начала, что возражать моему критику по этому именно отдѣлу для меня особенно затруднительно, — не потому, что онъ выступаетъ здѣсь съ особенно вѣскими аргументами, — напротивъ, я не нахожу между ними ровно ничего такого, что могло бы поколебать мое убѣжденіе — но потому, что *пріемы* г. Сапунова до крайности *ненаучны* 309
и совершенно не поддаются логической провѣркѣ!

Такъ г. Сапуновъ исходитъ изъ того положенія (которое и старается доказать), что *до прихода нѣмцевъ восточная церковь уже пріобрѣла себѣ многочисленныхъ послѣдователей среди туземцевъ теперешняго прибалтійскаго края и что нѣмцы потомъ силой обратили ихъ въ католичество.* Чтобы доказать это, рецензентъ прибѣгаетъ къ непрямому способу доказательства.

На стр. 100, приводится, что, по словамъ митрополита Иларіона, Владиміръ «обратилъ отъ заблужденія идолопоклонства *всю область свою*», и что другой ближайшій къ тому времени свидѣтель, мнихъ *Іаковъ* говоритъ, что Владиміръ «крестилъ всю русскую землю отъ конца до конца. . . *Всю землю русскую и всѣ грады украсилъ святыми церквами*». — Напомню, что митрополитъ Иларіонъ былъ современникомъ Ярослава I и что его и мниха Іакова свидѣтельства вошли въ такъ называемую Несторову лѣто- 310
пись[191]). Но историческая цѣнность послѣдней сама по себѣ не велика, а выше приведенныя свидѣтельства, если взять ихъ буквальный смыслъ, производятъ ли впечатлѣніе *правдоподобія*, особенно если вспомнить, что Русь временъ Владиміра Св. была *государствомъ безъ устойчивыхъ границъ?!*

Вѣроятно, и г. Сапуновъ имѣетъ на этотъ счетъ сомнѣнія, но, не высказывая ихъ, онъ продолжаетъ такъ: «*Изъ лѣтописей же видно, что*

191) О личности и сочиненіяхъ обоихъ говорится, между прочимъ, у Макарія, во многихъ мѣстахъ его Исторіи Русской Церкви, оба первые тома (С.-Петерб. 1868 г. 2-ое изд.).

Владиміръ не только посылалъ повсюду епископовъ и пресвитеровъ крестить народъ русскій, но и самъ лично ѣздилъ съ епископами по нѣкоторымъ областямъ для евангельской проповѣди. Въ важнѣйшіе города подвластной ему Руси онъ разослалъ сыновей своихъ, чтобы они своимъ примѣромъ, авторитетомъ и властію содѣйствовали исполненію воли отца. Владиміръ, говорится въ лѣтописи, «посла съ ними (съ дѣтьми своими) и священники, заповѣдая сыномъ своимъ, да кождо по области своей повелѣ-
311 ваетъ учити и крестити людей и церкви ставити; еже и бысть». (Полн. Собр. Р. Лѣт. 259). «Владиміръ посылалъ также миссіонеровъ къ Волжскимъ Болгарамъ и обратилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ христіанство, а также четырехъ князей ихъ» (Макарій, Ист. Рус. Церкви I, 22); «старался онъ насадить христіанство даже въ глубинѣ сѣвера, въ Біарміи, на берегахъ Двины Сѣверной» (Ibid. I, 23): «Въ XI в. уже существовалъ монастырь Челменскій въ Олонецкомъ краѣ; въ XII в. на сліяніи р. Сухоны и Юга существовалъ монастырь Гляденскій (К. И. Бестужевъ Рюминъ, Русск. Исторія I, 231—232)». Слѣдуютъ дальше еще указанія на распространеніе христіанства въ XII и XIII столѣтіяхъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ съ нерусскимъ населеніемъ и цитата изъ «католическаго» историка Нарбута о вторженіи восточной церкви въ Литву, по поводу которой г. Сапуновъ замѣчаетъ: «И приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы видѣть, во-первыхъ, что христіанство — точнѣе право-
312 славіе[192]) — на первыхъ же порахъ распространилось до отдаленнѣйшихъ предѣловъ Россіи, а, во-вторыхъ, что князья русскіе принимали въ этомъ святомъ дѣлѣ дѣятельное участіе. Если такъ было *вездѣ*, то почему только въ Прибалтійскомъ краѣ было *иначе?* Вѣдь этотъ край, какъ мы видѣли, съ древнѣйшихъ временъ находился подъ вліяніемъ Россіи».

Что русскіе съ давнихъ поръ имѣли «вліяніе» на значительную часть теперешняго прибалтійскаго края, это не подлежитъ сомнѣнію. *Но изъ этого всетаки не слѣдуетъ,* чтобы они хлопотали о распространеніи христіанства среди туземцевъ этого края, какъ они это дѣлали въ другихъ мѣстахъ, но, замѣтимъ, не *повсюду;* да и самъ г. Сапуновъ признается, на стр. 102, что *«ничего не говорится въ русскихъ лѣтописяхъ» о миссіонерской дѣятельности русскихъ въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ.* Впрочемъ, въ объясненіе этого онъ приводитъ «глубоко справедливыя», по
313 его мнѣнію, слова изъ сочиненія преосв. Павла, бывшаго епископа псковскаго: «Кое что изъ прежнихъ занятій» (Псковъ, 1872), а именно: «Безъ шуму и огласки, тихо, незамѣтно, но ощутительно росла и множилась паства церкви до самыхъ крайнихъ предѣловъ тогдашней Россіи. Отъ этой

---

192) О «православіи» и «православной церкви» въ то время еще не могло быть и рѣчи.

то скромности и смиренія первыхъ проповѣдниковъ христіанства въ Россіи, отъ этой то тишины въ ходѣ распространенія и учрежденія сего дѣла Божія въ нашемъ отечествѣ, мы имѣемъ очень скудныя свѣдѣнія о первыхъ успѣхахъ христіанскихъ проповѣдниковъ въ Россіи вообще и почти никакихъ у инородцевъ ея въ частности. По этой же причинѣ въ русскихъ лѣтописяхъ ничего не сказано и о томъ, кто, когда именно и при какихъ обстоятельствахъ въ первый разъ распространилъ православіе между Латышами и Эстами. . . Русскіе не любили много говорить о своемъ добромъ, а любили дѣлать доброе». Все это можетъ дѣлать честь *добрымъ чувствамъ* епископа, но какую имѣетъ оно цѣну въ глазахъ *исторической критики?* Правда «отъ этихъ общихъ соображеній» г. Сапуновъ переходитъ сейчасъ 314
же къ «фактамъ, правда, не многочисленнымъ, зато тѣмъ болѣе драгоцѣннымъ» и на стр. 102—108 приводитъ *рядъ частныхъ фактовъ; но это не дѣлаетъ вопроса яснѣе*, а напротивъ больше его запутываетъ. Мы должны будемъ еще разъ подвергнуть эти факты исторической оцѣнкѣ.

Прежде всего представляется вопросъ: *знаемъ ли мы вообще что нибудь о томъ, что летты и эсты принадлежали когда либо къ восточной церкви?* Единственное, что удалось добыть по этому поводу историческому изслѣдованію, это тѣ *«разрозненныя и случайныя попытки крестить туземцевъ въ Толовѣ и Угауніи*, вызванныя чисто внѣшними побужденіями», о которыхъ мнѣ уже пришлось сказать, что *«онѣ не имѣли никакого значенія»*. Подробнѣе я говорю объ этихъ миссіонерскихъ попыткахъ русскихъ на стр. 117—123, 169 и 177 и. сл.; единственнымъ источникомъ служитъ Генрихъ *Летляндскій*, особенно XI, 7, XIV, и XX, 2. Эти мѣста 315
опять приводятся г. Сапуновымъ на стр. 103 и 104; на 103 стр. онъ воспроизводитъ сперва мѣсто изъ XVIII, 3, которое я разсматриваю на стр. 130 и сл.; на 105 стр. приводится вторично цитата изъ сочиненія — Hiärn: «Ehst- Lyf- und Lettlaendische Geschichte», которой онъ уже пользовался на стр. 89 и которая, какъ я это покажу на стр. 351, *есть не что иное какъ пересказъ XI, 7 хроники* Генриха, *основанный на невѣрномъ истолкованіи мѣста и снабженный притомъ произвольными прибавками.*

Изъ хроники Генриха г. Сапуновъ извлекаетъ всѣ мѣста, гдѣ *что либо* говорится о восточной церкви или о русскихъ князьяхъ. Такъ, онъ констатируетъ на стр. 102, совершенно справедливо, что въ Герцике были «церкви» (XIII, 4) и полагаетъ, также справедливо, что церкви могли были быть и въ Куконосѣ; относительно діакона Стефана (X, 3) онъ считаетъ весьма вѣроятнымъ, что тамъ было постоянное его мѣстожительство. Под- 316
черкивается то, что Генрихъ выставляетъ князя Всеволода весьма ревностнымъ противникомъ латинской церкви (XIII, 4), и отмѣчается фактъ, что кн. Вячко причинилъ изъ Дерпта много вреда латинянамъ (XXVIII, 2

— И далѣе утверждаетъ г. Сапуновъ на стр. 106, что послѣ того 319
какъ епископъ Альбертъ, послѣ занятія Дерпта и завоеванія Эзеля,
«сдѣлался, такъ сказать [!], de facto господиномъ всего края» (между тѣмъ
г. Сапуновъ только что не соглашался признать, чтобы русскіе отъ чего
либо отказывались въ прибалтійскомъ краѣ!), «*православіе было стѣснено
еще сильнѣе*». Затѣмъ слѣдуетъ цитата изъ Востокова, «Описаніе рукописей 320
Румянцевскаго Музеума»: «Многіе изъ латышей и эстовъ должны были
измѣнить православной вѣрѣ; но многіе, конечно, остались вѣрными пра-
вославію; можно думать, что нѣкоторые даже удалились изъ своей родины и
переселились подъ кровъ и защиту русскихъ. По крайней мѣрѣ одинъ изъ
таковыхъ выходцевъ былъ тотъ *латышъ*, священникъ въ Городищѣ (нов-
городской епархіи), сынъ котораго Гюрги (Георгій) во 1270 г. написалъ
напрестольное евангеліе, до нынѣ сохранившееся». Съ удивленіемъ спро-
ситъ всякій сколько нибудь знакомый съ матеріаломъ читатель, изъ какихъ
это *источниковъ* могли быть почерпнуты столь неожиданные «факты», —
и вотъ примѣчаніе автора поучаетъ насъ, что такимъ источникомъ была
надпись на древнерусскомъ языкѣ, сама по себѣ не лишенная интереса,
которая сохранилась въ рукописи: «писахъ же книгы сия *азъ гюрги сынъ
поповъ, глаголемаго латыша съ городища*». *И на такомъ то скудномъ фунда-
ментѣ возводитъ все свое фантастическое зданіе* г. Сапуновъ[194])!! 321

По поводу Дерпта г. Сапуновъ заявляетъ (стр. 103), что *великій* 322
князь Ярославъ «построилъ въ немъ двѣ православныя церкви, одну — во
имя св. *Николая Чудотворца*, другую — во имя своего ангела, великомуче-

---

г. Сапуновъ подчеркиваетъ; конечно, папѣ и епископу Альберту было весьма важно, чтобы эта схизма не была *занесена* въ Лифляндію изъ Россіи! Но кто были эти русскіе? Это не поддается опредѣленію. По поводу многочисленныхъ военноплѣнныхъ, которые именно зимой 1221 и 1222 г. (Генрихъ XXV, 5 и 6) изъ псковскаго и новгородскаго княжества были уведены въ Лифляндію (см. мое сочиненіе, стр. 198), Пабстъ замѣчаетъ (стр. 300, прим. 9): «Врядъ ли это тѣ русскіе въ Лифляндіи, о которыхъ папа писалъ 8 февраля 1222 г. въ грамотѣ № 55».

194) Впрочемъ, онъ прибавляетъ въ примѣчаніи еще слѣдующее: «Въ другомъ мѣстѣ ниже я приведу нѣкоторыя данныя, доказывающія вліяніе русскихъ на латышей въ древнѣйшую эпоху: 1) въ религіозномъ отношеніи, 2) въ отношеніи родового быта и 3) въ судебномъ отношеніи». Здѣсь имѣется въ виду докладъ І. Крюгера, который два года тому назадъ былъ имъ прочитанъ на археологическомъ съѣздѣ, и о которомъ г. Сапуновъ упоминаетъ на стр. 131; я также коснусь его ниже (стр. 379). Но г. Сапуновъ *не упоминаетъ* вовсе о томъ, что очень коротенькій офиціальный докладъ г. Крюгера вызвалъ потомъ *очень энергическія возраженія*, которыя напечатаны въ «Извѣстіяхъ X Археологическаго съѣзда въ Ригѣ 1—15 августа 1896 г.». (Рига, 1896), стр. 95.

На только что приведенныя пространныя соображенія рецензента я замѣчу только одно, — что тотъ единственный «латышскій» попъ изъ Городища, которому Востоковъ и г. Сапуновъ придали такое огромное значеніе, могъ попасть въ Россію напр. какъ военноплѣнный и раньше не быть священникомъ, или же появиться въ Россіи какимъ нибудь другимъ образомъ, причемъ еще позволительно сомнѣваться, былъ ли онъ латышской національности, потому что изъ скуднаго извѣстія о немъ этого опредѣленно не слѣдуетъ.

ника *Георгія*». Источникомъ извѣстія служитъ — *легендарное сказаніе* (!), которое и цитируется въ примѣчаніи. Заглавіе его такое: «Повѣсть о началѣ и основаніи Псковскаго Печерскаго первокласснаго монастыря, взятая изъ древнихъ лѣтописцевъ, обрѣтающихся въ книгохранительницѣ онаго монастыря» (Второе изданіе. Псковъ, 1849 г.). Въ примѣчаніи 2 г. Сапуновъ приводитъ относящееся сюда мѣсто; но по Макарію, Исторія русской церкви, т. VI, кн. II, стр. 41, — этотъ самый Печерскій монастырь (Печуръ), находящійся невдалекѣ отъ Пскова на границѣ Лифляндіи, былъ «освященъ» только 15 августа 1477 г. Что, согласно приведенному сказанію, въ Дерптѣ во второй половинѣ *XV столѣтія существовала* не одна православная церковь во имя святыхъ Николая и Георгія, а двѣ, одна — св. Николая, а другая — св. Георгія, — этому тѣмъ легче можно повѣрить,
823 что это засвидѣтельствовано митрополитомъ Филиппомъ уже для первой половины того же столѣтія (стр. 106); только нельзя съ нимъ согласиться, чтобы эти церкви были дѣйствительно основаны Ярославомъ Мудрымъ! Нѣсколько болѣе исторически обосновано (выражаюсь нарочно осторожнѣе, потому что не вижу надобности подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ) развѣ только то извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи, о которомъ говорится въ примѣчаніи 3, а именно, что въ 1234 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ по завоеваніи Дерпта нѣмцами, «князь Святославъ Всеволодовичъ отстроилъ («сверши») въ Юрьевѣ церковь святого мученика Георгія и украсилъ ее» (по мнѣнію г. Сапунова, церковь была тогда «вновь перестроена»). — *Независимо отъ легендарнаго преданія*, котораго придерживается г. Сапуновъ, я считаю *весьма вѣроятнымъ*, что великій князь Ярославъ, основавъ въ 1030 г. городъ «Юрьевъ» построилъ тамъ также *церковь во имя св. Георгія:* это подкрѣпляется тѣмъ, что онъ назвалъ городъ именемъ своего ангела, изобра-
824 женіе котораго приказалъ даже чеканить на монетахъ[195]) («Юрій» было христіанское имя Ярослава, о чемъ я упоминаю въ своей работѣ на стр. 167); въ виду этого извѣстіе Лаврентьевской лѣтописи получаетъ извѣстный интересъ. Если, какъ это можно доказать, православныя церкви были въ Герцике и, по всей вѣроятности, въ Куконосѣ, то могла быть православная церковь и въ древнемъ «Юрьевѣ» — для нуждъ *тамошняго русскаго гарнизона*, но чтобы въ этомъ убѣдиться окончательно, необходимы весьма тщательныя изысканія[196]).

---

195) Серебряная монета такого типа, прекрасно сохранившійся экземпляръ, найдена была подъ самымъ Дерптомъ въ имѣньи Rathshof въ 1834 г.; см. Куникъ, О русско-византійскихъ монетахъ Ярослава I Владиміровича, съ изображеніемъ св. Георгія побѣдоносца (С.-Петербургъ, 1860), стр. 43 и сл.; изображеніе ея дано на таблицѣ В, 2.

196) Она могла впрочемъ просуществовать лишь до 1061 г., когда Юрьевъ былъ сожженъ эстами. Затѣмъ русскіе опять завоевали Дерптъ въ 1134 г. (надолго ли — неизвѣстно) и вторично въ 1192; въ началѣ же XIII столѣтія они навѣрно имъ болѣе не владѣли; и Ген-

По поводу извѣстія изъ «Liefländische Chronik» Іог. Готфр. Арндта 325
(Anderer Theil, S. 47 подъ 1245 г., который вслѣдствіе опечатки превратился въ «1254»), приводимаго г. Сапуновымъ на 103 стр., я ограничусь указаніемъ, что происшествіе, о которомъ тамъ разсказывается, при сравненіи съ источниками возбуждаетъ сомнѣнія, какъ я показалъ это на стр. 158, прим. 1 моего сочиненія; что же касается различныхъ *частныхъ фактовъ*[197]) *болѣе поздняго времени* — вплоть до второй половины XVI столѣтія —, то ихъ *слѣдуетъ понимать вовсе не такъ, какъ понимаетъ* г. Сапуновъ, *а именно будто искони, т. е. между туземцами* 326
существовавшее православіе не было и впослѣдствіи искоренено окончательно въ балтійскомъ краѣ» (стр. 106). Это не такъ. Когда край былъ окончательно завоеванъ нѣмцами, обстоятельства измѣнились. Самыя отношенія къ русскимъ, не смотря на повторявшіяся время отъ времени столкновенія и войны, были мирныя. Г. Сапунову должно быть извѣстно, что не только велась торговля изъ Лифляндіи съ купцами Новгорода, Пскова, Полоцка и пр., но что *русскіе купцы* пріѣзжали въ край и поселялись тамъ, можетъ быть, лишь на короткое, а можетъ быть, и на продолжительное время; для нихъ то и были выстроены тѣ *православныя церкви* въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ, къ которымъ постоянно возвращается г. Сапуновъ. (Приведу, по пути, такой примѣръ: въ Ригѣ русское купечество было настолько многолюдно, что тамъ около 1400 г. существовалъ родъ русскаго квартала «dat russche dorp», къ которому примыкала «russche strate», «platea Ruthenorum»).

И такъ мы видимъ, что г. Сапуновъ *ничѣмъ не опровергъ* того мѣста 327
хроники Генриха, XVI, 2, которое онъ цитируетъ на стр. 81 и 100 («Есть обычай у королей русскихъ, когда покорятъ они какой народъ, не подчинять его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежомъ дани и денегъ»), и *ничѣмъ не доказалъ* своего утвержденія, что до прихода нѣмцевъ греческая церковь имѣла среди туземцевъ теперешняго прибалтійскаго края многочисленныхъ послѣдователей, которые потомъ силою были обращены въ католичество!

рихъ, XV, 7, сообщаетъ, что нѣмцы къ концу 1211 года нашли это эстонское укрѣпленіе «покинутымъ, такъ какъ оно раньше [т. е. въ войнѣ эстовъ съ латышами] было сожжено латышами». Православная церковь могла быть возстановлена въ Дерптѣ, когда осенью 1223 г. князь Вячко вступилъ туда съ большимъ отрядомъ.

197) Я воздерживаюсь отъ критики нѣкоторыхъ изъ этихъ частностей со стороны ихъ правдоподобія (напр. что касается разсказа о насиліяхъ, совершенныхъ въ Дерптѣ 8 января 1472 г., или сообщеній Діонисія Фабриціуса, который, какъ извѣстно, былъ ревностный противникъ реформаціи). Укажу однако по поводу происшествія 1472 г. на мою работу: «Die russischen Aufzeichnungen über den Märtyrertod des heiligen Isidor und seiner zweiundsiebzig Genossen», явившуюся въ «Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands», 1898, стр. 139—141 (Riga, 1899).

Въ *IV и V отдѣлахъ* рецензіи г. Сапунова (стр. 109—118) рѣчь идетъ «О Генрихѣ Латышѣ и его хроникѣ» и о «Характеристикѣ епископа Альберта».

Въ этомъ моемъ отвѣтѣ я считаю себя обязаннымъ останавливаться на несогласныхъ съ моими сужденіяхъ автора и оспаривать ихъ лишь по-
328 стольку, поскольку они направлены противъ меня, но считаю излишнимъ пускаться въ полемику тамъ, гдѣ рецензентъ пускается въ болѣе самостоятельныя изслѣдованія, для которыхъ моя работа послужила лишь поводомъ. Такъ — кто интересуется мнѣніями г. Сапунова о *личности лифляндскаго хрониста*, его происхожденіи, степени образованія и нравственныхъ качествахъ, тотъ можетъ познакомиться съ ними, прочитавъ четвертый отдѣлъ рецензіи. Для интересующихся этимъ будетъ нелишнимъ напомнить то, что было уже мною отмѣчено, а именно, что такой авторитетъ, какъ *академикъ Куникъ*, былъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Сапунова о латышскомъ происхожденіи Генриха и, вопреки его возраженіямъ, въ ученомъ собраніи, какъ я сказалъ, настаивалъ вполнѣ рѣшительно на томъ, что онъ былъ *уроженецъ Нижней Германіи*. — На одномъ мѣстѣ четвертаго отдѣла я долженъ однако остановиться. На 114 стр. г. Сапуновъ спрашиваетъ: «Какія же основанія у сторонниковъ нѣмецкаго происхожденія Генриха»?
329 И вслѣдъ за тѣмъ самъ очень смѣло отвѣчаетъ: «Никакихъ; они все только отрицаютъ, колеблются и ссылаются другъ на друга: г. Кейсслеръ, напр., ссылается на Пабста [на чемъ основано такое утвержденіе?], г. Пабстъ — на г. Гильдебранда [?]; но г. Гильдебрандъ говоритъ объ этомъ весьма уклончиво; г. Пабстъ еще колеблется, а г. Кейсслеръ *уже говоритъ категорически*». *Но я констатирую тотъ фактъ, что я нигдѣ во всей моей работѣ не сказалъ ни слова о происхожденіи Генриха*[198]*!*

330 Отдѣлъ, посвященный «характеристикѣ епископа Альберта», г. Сапуновъ начинаетъ, на стр. 116, такъ: «Г. Кейсслеръ, вслѣдъ за Генрихомъ Латышемъ, слишкомъ ужъ высоко ставитъ нравственныя качества епископа Альберта: авторъ, напр., не допускаетъ даже мысли о томъ, чтобы можно

---

198) Дѣло въ томъ, что я, *должно быть, первый въ русской исторической литературѣ*, назвалъ хрониста Генрихомъ «Летляндскимъ» (von Lettland), а не Генрихомъ «Латышемъ» (der Lette), какъ его, сколько я замѣтилъ, постоянно называютъ.

Относительно *нѣмецкаго происхожденія Генриха*, не останавливаясь на другихъ имѣющихся основаніяхъ, мнѣ хочется обратить еще вниманіе на одно *весьма важное мѣсто въ XXIII, 9*, на которомъ Гильдебрандъ на стр. 166 не остановился, хотя и долженъ былъ его знать; а именно: «*Ex nostris* vero ceciderunt duo, et *ex Letthis* duo, frater Rossini et frater Drivinalde de Astigerwe, comes juvenis de familia episcopi milesque ducis unus». Передъ этимъ же было разсказано, что христіанское войско было раздѣлено на три рати: ливы стали налѣво, эсты направо, а третья рать посрединѣ, состоявшая изъ *нѣмцевъ и леттовъ вмѣстѣ*; ясно вполнѣ, что Генрихъ причисляетъ себя здѣсь къ нѣмцамъ, *противополагая ихъ латышамъ*.

было признать «политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣнчивою», т. е. что онъ дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ». *Опять долженъ я констатировать фактъ, что я во всей моей работѣ ни слова не сказалъ о «нравственныхъ качествахъ»* епископа Альберта, хотя разъяснялъ во многихъ мѣстахъ его *политику*, причемъ я не разъ обнаруживалъ, что онъ, говоря словами г. Сапунова, дѣйствовалъ сообразно обстоятельствамъ. Приводимый г. Сапуновымъ «примѣръ» имѣетъ отношеніе къ слѣдующимъ моимъ словамъ (стр. 29 прим. 1): «*пришлось бы признать политику Альберта по отношенію къ русскимъ князьямъ измѣн-* 331
чивою». Эта фраза, переданная, какъ я долженъ замѣтить, въ русскомъ переводѣ не совсѣмъ вѣрно, содержитъ въ себѣ *ограниченіе* слѣдующей мысли: «сопоставляя этотъ фактъ съ тѣмъ, что изложено выше», а «выше» (стр. 23—30) я изслѣдовалъ, что «могло быть поводомъ къ наступательному образу дѣйствій князя полоцкаго» въ 1203 г. Изъ связи мыслей видно, что это ограниченіе сдѣлано именно въ смыслѣ желательномъ для г. Сапунова!

Однако, продолжаетъ г. Сапуновъ, не всѣ «историки» смотрятъ *такъ* на дѣятельность епископа Альберта и цитируетъ прежде всего *Г. Меркеля*, который былъ, правда, выдающимся *публицистомъ*, но никакъ не можетъ считаться «историкомъ»[199]). И самъ г. Сапуновъ сознается, что Меркель въ характеристикѣ Альберта «сгустилъ нѣсколько [!] свои краски». Но 332
г. Сапуновъ еще подкрѣпляетъ его цитатой изъ Генриха, VII, 5, вмѣсто того чтобы на основаніи этого самаго мѣста и слѣдующаго отрывка (VII, 6) исправить его тенденціозныя невѣрности. По собственному почину г. Сапуновъ извлекаетъ для характеристики Альберта IV, 4 хроники *Генриха Летляндскаго*, а затѣмъ приводитъ двѣ цитаты изъ *Гильдебранда*, которыя передаютъ отрывочно и потому далеко *не вѣрно* сужденіе этого послѣдняго объ основателѣ западно-христіанской культуры на восточномъ берегу Балтійскаго моря[200])!

Въ заключеніе мы узнаемъ *собственное* сужденіе г. Сапунова о «нравственныхъ» качествахъ епископа Альберта: это — отрицательная характеристика нѣмецкаго епископа вообще, какъ ее нарисовалъ намъ «умный» ци- 333
стерціанскій монахъ *Цезарій Гейстербахскій* въ своемъ «Dialogus mira-

199) Литературная дѣятельность Г. Меркеля была только что оцѣнена съ ея лучшей и ея худшей стороны Г. Дидерихсомъ въ «Balt. Monatsschrift» 1898, стр. 185 и слѣд.; ср. также его статью за 1870 г., стр. 38 и сл., гдѣ онъ касается и тѣхъ мѣстъ, которыя цитируетъ г. Сапуновъ.

200) Чтобы не просматривать нарочно все сочиненіе Г. Гильдебранда: «Die Chronik Heinrichs von Lettland», беру для примѣра такое мѣсто: «Selbst über die Wirksamkeit des Lenkers jenes ganzen Zuges nach Osten, des so hochgestellten und *von Heinrich mit Recht verehrten Bischofs Albert*, erfahren wir, da sie meist im Auslande geübt wird, verhältnissmässig Geringes».

culorum» (Distinctio secunda cap. XXVII, изд. Jos. Strange, Coloniae и пр. MDCCCLI, стр. 101). — Что сказалъ бы о такомъ странномъ пріемѣ самъ «умный» Цезарій, который былъ знакомъ и съ личностью Альберта, и съ его дѣятельностью[201])?!

---

334 Шестой отдѣлъ рецензіи (стр. 118—132) заключаетъ въ себѣ «Замѣчанія, касающіяся частныхъ вопросовъ». Буду разсматривать ихъ по порядку, причемъ цифры въ скобкахъ должны указывать на страницы русскаго манускрипта моей работы.

Стр. (9). Г. Сапуновъ цитируетъ первую фразу: «Изо всего ливонскаго племени и пр.» и замѣчаетъ: «Странно: въ доказательство своего положенія авторъ ссылается на мнѣніе историка [Пабста], который въ данномъ случаѣ не приводитъ основанія своего мнѣнія». Но я ссылаюсь на Пабста вовсе не для того, чтобы «доказать» свое мнѣніе (мое собственное, самостоятельное *доказательство*, которое я даю сейчасъ же дальше и на стр. 87, г. Сапуновъ *оставляетъ безъ вниманія*), а для того чтобы показать, что
335 мое мнѣніе само по себѣ не ново.

Стр. (9). Предложеніе: «Оба укрѣпленія» и т. д. переведено на русскій языкъ не точно. Если же г. Сапуновъ возражаетъ противъ выраженія «Польская Лифляндія», говоря, что «никто этой мѣстности такъ не называетъ, кромѣ польскихъ писателей», то замѣчу на это, что это обозначеніе общеупотребительно и въ Лифляндіи и вообще нерѣдко употребляется въ научной литературѣ, напр. имъ пользуется ак. Куникъ въ «Grenzen» Билепштейна (стр. 473), притомъ я самъ предпослалъ ему слова «такъ называемой».

Стр. (15). «Относительно характера первоначальнаго русскаго владычества въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ Генрихъ Летляндскій, со-

---

201) Эд. Винкельманнъ въ «Mittheilungen aus der livl. Geschichte» Bd. XI, стр. 478 и сл. приводитъ девять мѣстъ изъ «Dialogus», относящихся до Лифляндіи, и одно мѣсто изъ другого сочиненія Цезарія «VIII libri miraculorum»; затѣмъ еще мѣсто изъ его «Homiliae» — см. мою статью въ «Mittheilungen» Bd. XIV, стр. 111 и сл. (о генеалогіи монастырей въ устьѣ Двины), гдѣ я также исправляю нѣкоторые выводы Винкельманна. Будетъ не лишнимъ отмѣтить, что «Dialogus» составленъ въ 1221 и 1222, а «VIII libri miraculorum» — въ 1225-мъ году. — *Положеніе свѣтскаго, земного властителя, вслѣдствіе котораго* — на это обращаю здѣсь вниманіе — *и не могли именно стать святыми, по мнѣнію* «Dialogus» (dist. II, cap. XVII), *германскіе епископы вообще* (pene omnes), *занималъ также и епископъ Альбертъ* (ср. еще слѣдующее за этимъ мѣсто, котораго не приводитъ г. Сапуновъ: «Invenimus tamen ex Episcopis Coloniensibus, qui *Pontifices simul fuerunt et Duces*, aliquos fuisse sanctos» и пр.). Что нѣкоторые все-же «сдѣлались святыми», эту подробность онъ не считаетъ нужнымъ и оговаривать. А что Цезарій выдѣляетъ именно трехъ канонизированныхъ кельнскихъ архіепископовъ, это объясняется принадлежностью монастыря Гейстербахъ къ кельнской діоцезѣ.

гласно съ современными ему русскими источниками, сообщаетъ слѣдующее: Есть обычай у королей русскихъ, когда покорятъ они какой народъ, не подчинять его вѣрѣ Христовой, а только облагать его платежомъ *дани и денегъ*». Послѣ словъ: «согласно съ современными ему русскими источни- 336
ками» г. Сапуновъ ставитъ знакъ вопроса и замѣчаетъ, что «нигдѣ въ современныхъ русскихъ источникахъ не говорится этого». Между тѣмъ смыслъ моего указанія вотъ какой: въ русскихъ источникахъ говорится *только о дани*, и *рѣшительно нигдѣ ни разу не говорится про какія либо миссіонерскія попытки русскихъ*.

Стр. (28). По поводу словъ: «Странное утвержденіе Арнольда Любекскаго» и т. д. г. Сапуновъ возстаетъ противъ моего благопріятнаго сужденія о хроникѣ Генриха, какъ объ «источникѣ, славящемся полнотой и, въ особенности для внѣшнихъ сношеній, своей достовѣрностью». При этомъ я ссылаюсь на Гильдебранда, «Chronik Heinrichs von Lettland», стр. 51 и 52, гдѣ послѣдній *не только на основаніи собственнаго тщательнаго изученія, но и на основаніи сужденій другихъ самыхъ авторитетныхъ знатоковъ лифляндскаго хрониста, расточаетъ ему самыя большія похвалы*. Всего этого *не хочетъ знать* г. Сапуновъ и находитъ, что *«этого далеко* 337
нельзя сказать». Чтобы подкрѣпить свое мнѣніе, онъ ссылается на свои соображенія въ концѣ IV отдѣла рецензіи, гдѣ онъ соглашается съ Лаппо-Данилевскимъ, помѣстившимъ статью въ «Библіографѣ», 1888 г. №№ 5, 6, въ которой онъ даетъ отрицательную характеристику Генриха, основанную на крайне поверхностномъ знакомствѣ съ хроникой и *совершенно не выдерживающую критики*. Тамъ то г. Сапуновъ высказываетъ напрямикъ свое по истинѣ изумительное сужденіе о Генрихѣ Летляндскомъ, достоинствъ котораго, не смотря на указанные и Гильдебрандомъ недостатки, отрицать нѣтъ возможности; туда и отсылаемъ интересующихся дѣломъ! — Коренное разногласіе мое съ г. Сапуновымъ въ оцѣнкѣ «Chronicon Livoniae» объясняетъ и то, почему я, какъ онъ находитъ, «слишкомъ ужъ [?] довѣрчиво отнесся къ хроникѣ Генриха»[202]), отсюда же вытекаетъ и мое, отнюдь не бездоказательное, «высокое мнѣніе о дѣятельности епископа Альберта». По поводу же цитаты въ концѣ (со стр. 29 прим. 1 я долженъ повторить сказанное уже раньше (стр. 331), — что она невѣрно передаетъ смыслъ 338
нѣмецкаго текста.

Стр. (33). «Потерпѣвъ на дорогѣ неудачу — будучи ограблены литовцами (въ чемъ врядъ ли не принималъ участіе дружившій съ литовцами князь Всеволодъ изъ Герцике, черезъ землю котораго они проходили), прибыли однако епископскіе послы въ Полоцкъ. Къ большому, конечно, уди-

---

202) Ср. между прочимъ мои замѣчанія на стр. 261 этого «Отвѣта».

вленію нашли они здѣсь нѣсколькихъ ливовъ». Здѣсь, къ сожалѣнію, г. Сапуновъ обрываетъ періодъ, который продолжается такъ: «которые были посланы тайно своими старшинами, чтобы побудить князя изгнать сообща нѣмцевъ». Эта прибавка объясняетъ причину «удивленія», которое отказывается понять г. Сапуновъ. Если онъ притомъ упрекаетъ меня за то, что я «рѣшительно безъ всякихъ основаній» обвиняю Всеволода въ ограбленіи пословъ, то *неосновательность упрека* явствуетъ изъ самаго текста.

Стр. (35). «Когда задуманное сначала внезапное нападеніе не могло
339 удаться, Владиміръ *замыслилъ хитрость* (dolum)». Г. Сапуновъ находитъ, что я «напрасно повторяю слова Генриха безъ всякой оговорки», потому что, «какъ неоднократно уже было сказано, лифляндскій хронистъ вовсе не безпристрастный свидѣтель». Между тѣмъ болѣе внимательное разсмотрѣніе того, что я излагаю далѣе на стр. 34—38, должно убѣдить читателя все же, что «весь замыселъ Владиміра» — былъ *коварный!*

Стр. (38). По поводу моихъ словъ: «Ливы, которые *все еще бунтовали*, успѣли увѣдомить Владиміра, что насталъ удобный моментъ» — г. Сапуновъ спрашиваетъ: «Противъ кого? противъ непрошенныхъ пришельцевъ, старавшихся поработить ихъ? Это не бунтъ, а естественное право защищать себя отъ насилія!» *Я отказываюсь* отъ подробнаго объясненія съ моимъ противникомъ и напомню только, что въ 1206 г., когда произошло возстаніе, значительная часть ливовъ уже нѣсколько лѣтъ были подданными епископа!

340 Стр. (43). «Спрашивается только, насколько было искренности со стороны русскихъ [т. е. со стороны Вячко, князя куконосскаго] при этомъ соглашеніи». Г. Сапуновъ спрашиваетъ, почему я ни разу не задался вопросомъ объ искренности со стороны нѣмцевъ. Но здѣсь идетъ рѣчь о только что заключенномъ союзѣ, при которомъ дѣйствительно *первенствующее значеніе* имѣла искренность князя Вячко, — вотъ и все; *слишкомъ наивно* выводить изъ этого, что по моему убѣжденію нѣмцы никогда не бывали неискренни! — Послѣдующія событія дѣлаютъ неискренность Вячко весьма правдоподобной, но вмѣстѣ и довольно простительной, потому что самый договоръ былъ имъ заключенъ, по всей вѣроятности, не «по его просьбѣ», какъ думаетъ Генрихъ, но по принужденію со стороны епископа, гостемъ котораго онъ въ то время былъ.

Стр. (43—44). Мѣсто, начинающееся словами: «Скоро вышла ссора» и т. д. вызываетъ такое замѣчаніе рецензента по поводу приводимой Ген-
341 рихомъ «причины» событія: «Было бы наивно ожидать, чтобы Генрихъ принялъ сторону русскаго князя». Можетъ быть, г. Сапуновъ и правъ *съ своей точки зрѣнія*, — достаточно ли объективной — вотъ вопросъ. Но гдѣ доказательство того, что князь Вячко именно въ этихъ переговорахъ

былъ совершенно безупреченъ? Я самъ говорю буквально слѣдующее: «Какова была причина событія, на это *намекается въ словахъ*» и т. д.: въ переводѣ это вышло, пожалуй, не такъ опредѣленно.

Стр. (48). «Etextirpaverunt traditores de finibus illis» — здѣсь въ русскомъ переводѣ сдѣлана дѣйствительно ошибка: «illis» переведено какъ «suis».

Стр. (53). Словамъ «pro reverencia christiani nominis» г. Сапуновъ противополагаетъ соотвѣтствующее мѣсто изъ *позднѣйшей Орденской хроники*, гдѣ говорится, что при взятіи Герцике, т. е. въ 1209 г., были убиты «женщины и дѣти». Но это свидѣтельство ненадежно, потому что, какъ я замѣтилъ уже, разсматривая первый отдѣлъ, достовѣрность Орденской хроники слѣдуетъ провѣрять хроникой Генриха, а не наоборотъ.

Стр. (72—73). Въ отмѣченномъ г. Сапуновымъ мѣстѣ — очевидная 342
описка: само собой разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ о псковскомъ князѣ, а не о полоцкомъ.

Стр. (77). «Слѣдуетъ думать, что во время переговоровъ этотъ вопросъ былъ обойденъ, и нѣмцы *добились такимъ образомъ молчаливаго признанія status quo*». — «На основаніи чего же *слѣдуетъ думать* такъ»? — спрашиваетъ г. Сапуновъ и полагаетъ, что «очевидно» у меня была «предвзятая мысль». Но отвѣтъ на вопросъ заключается въ предшествующей тирадѣ (на стр. 76): «Въ виду того, что заключенный миръ названъ *вѣчнымъ*, является также, предположеніе» и т. д.

Стр. (77). Г. Сапуновъ несогласенъ съ выраженіемъ: «чисто номинальная» зависимость Всеволода, князя Герцике, отъ Владиміра полоцкаго, и спрашиваетъ опять, на чемъ оно основано. Но основаніе опять заключается въ непосредственно предшествующихъ словахъ: «особенно если припомнить дружественное расположеніе къ Литвѣ князя Всеволода, который, по свидѣтельству Генриха, не стѣснялся подкрѣплять своихъ языческихъ 343
союзниковъ даже въ ихъ походахъ противъ русскихъ, и зависимость котораго, чисто номинальная, мало приносила пользы Полоцку».

Стр. (77—78). «Остается неяснымъ, въ чемъ заключалась *хитрость* Владиміра»; «самъ авторъ», замѣчаетъ г. Сапуновъ, «заподозриваетъ [стр. 43 русскаго рукописнаго перевода — 22-ая нѣмецкаго изданія] искренность русскихъ безъ всякаго основанія». Насколько такое обвиненіе по отношенію ко мнѣ лишено основанія, я уже разъяснилъ раньше, что же касается словъ: («Наконецъ остается» и пр.), приведенныхъ выше, то укажу на двѣ послѣдующія тирады, начинающіяся словами: «Хотѣлъ ли онъ» и «Слѣдуетъ обратить вниманіе», и на мое замѣчаніе на 43 стр. по поводу отмѣченнаго Генрихомъ коварства. — «На томъ же основаніи и Генрихъ — продолжаетъ г. Сапуновъ — злоупотребляетъ словомъ хитрость,

когда рѣчь идетъ о русскихъ (напр. X, 2, XI, 8, XVI, 2 и др.)». На последнемъ изъ указанныхъ мѣстъ, впрочемъ, нѣтъ этого слова: должно быть,
344 промахъ г. Сапунова произошелъ оттого, что я на 43 стр., какъ было сказано, возвращаюсь въ связи съ XVI, 2 къ разсказу о «хитрости» русскихъ въ 1210 г. О X, 2 и XI, 8 говорится на стр. 34 и 45—46 моей работы, и они уже были разсмотрѣны въ моемъ Отвѣтѣ. Если прибавить къ нимъ только что разъясненное мѣсто хроники, XIV, 9, то это и будутъ всѣ три мѣста, гдѣ Генрихъ говоритъ про «dolus» русскихъ. Г. Сапуновъ долженъ согласиться, что во всѣхъ трехъ случаяхъ я не довѣряюсь Генриху *слѣпо!*

Стр. (79). Изъ того, что Владиміръ полоцкій въ 1212 г. самъ выбралъ мѣстомъ своего свиданія съ епископомъ Альбертомъ укрѣпленіе Герцике, г. Сапуновъ заключаетъ, что онъ въ то время считалъ Герцике по прежнему подвластнымъ себѣ, потому что «нельзя допустить, чтобы онъ самъ назначилъ свиданіе съ епископомъ въ мѣстности, которая отъ него не зависѣла». Но одно не вытекаетъ непремѣнно изъ другого; князья Владиміръ
345 и Всеволодъ могли заранѣе сговориться; на стр. 91 я уже указалъ на то, что оба князя во время переговоровъ при Герцике были какъ разъ въ союзѣ.

Стр. (82). «Ливы же, которые не хотѣли служить двумъ господамъ, а именно русскимъ и нѣмцамъ, постоянно его [епископа] уговаривали, чтобы онъ избавилъ ихъ совсѣмъ отъ ига русскихъ». По поводу этой цитаты изъ хроники Генриха, которую я также комментирую дальше, г. Сапуновъ полагаетъ, что я «забылъ» высказанное мною раньше, стр. 27 [русскаго рукописнаго перевода = 16 и сл. нѣмецкаго изданія], а именно: «Можно сказать съ увѣренностью, что послѣдніе [ливы] охотнѣе сносили не слишкомъ для нихъ тяжелую русскую дань, нежели нѣмецкое владычество, которое прочнѣе засѣло въ ихъ землѣ, шло дальше въ своихъ требованіяхъ и понуждало ихъ къ новой вѣрѣ». Но разгадка кажущагося противорѣчія — въ *различіи обстоятельствъ* 1203 и 1212 года! Этого не хочетъ знать г. Сапуновъ.

Стр. (82). По поводу моего толкованія слова «*quandoque*» г. Сапуновъ
346 замѣчаетъ не безъ удивленія: «Авторъ разбираетъ каждое слово Генриха точно современную дипломатическую ноту». Мнѣ кажется, что, если бы г. Сапуновъ приложилъ къ дѣлу тотъ же методъ при изученіи лифляндскаго хрониста, онъ лучше бы оцѣнилъ его самого, лучше бы понялъ разбираемые вопросы и, конечно, оказалъ бы бо́льшую услугу *наукѣ*, чѣмъ онъ это сдѣлалъ настоящимъ своимъ произведеніемъ!

Стр. (84). Г. Сапуновъ *правъ*, говоря, что противъ предположенія: «Можно было думать, что упрашиванія ливовъ избавить ихъ отъ дани

сдѣлались особенно настойчивыми во время переговоровъ епископа съ княземъ Владиміромъ», — говоритъ дальнѣйшее изложеніе: дѣйствительно «этого не видно изъ самаго характера разговоровъ» и т. д. Но развѣ запрещается, выясняя всесторонне положеніе вещей, какъ въ данномъ случаѣ, строить возможныя гипотезы и высказываться за и противъ!

Стр. (85). «Непостоянный и поддающійся легко вліяніямъ характеръ князя Владиміра чрезвычайно мѣшаетъ вѣрной оцѣнкѣ событій». Г. Сапу- 347
новъ прибавляетъ: «Еще болѣе мѣшаютъ этому предвзятые взгляды и то, что Генрихъ въ своей хроникѣ многое утаилъ умышленно или неумышленно». Если упрекъ въ «предвзятыхъ взглядахъ» относится ко мнѣ, то я его отстраняю, какъ лишенный основанія. Что же касается Генриха, то я, какъ я то не разъ выражалъ, далекъ отъ мысли считать его свободнымъ отъ указаннаго недостатка, именно что онъ многое «умышленно или неумышленно утаилъ». Но спрашивается, какъ далеко простиралъ онъ такое умолчаніе и должны ли мы въ данномъ сложномъ случаѣ *совсѣмъ не довѣрять ему!*

Стр. (85). Почти буквально приведенныя слова Генриха: «Недовольный переговорами, князь Владиміръ прервалъ ихъ» и пр. — вызываетъ справедливое сомнѣніе г. Сапунова; онъ *забываетъ только прибавить*, что я самъ, въ примѣчаніи, столь же *скептически* отношусь къ нимъ.

Стр. (87). По поводу отказа Владиміра брать дань съ ливовъ г. Сапуновъ говоритъ: «Да отказывался ли? А если отказывался, то на какихъ 348
условіяхъ»? Я сошлюсь еще разъ на то, что изложено мной на стр. 87 и слѣд. и на подробный разборъ вопроса въ моемъ отвѣтѣ на второй отдѣлъ рецензіи. Указанія, сдѣланныя въ скобкахъ, на страницы 25—27 [русскаго перевода = стр. 13—15 нѣмецкаго изданія], нахожу лишенными значенія.

Стр. (86—87). Замѣчаніе мое къ словамъ «Tamquam patrem spiritualem» въ русскомъ переводѣ было передано невѣрно.

Стр. 89. «Соловьеву показалась подозрительной ссылка на божеское внушеніе; но такой способъ объясненія не удивитъ того, кто болѣе знакомъ съ хроникой Генриха». «Что хочетъ сказать этимъ авторъ? не знаю», замѣчаетъ г. Сапуновъ и, признавая, что я близко знакомъ съ хроникой Генриха, говоритъ: «авторъ дѣйствительно близко знакомъ съ хроникой Генриха, но только съ *буквой*, а не съ *духомъ* хроники». — Относительно послѣдняго замѣчанія отдаю себя на судъ болѣе компетентнаго цѣнителя, чѣмъ какимъ проявилъ себя до сихъ поръ г. Сапуновъ! По поводу «*спо-* 349
соба объясненія» событій, къ которому прибѣгаетъ Генрихъ, я отмѣчаю, что для него *чудо* играетъ роль въ исторіи и что совершенно въ его духѣ изображать непосредственное вмѣшательство Божества въ дѣла людей

вмѣсто того, чтобы объяснять мотивы поступковъ изъ самыхъ обстоятельствъ. Такой пріемъ объясненія лишній разъ подтверждаетъ сужденіе Гильдебранда, что Генрихъ «не былъ политическимъ умомъ».

Стр. (91). «Уже на этомъ мѣстѣ хронистъ замѣчаетъ, что онъ [Всеволодъ] впослѣдствіи участвовалъ однако въ замыслахъ литовцевъ, нарушилъ обѣщанную вѣрность и часто подстрекалъ язычниковъ противъ нѣмцевъ въ Куконосѣ». Г. Сапуновъ замѣчаетъ: «Вѣдь надо же было найти какой либо поводъ къ походу противъ Герцике. Если бы Всеволодъ былъ невиннѣе ягненка, то и тогда самостоятельность его была бы задушена
350 епископомъ Альбертомъ, у котораго аппетитъ послѣ захвата Куконоса сильно разыгрался». А можетъ быть, на сторонѣ Всеволода и была вина? Этого не хочетъ изслѣдовать г. Сапуновъ. Вмѣсто того чтобы опровергнуть то изображеніе событій, которое дано, онъ ограничивается однимъ его порицаніемъ, не приводя основаній.

Стр. (106). Отрывокъ: «Такъ какъ притомъ и нѣтъ доказательствъ» и пр. г. Сапуновъ цитируетъ невѣрно, притомъ онъ былъ несовсѣмъ вѣрно переданъ въ русскомъ переводѣ.

Стр. (113). По поводу словъ: «Въ 1224 г. нѣмцы предоставили русскимъ получать дань съ земли Толова» — г. Сапуновъ дѣлаетъ такое возраженіе: «Нѣмцы не могли распоряжаться тѣмъ, что имъ не принадлежало». Между тѣмъ жители Толовы *уже за десять лѣтъ* передъ тѣмъ и притомъ даже добровольно подчинились нѣмцамъ, такъ что тогда уже была установлена дань въ опредѣленномъ размѣрѣ; затѣмъ послѣдовала почти восьми-
351 лѣтняя война съ русскими, въ которой принимали самое дѣятельное участіе на *сторонѣ нѣмцевъ* и летты Толовы!

Стр. (121). «3. Относительно леттовъ на р. Имерѣ мы узнаемъ, что они не были данниками русскихъ и именно въ 1028 году подчинились Римской церкви». На это г. Сапуновъ замѣчаетъ: «Гіернъ (см. выше) однако прямо говоритъ о ихъ зависимости отъ псковичей потому, что въ Имеру время отъ времени приходили православные священники». Второй разъ подходитъ г. Сапуновъ къ тому же мѣсту источника (Генрихъ XI, 7), но вмѣсто того чтобы заняться, наконецъ, имъ и разсмотрѣть обстоятельно, онъ предпочитаетъ выдвинуть опять любезнаго ему Гіерна! Между тѣмъ, сравнивъ оба мѣста, онъ очень легко убѣдился бы въ томъ, что *Гіернъ не только невѣрно понимаетъ Генриха*, но еще и *перефразируетъ* его *съ произвольными вставками* («время отъ времени», «такъ охотно хотѣли принять вѣру»)! Ср. Гильдебрандъ, стр. 160, гдѣ отмѣчается то, что впро-
352 чемъ давно уже было извѣстно, — что Гіернъ въ своей «Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte» излагаетъ *древнѣйшій періодъ*, «*придерживаясь близко Генриха, котораго впрочемъ передаетъ лишь въ извлеченіяхъ*».

Стр. (131). «Видно изъ всего положенія дѣлъ, что восточное христіанство было принято жителями Имеры [въ русскомъ переводѣ было пропущено здѣсь слово «поэтому»] чисто внѣшнимъ образомъ». Г. Сапуновъ спрашиваетъ, изъ чего видно это? Напомню, вопервыхъ, приведенныя мною курсивомъ слова Генриха: «discipline christiane inicia»; изъ нихъ видно, что летты — но не летты изъ Имеры, какъ ошибочно думаетъ г. Сапуновъ, которые уже за шесть лѣтъ передъ тѣмъ приняли католичество, а въ данномъ случаѣ именно летты изъ Толовы — получили лишь *первые начатки* христіанскихъ вѣрованій, имъ слѣдовательно до тѣхъ поръ неизвѣстные: это вытекаетъ изъ точнаго смысла цитаты. Во-вторыхъ, какъ я показалъ также, миссіонерскія попытки, предпринятыя русскими въ Толовѣ «уже во 353
времена латинянъ», какъ говоритъ Генрихъ, имѣли характеръ соперничества съ послѣдними подъ вліяніемъ опасеній за цѣлость Толовской дани — въ то время, когда нѣмецкіе священники начали распространять христіанство въ Толовѣ. Г. Сапуновъ продолжаетъ: «И какъ принято было жителями Имеры западное христіанство? Русскіе всегда [?] старались дѣйствовать на обращаемыхъ *verbis*, нѣмцы — *verberibus*» (въ скобкахъ г. Сапуновъ указываетъ на II, 5 хроники Генриха, гдѣ эта игра словъ, встрѣчающаяся у древне-классическихъ писателей, находится въ обращеніи ливовъ къ епископу Бертольду, но совсѣмъ въ другой связи и безъ всякаго отношенія къ русскимъ). Опять у г. Сапунова смѣшеніе леттовъ въ Имерѣ съ леттами въ Толовѣ. Притомъ самый примѣръ въ подтвержденіе устанавливаемаго имъ контраста въ пріемахъ обращенія нѣмцевъ и русскихъ — выбранъ неудачно; слѣдовало бы для его цѣлей выбрать какъ примѣръ обращеніе ливовъ или эстовъ, а никакъ не обращеніе леттовъ 354
въ Имерѣ и Толовѣ, потому что тѣ и другіе, ища защиты отъ многочисленныхъ враговъ, *добровольно*, слѣдовательно безъ помощи *verbera*, присоединились къ западной церкви, подчинившись вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмцамъ. Наконецъ, необходимо напомнить, что въ XIII столѣтіи *нѣмцы отличались отъ современныхъ имъ русскихъ бо́льшимъ рвеніемъ къ дѣлу обращенія, а не самыми пріемами его!* Подобно тому какъ они мирнымъ образомъ обратили въ христіанство леттовъ, они и на другія народности пробовали *сперва* дѣйствовать только проповѣдью и *только позднѣе*, какъ истинные сыны своего вѣка, прибѣгали къ мечу, такъ какъ одно проповѣдничество не давало еще среди язычниковъ прочныхъ результатовъ. Епископъ Мейнгардъ, напр., въ началѣ своей миссіонерской дѣятельности ограничивался лишь проповѣдью среди ливовъ, и преемникъ его епископъ Бертольдъ, вступивъ въ свой санъ, намѣревался продолжать дѣло обращенія мирнымъ 355
путемъ (Генрихъ II, 2); но очень скоро оба нашлись вынужденными просить папу о буллѣ, призывавшей къ крестовому походу; наконецъ тѣ же

мірскія средства были пущены въ ходъ епископомъ Альбертомъ, о которомъ я сказалъ уже, что онъ съ самаго начала пришелъ «къ мысли создать прежде всего религіозно-государственный строй, который защищалъ бы миссію и препятствовалъ бы отпаденію обращенныхъ». Что же касается *миссіонерской дѣятельности восточной церкви среди туземцевъ* въ теперешнемъ прибалтійскомъ краѣ, то исторически удостовѣрены только двѣ подобныхъ попытки: среди леттовъ въ Толовѣ въ 1208 г. или немного раньше и среди эстовъ въ Угауніи. Правда, первая попытка носила, кажется, мирный характеръ, и не имѣла дальнѣйшихъ послѣдствій, потому что не была продолжена. Напротивъ, *воинственный* характеръ имѣла, какъ извѣстно, вторая, предпринятая русскими въ 1210 г. въ Угауніи
356 (см. Генрихъ XIV, 2 и мою работу, стр. 169; указанныя тамъ русскія лѣтописи не упоминаютъ объ обращеніи туземцевъ вовсе; въ этомъ можно видѣть доказательство того, что русскіе мало придавали ему значенія). Великій князь Мстиславъ Мстиславовичъ новгородскій и князь Владиміръ псковской сперва ссаждаютъ укрѣпленіе Оденпе въ теченіе восьми дней, вымогаютъ дань — четыреста марокъ ногатъ, крестятъ нѣсколько человѣкъ (quosdam) и, уходя, обѣщаютъ прислать эстамъ священниковъ, которые должны были докончить ихъ обращеніе. Этого обѣщанія они однакожъ не сдерживаютъ, какъ это отмѣчаетъ Генрихъ. Шесть лѣтъ спустя русскіе вспомнили про обращенныхъ ими въ Оденпе; причиной было то, что жители Угауніи приняли въ это время крещеніе отъ латинянъ, отвергнувъ восточное христіанство, чѣмъ и навлекли на себя гнѣвъ русскихъ; послѣдніе грозили имъ войною и требовали дани, которой однако не получили. Осенью того же года (1216) князь Владиміръ псковской вторгся съ большимъ войскомъ въ Угаунію, взялъ опять Оденпе и предалъ раззоренію всѣ деревни
357 и всѣ мѣстности кругомъ, причемъ много мужчинъ было убито, а женщины и дѣти уведены въ неволю (см. Генрихъ, XX, 3 и мою работу, стр. 180—183). Такимъ образомъ г. Сапуновъ не могъ не знать, что и русскіе вынуждали обращеніе въ ихъ вѣру при помощи verbera и пускали въ ходъ verbera противъ отпавшихъ; но г. Сапуновъ объ этомъ *умалчиваетъ* и ставитъ въ упрекъ насильственный образъ дѣйствій *однимъ только латинянамъ!* Несправедлива въ данномъ случаѣ односторонность упрека; но въ то же время было бы исторической ошибкой вмѣнять въ большую вину нѣмцамъ и русскимъ XIII вѣка такой насильственный способъ дѣйствій въ дѣлахъ вѣры: *въ то время подобныя средства считались позволительными*, чего не можетъ не знать г. Сапуновъ!

Стр. (136). Рецензентъ оспариваетъ, что князь Владиміръ псковской, «будучи епископскимъ фогтомъ въ Идумеѣ и Летляндіи», имѣлъ враждебное столкновеніе съ мѣстнымъ духовенствомъ *по поводу его притѣсненій.*

Духовенство [т. е. священникъ Алебрандъ] требовало (разсуждаетъ г. Са- 358
пуновъ): «ne neophytos nostros conturbando magis a fide Christi faceret deviare»; «притѣсненія же — *только предлогъ*». Г. Сапуновъ заключаетъ такъ на основаніи *устарѣлаго* Ганзеновскаго изданія хроники Генриха, которымъ онъ пользовался. Изданіе W. Arndt'a, сдѣланное на основаніи позднѣе открытаго Codex Zamoiscianus, даетъ нѣсколько иной текстъ отрывка: въ XVIII, 2, а именно: «Ipse autem Woldemarus in Idumea et in Letthia collegit res et pecunias, iudicia iudicans civilia. Et occurrens ei Alebrandus sacerdos Idumeorum dixit ei: Oportet te, inquit, rex, qui iudex hominum esse meruisti, iudicia iusta iudicare et vera, non opprimendo pauperes, nec res eorum auferendo, *nec* neophitos nostros conturbando magis a fide Christi faceres deviare»....

Стр. (144). «Слѣдовательно, тогда верховный владѣтель края бралъ на себя заботу о правильномъ ежегодномъ взносѣ дани [ливами двинскаго края] и такимъ образомъ прямо ручался въ ней». Г. Сапуновъ спраши- 359
ваетъ: «Кто же долженъ считаться верховнымъ владѣтелемъ края: тотъ ли, кто платитъ дань, или же тотъ, кто ее получаетъ»? Но вѣдь не епископъ, а *его подданные* должны были уплачивать съ давняго времени наложенную на нихъ дань русскимъ; они являлись вслѣдствіе этого, въ нѣкоторомъ смыслѣ, также подданными полоцкаго князя; поэтому я и обратилъ уже во «Введеніи» къ моей работѣ (стр. 6) особенное вниманіе читателя на тотъ фактъ, что «въ теченіе нѣкотораго времени какъ Толова, такъ и земли ливовъ по Двинѣ находились въ *общемъ* владѣніи нѣмцевъ и русскихъ».

Стр. (144—145). «Нельзя указать ни русскихъ поселеній, ни укрѣпленій, которыя имѣли бы цѣлью обезпечить прочность дани, платимой Толовою». На это замѣчаетъ г. Сапуновъ: «Это еще вопросъ, какого происхожденія» [древнерусское] «Кесь» = Венденъ, по латышски Zehsis — «латышскаго или славянскаго». Но, во первыхъ, Венденъ *не находился въ Толовѣ;* во вторыхъ, что касается возможности «славянскаго» происхо- 360
жденія названія Кѣсь (Кесь), *то въ частности изъ русскаго языка оно никакъ не можетъ быть выведено;* возможно предположеніе лишь по отношенію къ славянамъ (вендамъ) теперешней сѣверо-восточной Германіи (см. литературу вопроса на стр. 193 прим. — моей работы). — Г. Сапуновъ продолжаетъ: «О русскихъ поселеніяхъ въ Лифляндіи см. Трусмана — Введеніе христіанства въ Лифляндіи, стр. 117 (ср. Bunge, Urk. 101, a; 518, Reg. 1238 в, III 1182)». Мѣсто изъ книги Трусмана приведено г. Сапуновымъ на стр. 130; разсмотрю его теперь же. Я долженъ при этомъ предупредить, что *ни одна изъ данныхъ мѣстностей не находилась въ Толовѣ.* «Wendeculla» (Генрихъ, XV, 3), т. е. деревня, лежащая близъ извѣстнаго намъ Венденбурга (Wenden, Zehsis, Кесь) — см. Bielenstein, Grenzen и пр.

стр. 337. —, «Wendecole» въ области Wiek и «Wendevere» въ прежней
361 датской Эстляндіи (цитата «И. В. п. 518» невѣрна; должно быть 832 а и 887а) — Трусманъ *ошибочно признаетъ за «русскія деревни»*, вѣроятно, натолкнутый на это замѣчаніемъ въ «Географическомъ словарѣ» въ Urkundenbuch Bunge, Bd. III, S. 786: «Wendi v. Slavi» (но «Slavi» стр. 785 *совсѣмъ не русскіе!*). Трусманъ отмѣчаетъ еще два названія мѣстностей: упоминаемая въ 1368 г. «Russen-Grave» близъ Леаля (Reg. 1238, в) и названная подъ 1382 г. «Russen dorp», которая принадлежала рыцарю Іоанну фонъ Тизенгаузенъ; но *выводъ*, который онъ дѣлаетъ, а именно, что это были русскія поселенія изъ до-нѣмецкаго періода, — *совершенно произволенъ;* легко можетъ быть, напр., что эти мѣстности получили свое имя отъ русскихъ плѣнниковъ, которыхъ тамъ поселили!

Стр. (145). «Между тѣмъ псковичи изъ одного соперничества съ запад-
362 ными пришельцами и изъ страха передъ ними, безъ особой надобности, рѣшились взяться за миссіонерскую дѣятельность среди своихъ данниковъ — леттовъ». Словами «безъ особой надобности» (русскаго перевода) были невѣрно переданы слова нѣмецкаго подлинника: «ohne sonderlichen Nachdruck», т. е. «безъ особеннаго старанія»; будучи притомъ поставлены въ связь съ словомъ «рѣшились», они вызвали справедливое недоумѣніе г. Сапунова. Послѣ этого онъ лаконически замѣчаетъ, что приведенную тираду едва ли можно считать «серьезной». Дѣйствительно для неудачной точки зрѣнія, которой держится г. Сапуновъ, было бы небезопасно признать, «серьезной» ту мысль, что, «проповѣдуя крещеніе, русскіе», какъ я говорю непосредственно дальше, «здѣсь такъ же, какъ въ 1210 г. въ Угаунiи, имѣли въ виду *однѣ политическія цѣли»!* Непосредственнымъ продолженіемъ этого служитъ слѣдующее:

363 Стр. (145—146)... «на это находимъ совершенно ясное указаніе у Генриха (XXVIII, 4), извѣстное сужденіе котораго, хотя вообще и не безпристрастное, согласуется въ данномъ случаѣ съ фактами», — на что г. Сапуновъ совершенно неосновательно замѣчаетъ: «и не безпристрастное и въ то же время согласуется съ фактами — странно что то». Нѣтъ ровно ничего страннаго: стоило обратить вниманіе на ограниченіе: *«въ данномъ случаѣ»!* — Сколько бы ни находилъ г. Сапуновъ высказанные взгляды странными и несерьезными, *наука* признаетъ ихъ основательными; уже Пабстъ, стр. 92, прим. 12, высказалъ ту же мысль: «*Mit der Heidenbekehrung befassten sich die Russen eigentlich nicht, sondern erst, nachdem die Deutschen Eifersucht erweckten*».

Стр. (148). «Фактъ заключенія осенью 1224 г. *прочнаго* мира не можетъ быть подвергаемъ сомнѣнію; онъ подтверждается, можетъ быть, [въ
364 русскомъ переводѣ стояло вмѣсто этого: «повидимому»], также свидѣтель-

ствомъ папы Гонорія III въ буллѣ отъ 17 января 1227 г.» Возраженія г. Сапунова опираются отчасти на Боннеля, котораго я самъ цитирую на стр. 148 прим. 1, и настолько слабо обоснованы, что я на нихъ не нахожу нужнымъ останавливаться. Притомъ мой взглядъ на миръ 1224 г., расходящійся со взглядомъ г. Сапунова, я уже изложилъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 48).

Стр. (149). «Хронистъ прибавляетъ, что легатъ долженъ былъ выслушивать [другія] подобныя просьбы отъ пословъ». Г. Сапуновъ находитъ здѣсь, ссылаясь на Гильдебранда, стр. 20, что иначе и быть не могло, такъ какъ Генрихъ писалъ свою хронику по «предложенію епископа» и легатъ взялъ ее съ собою въ Римъ; замѣчу по поводу этого, что такой фактъ не доказанъ. Безъ вниманія оставляетъ г. Сапуновъ замѣчаніе Боннеля, которое я привожу, — что въ то время русскіе изъ страха передъ монголами вели даже переговоры о признаніи церковнаго главенства папы. 365

Стр. (160). «Самое число убитыхъ значительно и заставляетъ думать о *вымогательствахъ и насиліяхъ* [со стороны псковскихъ сборщиковъ дани]». Г. Сапуновъ протестуетъ: «Авторъ вездѣ [?] склоненъ видѣть хитрость и насилія русскихъ; въ кровавыхъ же дѣлахъ нѣмцевъ онъ видитъ [? можетъ быть, слѣдовало бы сказать только: склоненъ видѣть] значительную долю законности; между тѣмъ здѣсь гораздо естественнѣе предположить о насиліяхъ именно со стороны нѣмцевъ». Основаній для этого г. Сапуновъ однако не приводитъ, какъ онъ и вообще не входитъ въ серьезное разсмотрѣніе того, что я привожу въ подтвержденіе своего взгляда.

Стр. (164). Мои слова: «Кончаю на этомъ, не вдаваясь въ область гаданій, неустойчивость которыхъ обнаружилась бы, можетъ быть, очень скоро» — г. Сапуновъ воспроизводитъ неполно — безъ послѣдняго ограничительнаго предложенія — и замѣчаетъ: «Какъ мы видѣли, у автора 366 гаданій не мало». Но извѣстно, что научное изслѣдованіе невозможно безъ гипотезъ; только слѣдуетъ различать обоснованныя гипотезы отъ необоснованныхъ догадокъ. А насколько такой именно характеръ имѣли бы въ данномъ случаѣ предположенія въ желательномъ г. Сапунову смыслѣ (см. стр. 98 и сл. Рецензіи), можно видѣть въ отзывѣ д-ра *A. Hedenström* о моей работѣ, помѣщеннаго въ «*Rigasche Rundschau*», 1897, № 183. Тамъ сказано: «*Wann die Zinspflichtigkeit* [Tolowas] *aufgehört hat*, lässt sich nach Keussler nicht feststellen. Doch scheint uns, dass im Anfang des vierzehnten Jahrhunderts dies Recht [der Pleskauer] als erlosehen angesehen worden ist. Dafür spricht eine Stelle in der *Pleskauer Chronik* [ср. Рецензію г. Сапунова, стр. 96 и слѣд.] für das Jahr 6831 = 1323: «Докончаша миръ по Псковской воли по всей» («schlossen den Frieden ganz nach dem

Willen Pleskaus»). In den Bestimmungen dieses am 2. Oktober 1323
367 geschlossenen Friedens (vgl. Livl. U. B. II S. 150 f.) wird aber eines Tolowaer Tributes an Pleskau *nicht* Erwähnung gethan. Falls also wirklich, wie die Chronik behauptet, die Friedensbestimmungen den Pleskauer Forderungen entsprochen haben, so ist damals der Tribut in Tolowa nicht mehr als Recht betrachtet worden, beziehungsweise schon damals in Vergessenheit geraten gewesen».

Стр. (177). По поводу моихъ словъ, что въ 1212 г. въ Варболѣ, «надо полагать», въ первый разъ была взята дань русскими, г. Сапуновъ ставитъ вопросъ, на чемъ я основываю свое предположеніе. Если бы онъ обратилъ вниманіе на примѣчаніе 2, то онъ узналъ бы, что, напр., и Пабстъ «считаетъ едва ли вѣроятнымъ, чтобы это укрѣпленіе уже раньше платило дань русскимъ». Достаточно припомнить хотя бы отдаленность Варболы!

Стр. (180). «Теперь только [1216] поднимаются русскіе съ цѣлью помѣшать разрастанію нѣмецкаго владычества». Г. Сапуновъ указываетъ на сказанное мной раньше (стр. 178): «Враждебное столкновеніе сильнаго
368 войска Мстислава новгородскаго (1212 г.) съ нѣмцами не произошло, повидимому, благодаря только случаю». Но я говорю въ томъ же мѣстѣ, что впродолженіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ отношенія между русскими и нѣмцами оставались пока, «по крайней мѣрѣ по виду, *мирными*»; рѣшительный, воинственный образъ дѣйствій русскихъ противъ нѣмцевъ начинается лишь къ концу 1216 года.

Стр. (181). Изъ словъ: «Епископъ и орденъ «завѣряли» ихъ [Угаунцевъ], что они свободны отъ русскихъ», г. Сапуновъ дѣлаетъ выводъ, что «значитъ жители [Угауніи] были въ зависимости [отъ русскихъ] — иначе зачѣмъ нужно было завѣрять ихъ, что они свободны»? Такой выводъ несостоятеленъ, потому что послѣдняя посылка устанавливаетъ завѣдомо невѣрную связь между фактами! На стр. 165 и слѣд. я показалъ, что эсты къ началу XIII столѣтія свободны были отъ всякой дани Новгороду. Въ 1210 г. князья Новгорода и Пскова наложили на нихъ дань и начали
369 крестить ихъ; на это крещеніе русскіе и ссылались потомъ, въ 1216 г., грозя имъ войною; между тѣмъ Угаунцы за это время были покорены нѣмцами. Это и говорится въ томъ предложеніи, которое *непосредственно* слѣдуетъ за фразой, которую безъ связи съ послѣдующимъ вырвалъ г. Сапуновъ; и именно у меня слѣдуетъ: «какъ всегда были они [т. е. Угаунцы] свободны до крещенія [начатаго въ 1210 г. новгородцами и псковичами], такъ и теперь». Сверхъ того въ примѣчаніи я привожу и самый текстъ Генриха: «.... liberos esse a Ruthenis, sicut semper ante baptismum fuerunt, sic et nunc esse, confirmabant».

Стр. (193). «Епископу Альберту удалось подвинуть на крестовый походъ въ восточный языческій край.... герцога Альберта Саксонскаго [и].... короля Датскаго Вольдемара II». Г. Сапуновъ удивленъ, что все еще имѣлся языческій край на востокѣ. Онъ перечисляетъ уже обращенныя въ христіанство области и племена теперешняго прибалтійскаго края, причемъ относительно леттовъ въ Имерѣ приводитъ опять ошибочно 1214 г. 370
(вмѣсто 1208), и также упускаетъ изъ виду, что Сакала и Угаунія опять освободились. Странное возраженіе! Какъ будто кромѣ другихъ эстонскихъ мѣстностей не было еще *языческой* страны, напр. земли семигалловъ и куроновъ? Между тѣмъ именно *противъ семигалловъ* выступила часть новаго крестоноснаго ополченія въ 1219 г. подъ предводительствомъ герцога Саксонскаго (Генрихъ, XXIII, 3 и слѣд.), тогда какъ другая, подъ начальствомъ короля Вольдемара II, направилась *противъ эстовъ* (въ мѣстности Ревеле и т. д.).

Стр. (195). «Вѣра въ успѣхъ и объясняетъ то, что они (нѣмцы) дважды отклонили мирныя предложенія русскихъ». Г. Сапуновъ указываетъ на стр. 184 [русскаго рукописнаго перевода = стр. 88 нѣмецкаго изданія], гдѣ я упоминаю, что «верховные владѣтели страны [т. е. епископъ и орденъ], хотя и были готовы къ войнѣ съ русскими, хотѣли однако по возможности избѣжать ея», — и замѣчаетъ по поводу этого: «А когда возможность эта представилась, они и забыли о миролюбіи, которое навязы- 371
ваетъ имъ нашъ авторъ». На стр. 184 рѣчь идетъ о событіи, относящемся къ зимѣ 1217—1218 г., т. е. случившемся до начала большой борьбы съ русскими. Затѣмъ на стр. 189 — я показываю, что *русскіе не смотря на всѣ старанія нѣмцевъ* «не пошли на миръ», о которомъ сговорились въ февралѣ или мартѣ 1217 г. при Оденпе, но который, какъ кажется, еще не былъ скрѣпленъ, «а вознамѣрились вмѣстѣ съ эстами продолжать борьбу до самаго уничтоженія нѣмецкой колоніи»; осенью 1218 г. и зимою 1218—1219 русскіе сами обращались съ предложеніемъ мира, но оба раза нѣмцы отвергли его, потому что *«не довѣряли имъ за связь ихъ съ эстами»*: это я отмѣтилъ весьма опредѣленно на стр. 193. Я могъ бы сослаться еще на миръ при Оденпе, который долженъ былъ внушить нѣмцамъ недовѣріе по отношенію къ русскимъ.

Стр. (211). «Лифляндскій хронистъ рѣзко порицаетъ жителей Дерпта и князя Вячко». Г. Сапуновъ разсуждаетъ по поводу этого такъ: «Что 372
жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь хронистъ нигдѣ не обмолвился добрымъ словомъ о русскихъ». Г. Сапуновъ заблуждается, если думаетъ, что я отношусь съ полной вѣрой ко всѣмъ рѣшительно нареканіямъ Генриха въ этомъ случаѣ и въ другихъ подобныхъ. *Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, я ихъ отмѣчаю и только*, не считая возможнымъ обходить ихъ

молчаніемъ, но въ то же время *не могу не сожалѣть о томъ*, что не представляется возможности *провѣрить его здѣсь по другимъ источникамъ!*

Стр. (215). «На общемъ совѣтѣ христіанъ было принято рѣшеніе въ противоположность кроткому образу дѣйствій въ раньше бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій, который не внушалъ достаточно страха, на этотъ разъ поступить съ осажденными самымъ суровымъ образомъ». Г. Сапуновъ протестуетъ вдвойнѣ. *Во первыхъ*, онъ удивленъ тѣмъ, что я «вездѣ»
373 (?) противопоставляю христіанъ русскимъ, и онъ даже спрашиваетъ: «Неужели авторъ серьезно не считаетъ послѣднихъ [русскихъ] христіанами»?— и въ скобкахъ указываетъ на стр. 201, 202 и 210 русскаго рукописнаго перевода, т. е. 95—96 нѣмецкаго изданія, особенно на цитату изъ сочиненія Р. Гаусмана, и стр. 99, гдѣ переданы слова Генриха изъ XXVII, 5. Но г. Сапуновъ *упускаетъ изъ виду, въ чемъ заключался контрастъ*, который имѣлъ значеніе въ предшествующихъ случаяхъ и особенно въ борьбѣ подъ Дерптомъ: это былъ именно контрастъ христіанства и язычества. Русскіе были призваны *язычниками-эстами*, которые не хотѣли больше слышать о христіанствѣ и послы которыхъ заявили между прочимъ въ Ригѣ, что «они хотятъ возстановить миръ, но отнюдь не хотятъ принять христіанство, пока хоть одинъ мальчуганъ въ возрастѣ одного года или въ локоть ростомъ остается въ странѣ». Притомъ эсты численно превосходили русскихъ, тогда какъ въ лагерѣ нѣмцевъ были исключительно христіане. — *Во вторыхъ*, по поводу словъ: «болѣе кроткій образъ дѣйствій
374 въ прежде бывшихъ случаяхъ взятія укрѣпленій» — г. Сапуновъ напоминаетъ, съ одной стороны, разсказъ о взятіи Герцике въ позднѣйшей Орденской хроникѣ, которая однако для занимающаго насъ времени есть источникъ совершенно ненадежный, какъ было не разъ сказано, — съ другой стороны, взятіе Феллина 15 августа 1223 г., при которомъ всѣ русскіе были повѣшены. Но это былъ какъ разъ случай исключительный, который объясняется крайнимъ раздраженіемъ со стороны нѣмцевъ по поводу того, что русскіе помогали отпавшимъ отъ вѣры эстамъ (qui venerunt in auxilium apostatis — Генрихъ XXVII, 2); напротивъ эстамъ была дана пощада, только взято обѣщаніе, что они никогда больше не будутъ оскорблять отпаденіемъ святость вѣры и дадутъ удовлетвореніе за свой проступокъ (promiserunt se nunquam deinceps fidei sacramento apostando violare et de commissis satisfactionem rependere).

Стр. (217). «Истребленъ былъ [при завоеваніи Дерпта] собственно
375 гарнизонъ; если и упоминаются эстонскія женщины, то, навѣрно, онѣ принимали участіе въ сопротивленіи. Что женщинъ и дѣтей обыкновенно щадили, это ясно изъ разсказываемаго въ концѣ этого отрывка». Г. Сапуновъ сомнѣвается въ этомъ послѣднемъ. Я долженъ теперь прибавить, что

онъ, можетъ быть, и правъ; во всякомъ случаѣ мой выводъ лишь гадателенъ; въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ хроники именно сказано: «Interfectis autem viris omnibus», а немного дальше: «Post hoc tulerunt.... et mulieres adhuc superfluas et parvulos». Далѣе разсуждаетъ г. Сапуновъ, что, если бы мое толкованіе мѣста и было вѣрно, все же остается разсказъ о жестокостяхъ при взятіи Герцике; но мы уже видѣли, что этому сообщенію Орденской хроники *нельзя* придавать значенія! Наконецъ г. Сапуновъ категорически заявляетъ, что мое предположеніе, будто эти женщины «навѣрно, принимали участіе въ сопротивленіи», показываетъ только мою «*склонность обѣлять* звѣрскіе поступки нѣмцевъ». Но обращаю прежде 376
всего вниманіе хотя бы на то, что я говорю *предположительно* и вовсе *не спорю противъ того*, что въ пылу битвы *могли* быть убиты и такія женщины, которыя не принимали въ ней участія. Въ то же время г. Сапуновъ, очевидно, не знаетъ, что нѣмцы дѣйствительно имѣли обыкновеніе щадить женщинъ и дѣтей при завоеваніи мѣстностей. Въ противоположность позднѣйшей Орденской хроникѣ, которой особенно довѣряетъ г. Сапуновъ, Генрихъ, единственный удовлетворяющій исторической критикѣ источникъ, который мы имѣемъ, даетъ намъ именно такіе примѣры, напр. въ разсказѣ о взятіи Герцике въ 1209 г. XIII, 4), Оденпе (XIV, 6) и др.

Стр. 222—224). Г. Сапуновъ повторяетъ по поводу «русскаго свидѣтельства» отъ 1228 г., именно отрывка изъ первой новгородской лѣтописи, уже извѣстныя намъ соображенія, которыя были разсмотрѣны мною въ дру- 377
гомъ мѣстѣ (на стр. 302 этого Отвѣта).

Стр. (222—224). Г. Сапуновъ воспроизводитъ мое заключительное замѣчаніе, кончая словами: «Русскимъ были чужды такого рода культурныя стремленія» и опуская остальное. Онъ не соглашается съ моими суждеціями о *томъ значеніи, которое нѣмецкое господство имѣло для жизни и культурнаго развитія туземцевъ прибалтійскаго края;* не отвергая моихъ взглядовъ безусловно, онъ однако замѣчаетъ: «Едва ли нѣмцамъ слѣдуетъ особенно кичиться [!] этой [цивилизаторской] дѣятельностью: если они и достигли кое какихъ результатовъ въ этомъ отношеніи, то нельзя не обратить вниманія на то, *какою цѣною* достигнуто все это». Всякій не предубѣжденный читатель согласится, что въ моемъ заключительномъ замѣчаніи нѣтъ вовсе рѣчи о правѣ нѣмцевъ «кичиться» ихъ цивилизаторскими успѣхами. Было, конечно, вполнѣ умѣстно съ моей стороны указать вкратцѣ на 378
то, что только нѣмцами было водворено повсемѣстно въ краѣ христіанство и ими же заведенъ впервые государственный порядокъ, имѣвшій благодѣтельныя послѣдствія для края, — было умѣстно, повторяю, сказать все это, послѣ того, какъ я занимался изслѣдованіемъ тѣхъ условій, которыя помогли нѣмцамъ въ ихъ многолѣтней борьбѣ съ русскими за прибалтійскій край и

привели къ побѣдѣ ихъ надъ русскими, а также и тѣхъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ понятными неудачи послѣднихъ. При такомъ ходѣ мысли слѣдовало ли дѣйствительно непремѣнно остановиться дольше на той долѣ зла, которую долженъ былъ принести съ собою процессъ обращенія въ христіанство «главнымъ образомъ мѣрами насилія», какъ я самъ на то указываю, и суровость нѣмцевъ къ туземнымъ жителямъ? Г. Сапуновъ излагаетъ это съ большою подробностью, черпая цитаты изъ Руссова, Соловьева, Иловайскаго, Риттиха, Карамзина и стихотворной хроники. Не
379 вхожу въ разсмотрѣніе того, насколько г. Сапуновъ близокъ къ истинѣ въ томъ или другомъ случаѣ. — Вызываетъ возраженія рецензента и та моя мысль, что *«русскимъ были чужды такого рода культурныя стремленія* [т. е. тѣ, которыя имѣлись у нѣмцевъ]». Онъ приводитъ цитаты изъ сочиненія Ярошевича, «Obraz Litvy» и изъ статьи слависта П. Прейса; но обѣ онѣ имѣютъ отношеніе не къ туземцамъ прибалтійскаго края, а къ литовцамъ; потому я и не имѣю надобности на нихъ останавливаться. Прямо къ туземцамъ прибалтійскаго края относятся однако цитата изъ книги Трусмана, «Введеніе христіанства въ Лифляндіи» (стр. 171—177) и цитата изъ моей статьи въ «St.-Petersburger Zeitung» 1896 и «Sitzungsberichten» и пр., 1891 г., на которую ссылается теперь и г. Сапуновъ и на которую я сослался въ самомъ началѣ этого «Отвѣта» (на эту статью указалъ г. Сапунову, уже послѣ того какъ его рецензія была написана, академикъ Куникъ); замѣчу также, что указанный въ концѣ рецензіи докладъ I. Крю-
380 гера и статья А. Кочубинскаго уже были приняты мною въ соображеніе въ моей небольшой работѣ, о которой я уже упоминалъ раньше, напечатанной въ послѣднемъ выпускѣ «Magazin der Lettisch-Litterärischen Gesellschaft», при чемъ *относительно Кочубинскаго* я выражаю тамъ (стр. 17) мнѣніе, что «къ его даннымъ и выводамъ слѣдуетъ относиться *съ большой осторожностью». То же нужно сказать съ не меньшимъ основаніемъ и по поводу мнѣній Трусмана;* относительно же доклада I. Крюгера я упомянулъ уже въ примѣчаніи къ стр. 321 этого «Отвѣта», что «онъ вызвалъ очень сильныя возраженія». Что касается, наконецъ, Трусмана — я уже показалъ на стр. 361, что его мнѣніе, повторяемое г. Сапуновымъ, — будто русскіе до появленія нѣмцевъ жили уже въ Лифляндіи «цѣлыми деревнями», — несостоятельно. Нисколько не колеблетъ моихъ подробно обоснованныхъ выводовъ здѣсь и въ предыдущей работѣ — цитата, кото-
381 рую Трусманъ приводитъ изъ статьи W. von Gutzeit'a, «Die griechisch-katholischen Kirchen Rigas» («Mittheilungen aus der livl. Geschichte», Bd. XI, S. 377 f.); развѣ только сравнительнолингвистическія его соображенія заслуживали бы, пожалуй, вниманія. Не будучи спеціалистомъ въ этой области, могу отнестись къ нимъ критически на основаніи моего

знанія языковъ нѣмецкаго, латышскаго и латинскаго и, по моему мнѣнію, многія изъ приводимыхъ Трусманомъ латышскихъ словъ, которыя яко бы заимствованы изъ русскаго, могутъ быть объяснены, пожалуй, и *иначе*, нѣкоторыя же прямо *не могли быть взяты изъ русскаго языка*. Во всякомъ случаѣ приводимыя Трусманомъ лингвистическія сближенія нуждаются въ новой тщательной провѣркѣ съ точки зрѣнія науки о языкѣ. Но пусть даже заимствованія были: такъ латышскія названія для понятій «церкви» и «грѣха» и др. — русскаго происхожденія; такъ между прочимъ счетъ дней недѣли въ латышскомъ и эстонскомъ языкахъ ведется такъ, какъ 382
въ восточной, а не такъ какъ въ западной церкви, что видно изъ самыхъ названій[202]); *но что же все это доказываетъ? Только то*, что русскіе — христіане, впродолженіи нѣсколькихъ столѣтій живя въ сосѣдствѣ съ туземцами прибалтійскаго края, имѣли на нихъ еще до прихода нѣмецкихъ миссіонеровъ *нѣкоторое культурное вліяніе*. Русскіе стояли выше ихъ и
какъ *христіане* и притомъ *единственные* христіане, съ которыми балтій- 383
скіе туземцы приходили тогда въ соприкосновеніе, и также въ культурномъ отношеніи — своимъ *политическимъ и экономическимъ* устройствомъ; а въ подобныхъ случаяхъ всегда народности, стоящія на болѣе низкой ступени развитія, дѣлаютъ заимствованія у опередившихъ ихъ сосѣдей. Мало этого: русскіе были не только близкими сосѣдями латышей и эстовъ, и частію ихъ господами, но въ области латышей по Двинѣ, какъ теперь можно утверждать съ увѣренностью (см. мою работу, стр. 13, прим. 2), существовало втеченіи *не одного столѣтія* по крайней мѣрѣ одно удѣльное русское княжество — Герцике, а можетъ быть также и другое — Куконосъ; относительно Герцике Генрихъ Летляндскій свидѣтельствуетъ положительно (XIII, 4), что тамъ были «церкви»; то же самое мы имѣемъ основаніе принять и относительно Куконоса. Это обстоятельство должно было прежде всего вліять на религіозныя понятія латышей, что и сказалось напр. въ 384
заимствованіи ими у русскихъ счисленія дней недѣли, которое имѣетъ вообще важное экономическое значеніе. Но нѣтъ возможности доказать, что русскіе имѣли здѣсь *сознательныя «культурныя стремленія»* или, въ данномъ случаѣ, серьезно проводимую *миссіонерскую дѣятельность* среди туземцевъ прибалтійскаго края, — этого нельзя доказать *ни* на основаніи

---

202) Въ «St.-Petersburger Zeitung» 1896, № 212, гдѣ я впервые заговорилъ объ этомъ, я замѣтилъ, что высказанное мною мнѣніе «нигдѣ еще въ литературѣ не встрѣчалось». Г. Сапуновъ на это замѣчаетъ, что оно было высказано раньше, подразумѣвая, очевидно, «Докладъ» Прейса, котораго я дѣйствительно не зналъ до того, и которымъ воспользовался въ первый разъ въ статьѣ: «Die kulturelle Beeinflussung der Letten» и т. д. Но Прейсъ толкуетъ о прусскихъ литовцахъ и сближаетъ *литовскія* названія дней недѣли съ русскими на *лингвистической* основѣ; я же напротивъ даю *историко-хронологическое* доказательство и притомъ относительно *латышскихъ и эстонскихъ* названій дней недѣли.

историческихъ источниковъ, — если, повторяю, не считать «разрозненныя и, такъ сказать, случайныя попытки крестить туземцевъ, вызванныя чисто внѣшними побужденіями, — въ Толовѣ и Угауніи», которыя такъ и остались попытками, — *ни* при помощи лингвистическихъ сближеній, о которыхъ шла рѣчь: эти послѣднія, конечно, *недостаточны для такой цѣли!*

Еще утверждаетъ г. Сапуновъ, стр. 132, что приложенная къ моей работѣ карта, о которой я говорю въ предисловіи, что «она можетъ помочь
385 оріентироваться среди названныхъ въ текстѣ мѣстностей, по крайней мѣрѣ тѣмъ читателямъ, которые менѣе знакомы съ даннымъ матеріаломъ», — мною «составлена на основаніи картъ Меркеля и Биленштейна съ нѣкоторыми поправками». Это однако же невѣрно. Зависимость моей карты отъ карты II въ Атласѣ *Биленштейна* я отмѣтилъ уже тѣмъ, что употребилъ тѣ же оттѣнки цвѣтовъ, что у него; затѣмъ я дѣйствительно сдѣлалъ въ ней «поправки», основанія которыхъ я и привелъ въ «Приложеніи» («Нѣкоторые спорные вопросы географіи старинной Лифляндіи», стр. 225—252). Что Меркель также составилъ карту балтійскихъ провинцій, — это мнѣ и теперь неизвѣстно. Но я пользовался не одной картой Биленштейна, но болѣе ея — картой *K. von Löwis of Menar* («Livland im Mittelalter», Reval, 1895). Одну ошибку, которую я перенесъ оттуда на свою карту, могу я теперь исправить; а именно; какъ видно изъ сочиненія A. von
386 Gernet, «Verfassungsgeschichte des Bisthums Dorpat» S. 21 (Reval, 1896), мѣстность *Nurmegunde* лежала къ востоку, а Mocha — къ западу отъ Pahle, а не наоборотъ, какъ то обозначено на картѣ при нѣмецкомъ изданіи моей работы.

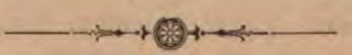
Въ интересахъ дѣла я приложилъ все мое стараніе, чтобы изъ обширной рецензіи г. Сапунова извлечь хоть что нибудь такое, что могло бы подвинуть впередъ въ томъ или другомъ отношеніи наши знанія въ области тѣхъ вопросовъ, которымъ посвящена моя работа. Но я долженъ сознаться, что рецензія *не дала мнѣ ничего* такого; пожалуй, я обязанъ ей тѣмъ, что она заставила меня обратить вниманіе на неточности въ русскомъ переводѣ, исправленіе которыхъ и должно теперь послужить на пользу печатному изданію русскаго текста. Можетъ быть, и еще одну полезную для меня сторону имѣли замѣчанія г. Сапунова: опровергая ихъ, я долженъ былъ заново пересмотрѣть нѣкоторыя существенныя подробности и формулировать ихъ съ еще большей опредѣленностью.

ДОПОЛНЕНІЕ.

Лицо, переводившее мое сочиненіе, обратило мое вниманіе на то, *что въ примѣчаніи 2 русскаго рукописнаго перевода имѣлась слѣдующая прибавка, опущенная мною въ печатномъ нѣмецкомъ текстѣ, а именно:* «Въ виду того, что латышское происхожденіе хрониста не доказано и даже весьма мало вѣроятно, неправильно называть его Генрихомъ-латышемъ. Есть указанія лишь на то, что онъ былъ священникомъ въ землѣ латышей-леттовъ».

Эта прибавка предназначалась именно для русскихъ читателей, съ тѣмъ чтобы объяснить употребленное мною названіе «леттляндскій» (вмѣсто «латышъ») въ примѣненіи къ хронисту Генриху; въ нѣмецкомъ текстѣ я ея не помѣстилъ и потомъ, возражая на IV отдѣлъ рецензіи г. Сапунова, упустилъ ее изъ виду. Возстановляя ее теперь, я долженъ прибавить, что на основаніи ея всетаки никоимъ образомъ нельзя утверждать, будто я въ своемъ сочиненіи *«категорически»* высказался за нѣмецкое происхожденіе хрониста!

Слѣдуетъ еще сдѣлать *поправку въ приложенной къ моему сочиненію картѣ*. На послѣдней строкѣ подъ картою напечатано: «Латыши (и Семигалы, и Куроны)», между тѣмъ должно быть: «Латыши (и Семигалы, и *Зелоны*)».



ФР. фонъ КЕЙССЛЕРЪ. Окончаніе первоначальнаго русскаго владычества въ прибалтійскомъ краѣ въ XIII столѣтіи.

Картогр. зав. А. Ильина. СПБ

Эсты.

Ливы.

Ливы вмѣстѣ съ Латышами (и Куроны).

Латыши (и Семигалы и Куроны).

Литовцы.

Русскіе.

DK 511 .B3 K417 f
Okonchanie pervonachalnago rus
Stanford University Libraries
3 6105 041 458 279

D
5
B

Stanford University Libra
Stanford, California

Return this book on or before date